

ГРАМОТЫ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ

съ 1390 по 1569 годъ,

**собранныя и изданныя подъ редакціею
*Владиміра Антоновича и Константина Козловскаго.***

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1868.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1868 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- Предисловіе.
- Грамоты

1. Грамота великаго князя Витовта, князю Оедору Даниловичу Острожскому на имѣнія: Бродовъ, Радогоще, Межеричи, Дяково, Свищово и др. (около 1390 г.)
2. Обязательство, данное епископомъ Луцкимъ Иваномъ королю Ягеллу въ томъ, что онъ дастъ послѣднему 200 гривенъ и 30 коней, ести поможетъ онъ епископу получить Галицкую митрополію. 1398 г
3. Жалованная грамота великаго князя Свидригайла, кухмистру Петру Мыщицу на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ: село Борщанку, селище Кандитовъ и Дедовскій лѣсъ. 1408 года, февраля 4 дня
4. Грамота великаго князя Свидригайла, утверждающая границы имѣній земянина Брацлавскаго, Карпа Ивановича Микулинскаго. 1431 года, мая 21 дня
5. Грамота великаго князя Свидригайла шляхетнымъ Чоботамъ на имѣніе Рычеховъ. 1445 года, марта 3 дня
6. Духовное завѣщаніе князя Андрея Владиміровича, написанное имъ въ Кіево-печерской лаврѣ, по которому имѣнія его: Словенскъ, Могильное, Коменце, Логожескъ, Лемницы и Полонное, въ случаѣ смерти, переходятъ женѣ и дѣтямъ его. 1446 года, іюня 16 дня
7. Грамоты короля Казимира, 1457 года, 11 ноября, и великихъ князей литовскихъ: Александра, 1500 года, августа 6 дня, и Сигизмунда II, 1545 года, декабря 5 дня, служащія князьямъ Любецкимъ на имѣніе Любчо и на другія имѣнія, находящіяся въ Волынской землѣ
8. Грамота великаго князя Александра Свидригайла князю Махаилу Васильевичу (Вишневецкому?) на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ. 1458 года, декабря 29 дня
9. Жалованная грамота князя Семена Александровича, слугѣ своему, Іереміѣ Шашку, на различныя имѣнія. 1459 года, іюня 12 дня
10. Грамота великаго князя Александра, Звягольскому намѣстнику, Яцку Мѣзю, на крестьянское семейство въ г. Овручѣ. 1496 года, апрѣля 11 дня
11. Грамота великаго князя Александра, земянину Блищановичу на земли: Телешовщизну и Царевщину, находящіяся въ Овручскомъ повѣтѣ. 1498 года, октября 13. Подтвержденіе этой грамоты Сигизмундомъ III, 1601 года, февраля 27 дня
12. Грамоты великихъ князей: Александра, 1499 года, марта 24 дня, Сигизмунда I и Сигизмунда II, а равно и другихъ лицъ, Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю, на имѣнія

13. Грамота великаго князя Александра, Черкасскому землянину, Гринку Васкевичу, на имѣнія: Михліево, Орловичи и Линчинцы. 1499 года, апрѣля 12 дня

14. Грамота великаго князя Александра, Волынскому землянину, Ивашку Лабунскому, на пустыя селища: Колышинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1501 года, декабря 21 дня

15. Вторичная подтвердительная грамота великаго князя Александра, землянину Волынскому, Ивашку Лабунскому, на имѣнія: Колышинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, января 24 дня

16. Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, приказывающая ему возвратить Овручскому старцу, Василю Михалкевичу, отнятую у него землю. 1503 г. іюня 25 дня. (Донесеніе вознаго о вводѣ имѣ Михалкевича во владѣніе землею Кончаковскою. 1503 года, августа 2 дня)

17. Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, о томъ, чтобы онъ возвратилъ Овручскому старцу Василю Михалкевичу отнятый у него островъ, находящійся за рѣкою Каменкою, и не присвоивалъ-бы имѣнія Михалкевича. 1503 года, августа 21 д

18. Грамота великаго князя Александра, Винницкому землянину, Шульгѣ Долбыничу, на пустошь въ Брацлавскомъ повѣтѣ, называемую Котенево. 1504 года, февраля 16 дня

19. Грамота Сигизмунда-Августа, 1570 года, мая 30 дня, подтверждающая привиллегіи, данныя отъ его предковъ: Сигизмунда, Казимира, Александра, а равно и записи отъ нѣкоторыхъ землянь Кіевскихъ, монастырю Свято-Никольскому пустынскому Кіевскому, на села, имѣніе и земли. Одна изъ такихъ привиллегій, упоминземыхъ въ настоящемъ актѣ, значится подъ 1504 г. іюля 29 дня

20. Грамота великаго князя Александра, Ивашку Лабунскому на имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503, марта 3 дня

21. Жалованная грамота великаго князя Александра, землянину Кременецкому, Олексѣ Сковородкѣ, на села: Кобыльное, Лановцы и Кузьминскій лѣсъ. 1506 года, январа 22 дня .

22. Грамота великаго князя Александра, землянину Брацлавскому, Ивану Долбыничу, на село Трыбисово. 1506 года, марта 11 дня

23. Грамота Сигизмунда I, Черкасскому землянину, Гринку Васкевичу, на владѣніе селами: Мигліевомъ, Орловичами и Линчинцами, подъ условіемъ отправлять земскую службу. 1510 — 1525 — 1540 года, сентября 25 дня

24. Грамота Сигизмунда I, князьямъ Вишневецкимъ, на мѣстечко Перемиль въ Луцкомъ повѣтѣ. 1511 года, іюня 15 дня

25. Подтвердительная грамота Сигизмунда I, городу Кіеву, на Магдебургское право, пожалованное этому городу королемъ Александромъ; Сигизмундъ прибавляетъ при томъ

новыя права и льготы. 1516 года, января 12 дня. (Подтверждение этой же грамоты Сигизмундомъ-Августомъ. 1545 года, апрѣля 24 дня

26. Рѣшеніе короля Сигизмунда I, по жалобѣ пановъ: Стефана, Ивана и другихъ братьевъ Гриневичей-Яцковскихъ, на воеводу Кіевскаго Андрея Немирича, за отнятіе грунтовъ, мельницы на р. Горыни, и за набѣдъ на ихъ имѣнія. Король, утверждая за Гриневичами-Яцковскими ихъ имѣнія, объявляетъ Немирича виновнымъ по этому дѣлу и преказываетъ ему, дабы онъ на будущее время не дѣлалъ разореній и насилій въ имѣніи Гриневичей-Яцковскихъ. 1520 года, августа 10 дня

27. Грамота Сигизмунда I, Овруцкому земянину, Тимошу Барановскому, на земли: Жадановскую, Барановскую и на островъ Залезницкій. 1531 года, іюня 17 дня

28. Подтвердительная грамота Сигизмунда, Брацлавскому земянину, Олехну Ивановичу Микулинскому, на имѣнія: Микулинцы, Борки, Новоселицы, Рогъ, Почапінцы и половину Мизякова, въ воонагражденіе за военныя заслуги, оказанныя противъ татаръ, подѣ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1531 года, августа 5 дня

29. Грамота Сигизмунда I, Черкасскому земянину, Ивану Зубриковичу, на села: Михліево, Орловичи и Ленчицы, находящіяся въ Черкасскомъ повѣтѣ, и Бѣгловцы — въ повѣтѣ Кіевскомъ. 1533 года, февраля 20 дня

30. Грамота Сигизмунда-Августа, шляхтичу Новгородскаго воеводства, Данилу Стецкевичу, на владѣніе пустошью, называемою Вельцы, подѣ условіемъ служить военную службу. 1533 года, октября 12 дня

31. Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись Анны Гриньковой, ея зятю, Черкасскому боярину, Ивану Жубрику, на села, лежащія въ Кіевскомъ повѣтѣ: Бѣгловцы, Останковцы, Лисуновцы и Новоставки; на пасѣки, лежащія надѣ рѣками: Быстрикомъ, Раставицею, Гуйвою и Гувкою, и на села, лежащія въ Черкасскомъ повѣтѣ: Михліево, Орловець и Линчинци. Король разрѣшаетъ Жубрику владѣть упомянутыми селами, подѣ условіемъ, что онъ будетъ служить изъ нихъ военную службу. 1539 года, іюля 3 дня

32. Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая приговоръ третейскаго суда о разграниченіи имѣній князя Василія Ковельскаго и князя Андрея Михайловича Сангушковича-Коширскаго, состоявшійся въ 1539 году и подтвержденный уже въ то время Сигизмундомъ I. 1553 года, октября 26 дня

33. Грамота Сигизмунда I, бурмистру и мѣщанамъ Черкасскимъ о томъ, чтобы они не беспокоили боярина Ивана Жубрика и принадлежащихъ ему имѣній, такъ какъ онъ владѣть ими законно, въ чемъ удостовѣрилъ короля разсматривавшій права Жубрика Кіевскій воевода, Немировичъ. 1541 года, іюня 28 дня

34. Грамота Сигизмунда I, Овруцкому державцѣ, Криштофу Кмитичу, предписывающая ему возвратить поле, отнятое имъ у Овруцкаго земянина Андрея Котяка. 1544 года, апрѣля 8

35. Грамота Сигизмунда I, Овручскому старостѣ, Криштофу Кмитичу, предписывающая ему не отнимать земель у землянъ Гриневичей Яцковскихъ, выслуженныхъ предками ихъ у князя Александра (Олелька) Владиміровича. 1544 года, іюня 10 дня

36. Грамота Сигизмунда-Августа, приказывающая дворянамъ: князю Матвѣю Четвертинскому, Василю Янковичу, Федору и Гаврилу Бокевичамъ и Ивану Гутору, явиться въ качествѣ третейскихъ судей въ назначенный судебный срокъ для разбирательства тяжбы между Ковельскимъ старостою, Богданомъ Семашкомъ, и княземъ Федоромъ Острожецкимъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Прогорѣлицею. 1548 года, апрѣля 27 д

37. Приказъ Кіевского воеводы, князя Фридриха Глебовича Пронскаго, землянамъ Служкѣ и Стужанковичу о томъ, чтобы они не удерживали слѣдуемой съ ихъ земель медовой дани въ пользу Овручской церкви Св. Василя Великаго, такъ какъ воевода убѣдился изъ надписи на древнемъ евангеліи, что право на эту дань дѣйствительно пожаловано церкви Св. Василя княземъ Василемъ Владиміровичемъ. 1551 года, декабря 3 дня

38. Грамота Сигизмунда-Августа, мѣщанамъ Кіевскимъ на право исключительной торговли горячими напитками, подѣ условіемъ платы въ казну ежегодной пошлыны — «капщизны» — по 800 копѣ грошей. 1558 года, мая 5 дня

39. Жалованная грамота Сигизмунда-Августа, Федору Каменецкому, на урочища въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ: Петровую Луку и Морозовку и на домъ въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ. Король рсвобождаетъ пожалованныя имѣнія отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи 20 лѣтъ, подѣ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ заселилъ ихъ въ продолженіи этого времени. 1558 года, іюля 1 дня

40. Грамота Сигизмунда-Августа къ панамъ, урядникамъ, дворянамъ и магистратамъ земли Волынской, запрещающая имъ подчинять своему суду писарей, отправленныхъ для сбора королевскихъ пошлынь мытникомъ великаго княжества Литовскаго, евреемъ Менделемъ Изаковичемъ. 1560 года, ноября 28

41. Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая уступку имѣній, лежащихъ въ Кіевскомъ и Звенигородскомъ повѣтахъ, Анною Гриньковою зятю ея, Ивану Жубрику. 1562 года, мая 10 дня

42. Грамота короля Сигизмунда, предписывающая старостѣ Черкасскому и Каневскому, князю Михайлу Вишневецкому, разобрать споръ, возникшій вслѣдствіе жалобы землянина Василя Ивановича Жубрика на Ждана Повитку. 1562 года, мая 11 дня

43. Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая мѣщанъ города Любеча отъ уплаты торговыхъ пошлынь во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1562 года, августа 5 дня

44. Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, содержащія постановленія о томъ, чтобы обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей подкрѣплялись непременно показаніями свидѣтелей (въ томъ числѣ 3 евреевъ), и чтобы дѣла, возникающія по поводу сихъ обвиненій, судились самимъ королемъ въ присутствіи сейма. Первая грамота издана по поводу обвиненія въ убіеніи христіанскаго ребенка, въ городѣ Нарви,

мытниками королевскими, евреями: Давидомъ и Ицкомъ Бородавкою. 1564 года, августа 6 дня. Вторая грамота издана по поводу обвиненія въ томъ же преступленіи еврея Нахима, въ городѣ Росошѣ. 1566 года, мая 20 дня

45. Грамота старосты Овручскаго, князя Андрея Тимофеевича Капусты, жалующая землянину Исааку Онуфріевичу землю Ходотовщину, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1565 года, августа 2 дня

46. Грамота Сигизмунда-Августа, содержащая въ себѣ распоряженіе о томъ, чтобы купцы-евреи, понесшіе убытки отъ сборщиковъ королевскихъ пошлей, евреевъ: Исаака Бородавки и Менделя Исааковича, требовали-бы удовлетворенія немедленно, а не ожидали окончанія срока ихъ должности, такъ какъ выжиданіемъ и угрозами они приводятъ сборщиковъ въ смятеніе и причиняють убытки королевской казнѣ. 1567 года, мая 27 дня

47. Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ воеводства Волынскаго о томъ, чтобы они не препятствовали сбору пошлей съ рыбы, вывозимой за границу изъ прудовъ волынскихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи рыбы въ пользу королевской казны. 1567 года, ноября 10 дня

48. Грамота Сигизмунда-Августа, къ мѣщанамъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 копъ грошей, не принимать въ дома свои проѣзжихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока товары ихъ не будутъ освидѣтельствованы сборщиками таможенныхъ пошлей. 1567 года, ноября 13

49. Грамота Сигизмунда Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ судиться съ сборщиками таможенныхъ пошлей исключительно въ королевскомъ судѣ. 1567 года, ноября 13 дня

50. Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ прекратить угрозы и оскорбленія, наносимыя евреямъ, сборщикамъ таможенныхъ пошлей. 1567 года, ноября 13

51. Грамота Сигизмунда-Августа, утверждающая привиллегію, данную епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, Маркомъ Журавлацкимъ, боярину Григорію Сестршану, по которой отдается ему за службу во владѣніе церковное село Точивѣки. 1568 года, января 22 дня

52. Уступка протоіереемъ Овручской церкви Св. Василя Великаго, Григоріемъ Василевскимъ, урочища Трыстеницкаго въ потомственное владѣніе крестьянамъ села Мухоѣдъ, Даниловичамъ, подъ условіемъ отдачи ежегодной дапи въ ползу церкви по 10 ведеръ меду. 1568 года, марта 9 дня

53. Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая дворянина Ивана Борзобогатого-Красенскаго отъ отвѣтственности за неисполненіе военной повинности, такъ какъ онъ во время похода занятъ былъ господарскою службою. 1568 года, апрѣля 25 дня

54. Уважчій листь, выданный Сигизмундомъ-Августомъ князю Богушу Федоровичу Корецкому, старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, въ имѣнія Серадскаго

воеводы, Ольбрыхта Ласкаго, и жены его, княжны Беаты Острожской. Король присудилъ ихъ имѣнія князю Корецкому за сумму 47,407 копѣ грошей, которые Ласкіе должны были, вслѣдствіе королевскаго приговора, уплатить ему въ удовлетвореніе за 35 наѣздовъ и грабежей, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Корецкаго. 1568 года, іюля 10 дня

55. Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, извѣщающія объ отдачѣ на откупъ, на годъ, таможенныхъ пошлинъ великаго княжества Литовскаго, Жмудскому старостѣ, Яну Еронимовичу Ходкевичу, подканцлеру Литовскому, Остафію Воловичу, и еврею Менделю Изаковичу. 1568 года, сентября 5 и 8 д

56. Грамота Сигизмунда-Августа, князю Андрею Михайловичу Курбскому, о томъ, что назначается новый судебный срокъ, до дѣлу его съ Судомирскою каштеляншею, Анною Мацѣвскою, впредь до выздоровленія ея повѣреннаго; кромѣ того, грамота предписываетъ Курбскому возвратить Мацѣвской 200 овецъ, похищенныхъ въ ея имѣніи. 1568 г., сентября 17 д

57. Грамота Сигизмунда-Августа, къ сборщикамъ податей: князю Дмитрію Козекѣ и Ивану Гулевичу, предписывающая имъ принять подать изъ имѣній князя Андрея Михайловича Курбскаго, безъ взысканія штрафа за несвоевременную уплату оной. 1568 года, октября 5 дня

58. Грамота Сигизмунда-Августа, извѣщающая объ отдачѣ на годъ въ откупъ таможенныхъ пошлинъ евреямъ: Менделю Изаковичу и Липману Шмерлевичу, и приглашающая всѣхъ жителей великаго княжества Литовскаго оказывать откупщикамъ возможную помощь при сборѣ пошлинъ, и не способствовать тайному провозу товаровъ. 1568 года, октября 20

59. Грамота Сигизмунда-Августа, старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, князю Богушу Оедоровичу Корецкому, предписывающая ему выдать бѣглыхъ крестьянъ и вознаградить убытки, причиненные Владимірскому подкоморію, Александру Семашку. 1569 года, февраля 1 дня

• ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись на мызу въ пользу церкви Св. Николая въ Вильнѣ, выданную подскарбіемъ земскимъ, Богуславомъ Пилькевичемъ. 1523 года, іюля 7 дня

2. Грамота, пожалованная Сигизмундомъ I Николаю Буркату на дворянское званіе, съ присоединеніемъ его къ гербу »Лебедь«. 1531 года, февраля 10 дня

3. Декретъ Сигизмунда I, состоявшійся вслѣдствіе жалобы житомирскихъ мѣщанъ на дворянина Луку Лозовицкаго о томъ, что онъ присвоилъ принадлежащія имъ земли, находящіяся возлѣ рѣки Гуйвы. Сигизмундъ, на основаніи грамоты Александра, данной дѣду Лозовицкаго, утверждаетъ право владѣнія Луки Лозовицкаго, на эти земли. 1537 года, февраля 11 дня

4. Грамота Сигизмунда-Августа, дворянину Лукѣ Богдановичу Лозовицкому, подтверждающая привилегіи, данныя Александромъ его дѣду, Нелюбу Гринкевичу

Лозовицкому, въ 1494 году, и ему самому Сигизмундомъ, въ 1517 году, на селища въ Житомирскомъ повѣтѣ: Звинячка, Звинячье, великій и малый Жерделы, руда Руйная и руда Малявка. 1547 года, ноября 11 дня

5. Подтвердительная грамота Сигизмунда, слугѣ старосты Луцкаго, Брацлавскаго и Винницкаго, князя Богуща Оедоровича Корецкаго, Ермолѣ Мелешку, на селище Залисце, лежащее въ Винницкомъ повѣтѣ. 1564 года, іюля 5 дня

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ »Грамоты великихъ князей Литовскихъ«, обнимающія собою время отъ конца XIV в. до 1569 года, т. е. до Люблинской Уніи.

Въ этомъ томѣ помѣщены:

1. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ частнымъ лицамъ на владѣніе землями, имѣніями, и вообще акты, относящіеся до поземельнаго владѣнія въ Южной Руси (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 41, 45, 51, 54).

2. Грамоты, относящіеся къ церкви и духовенству (№№ 2, 12, 19, 37, 51, 52).

3. Къ военной службѣ (№ 53).

4. Къ городамъ (№№ 25, 33, 38, 43, 48).

5. Къ крестьянамъ и отношенію ихъ къ землевладѣнію (№№ 10, 16, 17, 37, 39, 52, 59).

6. Къ евреямъ (№№ 44, 46, 50).

7. Къ администраціи (№№ 26, 34, 35, 42).

8. Къ судопроизводству (№№ 36, 42, 49, 54, 56, 57, 59).

и 9. Къ финансовому устройству (№№ 40, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58).

Въ числѣ этихъ грамотъ слѣдующія относятся къ древнимъ южнорусскимъ княжескимъ родамъ:

а) къ роду князей Олельковичей (№№ 6, 9).

б) » » » Острожскихъ (№№ 1, 54).

в) » » » Любецкихъ (№ 7).

г) къ роду князей Вишневецкихъ (№№ 8, 24, 42).

д) » » » Ковельскихъ (№ 32).

е) » » » Сангушковъ-Коширскихъ (№ 32).

ж) » » » Капустъ (№ 45).

з) » » » Корецкихъ (№№ 54, 59).

и) » » » Четвертинскихъ (№ 36).

і) » » » Острожецкихъ (№ 36).

и к) » » » Курбскихъ (№№ 56, 57).

Всѣ помѣщенные въ настоящемъ томѣ грамоты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, въ подлинникѣ или въ копіи, находятся въ частномъ собраніи г. Антоновича, взяты изъ актовыхъ книгъ Кіевского центрального архива. Кромѣ того, въ интересахъ русской исторической науки, мы признали нужнымъ включить еще въ этотъ томъ пять грамотъ, взятыхъ изъ Athenaeum, (1842 г. т. II), изданія довольно рѣдкаго въ настоящее время.

К. Козловскій.

1.

Грамота великаго князя Витовта князю Оедору Даниловичу Острожскому на имѣнія: Бродовъ, Радосіолки, Радогоще, Межеричи Дяково, Свищово и др. (около 1390).

Actum in castro inferiori Leopoliensi, feria quarta post dominicam invocavit quadragesimalem proxima, anno domini millesimo sexcentesimo, nonagesimo quarto.

Ad officium actaque praesencia, castrensia, capitanealia, Leopoliensia personaliter veniens generosus Gaspar de Magna Kunice Kunicki, pocillator Czerniechoviensis, praesentavit officio praesenti copias privilegiorum, tam serenissimorum olim poloniac regum, quam et ducum russiae, partim polono, partim latino idiomate in se sonantium, vigore quorum ducatus Ostrogiensis possidebatur, ex originalibus in unum libri compagem caractere jam obsoleto conscriptas, ex archivo illustris et magnifici Stanislai Joannis in Jablonov Jablonovski, castellani Cracoviensis, exercituum regni supromi ducis, quoniam originalia ipsa ad praesens inveniri nequeunt, sibi concreditas et communicatas, petiitque ab officio praesenti unius copiam privilegii exusdem copiis, numero quintam, describi et in acta officii sui ingrossari ac sibi authenticae extradi; quas privilegiorum copias officium praesens vidit et triginta septem esse numeravit, affectationique ejusdem genorosi Kunicki, pocillatoris Czerniechoviensis, annuendo, eandem, copiam sub numero quinto existentem, de verbu ad verbum descripsit, actisque suis ingrossavit de tenore verborum sequenti. Numero quinto: »Przywilej oryginału Witulldowego Xiążęciu Teodoru na Oslrog, na Brodow, na Radosiołki, na Radohoszcz, na Międzyżecz, na Diakowo, na Swiszczow, na Ozierany, na Horodniczu, na Dwa Stawki, anno sexcentesimo quarto. My Wielki Kniaz Witulld czyniemy znaiomo wszystkim, kto na tę hramotę weyrzy, abo usłysz y będzie czytał, /2/ iż zapisujemy y zapisaliśmy Kniaziu Fedoru Daniłowiczu Ostrog, jako y ociec jego dzierżał yz sieły y ze wszystkim, co k temu przynależy, jako y przy oycu jego było, także cośmy przydali kniaziu Fedoru sióło Brodow, także i Radosiołki, Radohoszcze, Meżerycze, Uziakow, także Swiszczow y z przysiołkami, ozerami, Horodnicz, Dwa Stawki, a to wszystko wzwyż opisane dzierżeć kniaziu. Fedoru wiecznie, nieporuszenie nikomu y do jego żywota, y po jego żywocie — żenię y dzieciom jego na wieki; a na to wszystko daliśmy kniaziu Fedoru tę hramotę, i pieczęć swą kazaliśmy przywiesić. A pisan w Łucku, w poniedziałek po świętym Piotrze, w lato szesćsetne czwarte (sic.). Pod zawinieniem niżej u tego przywileju był napis ruskim pismem w te słowa: Kniahyni wielikaia sprawa. Post ingrossationem vero ejusdem, copias idem generosus Kunicki ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Ex actis castrensibus capitaneatus Leopoliensis extraditum.

Сообщено Б. Антоновичемъ.

Примѣчаніе. — Упоминаемый въ настоящемъ актѣ князь Оедоръ Даниловичъ Острожскій въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій игралъ въ исторіи южной Руси весьма замѣчательную роль. Въ 1386 году польскій король Ягелло и великій князь Литовскій подтвердилъ за нимъ Острожское владѣніе и увеличили его удѣлъ округами Корецкимъ и

Заславскимъ. Въ 1390 г. Ягелло подтвердилъ за нимъ еще разъ княжества Острожское и Заславское; затѣмъ лѣтописи на цѣлые 32 года умалчивають о князѣ Ѳеодорѣ Острожскомъ. Въ 1422 году онъ появляется въ числѣ сподвижниковъ князя Сигизмунда Корибутовича, отправившагося въ Чехію, по просьбѣ жителей города Праги, на помощь противъ нѣмцевъ, ожесточенно старавшихся утопить въ крови гусситизмъ. — До паденія Сигизмунда въ 1427 г. между храбрѣйшими его товарищами виднѣется постоянно князь Ѳеодоръ Острожскій (у Палацкаго: «князь Русскій изъ рода князей Острожскихъ»); но и послѣ удаленія Сигизмунда изъ Чехіи онъ продолжаетъ сражаться съ нѣмцами, въ качествѣ охотника, еще въ 1430 году онъ отличился въ силезскомъ походѣ гусситовъ. Но въ этомъ году произошло событіе, отозвавшее князя Ѳеодора на родину, — скончался В. К. Литовскій Витольдъ и Литву охватила сильная междоусобная борьба, затихшая было только вслѣдствіе талантовъ и внѣшней предприимчивости этого князя: два разноплеменные элемента, вошедшіе въ составъ великаго княжества: литовскій и русскій, поднялись въ послѣдній разъ на борьбу за преобладаніе; борьба эта, вспыхивавшая и до того времени среди междоусобій Кейстута, Ягелла, Явнута, Скиргайла и т. п. нашла на этотъ разъ болѣе способныхъ представителей и обозначилась рельефно въ двухъ соис-
/3/кателяхъ великокняжескаго престола. Литовская партія, опиравшаяся на общинную, демократическую, преданную роду Кейстута, Жмудь, сгруппировалась около Жикгмунта Кейстутовича «мыслившаго въ сердцу своемъ, по дьяволу наущенью, каковыи весь рожай шляхетскій погубити и кровь ихъ розлити и поднести рожай хлопскій, псю кровь». Русская партія, въ лицѣ многочисленныхъ княжескихъ родовъ — Рюриковичей и Гедиминовичей, опираясь на княжеское, аристократическое, феодальное начало — имѣла представителемъ своего любимца — Свидригайла Ольгердовича. Въ сторонѣ отъ обѣихъ партій зараждалась 3-я, которой суждено было восторжествовать вскорѣ надъ обѣими: — это партія польская, она имѣла опору въ мелкой русской боярщинѣ, мечтавшей о равноправности польской шляхты, и въ нѣкоторыхъ литовскихъ сановникахъ, возведенныхъ польскимъ вліяніемъ въ крупные должности. Партія эта равно враждебная и общинной Жюуди и княжеской Руси, пока значительно уступавшая въ силѣ обѣимъ, вела свои дѣла осторожно, опираясь на польскую помощь, она дружила попеременно, смотря по обстоятельствамъ, съ обѣими враждующими сторонами, а между тѣмъ, въ виду будущей «Уніи», помогала полякамъ оттягивать у Литвы одну землю за другою. — Среди этой борьбы князь Ѳеодоръ Острожскій являлся самымъ дѣятельнымъ, храбрымъ и распорядительнымъ сподвижникомъ Свидригайла. Въ 1432 году онъ отстаиваетъ Подолію отъ посягательствъ поляковъ, старавшихся завладѣть этою землею подъ видомъ помощи Жикгмунту Кейстутуовичу; тѣснимый превосходными силами, онъ успѣлъ удержаться въ Браславлѣ, организовалъ войско изъ русскихъ, наемныхъ татаръ и волоховъ, нанесъ полякамъ чувствительное пораженіе на берегахъ рѣки Морахвы, поймалъ въ плѣнъ Каменецкаго старосту Ѳеодора Буцацкаго и, вслѣдъ за тѣмъ, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ; завистливый Свидригайло старался удалить его изъ завоеванной имъ области и даже по сказанію Кромера) заточилъ его въ тюрьму, не вскорѣ пришла рѣшительная минута, когда услуги Ѳеодора Острожскаго стали необходимы для Свидригайла. — Въ 1435 г. послѣдній рѣшился покончить однимъ ударомъ продолжительную борьбу съ литовскою партіею; онъ собрался со всѣми силами: въ лагерь Свидригайла явилось болѣе 40 литовско-русскихъ князей со своими ополченіями, князья Тверскіе доставили многочисленное войско; въ станѣ Свидригайла явился и магистръ ливонскій со своими рыцарями и наемными нѣмцами.

Князья Сигизмундъ Корибутовичъ и Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій по порученію Свидригайла набрали многочисленный отрядъ гусситовъ: чеховъ и силезцевъ, считавшихся въ то время лучшими военными людьми въ Европѣ.

Огромная сила, собранная Свидригайломъ, двинулась изъ Витебска въ Вильну, но на дорогѣ, недалеко отъ Вилькомира, она была встрѣчена немногочисленнымъ Жмудскимъ ополченіемъ подъ начальствомъ Михайла Жикгмунтовича, — завязалась упорная битва, въ которой Свидригайло былъ разбитъ на-голову /4/ — магистръ Ливонскій, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, некогда нареченный король чешскій, и съ ними болѣе 10 другихъ князей пали въ битвѣ. Свидригайло бѣжалъ въ Волощину и тамъ по выраженію лѣтописца «болѣе 7 годъ овцы паствилъ безвѣстно скрываясь.» Русская партія пала духомъ, оставшіеся въ живыхъ предводители ея или несли повинную Жикгмунту Кейстутовичу, или были заточены имъ въ темницу (Олелько Владимировичъ съ двумя сыновьями, Юрій Лингвеновичъ и др.). Въ эту тяжелую для русскихъ князей минуту сокрушилась энергія и Федора Даниловича Острожскаго; онъ «оставилъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождая Богу ажъ до смерти». Князь Федоръ Даниловичъ оставилъ послѣ себя память потомству какъ инокъ и какъ воинъ — какъ инокъ онъ «сподобился стать превыше — въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ.» — Какъ воину ему принадлежитъ заслуга усовершенствованія на Руси военного искусства — онъ ввелъ гусситскій строй войска: «таборъ», усвоенный впослѣдствіи козаками, и доставившій имъ въ теченіе трехъ столѣтій не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

(М. Максимовичъ; письма о князьяхъ Острожскихъ, письмо 2-е. Бѣлорусская лѣтопись, изданная Нарбутомъ по рукописи Быховца, стр. 46 — 36. Стадницкій — Synowie Gedyrna — Т. 1, стр. 93 — 98 и Т. II, стр. 163. Cromeri — Inventarium Archiv regni An 1434. Палацкій — Dejiny Národu českého, Т. III, ч. 1 и 2 и Т. IV, ч. 1).

2.

Обязательство данное епископомъ луцкимъ Иваномъ королю Ягеллу въ томъ, что онъ дастъ послѣднему 200 гривенъ и 30 коней, если поможетъ онъ епископу получить Галицкую митрополию. 1398 г.

А се азѣ, владыка Иванъ изъ Луцка, знаемо чиню всѣмъ, аже дать ми господарь мой, великій король, митрополию Галицкую, хочетъ ми помочи на поставленіе митрополитомъ, а коли Богъ дастъ стану митрополитомъ, я то слобую и хочу дати, оже Богъ дастъ, моему милому государю королю двесте гривенъ русскихъ, а тридцать коней безъ хитрости, я того не хочу иступить, и на то есмь далъ свой листъ и печать привесилъ. Въ Опатовѣ, предъ Громницами, у лета нароженія сына Божія тисеча триста девяностого осмого лета (1398).

(Athenaeum. 1842 г. т. II, стр. 25). /5/

3.

Жалованная грамота великаго князя Свидригайла кухмистру Петру Мыщицу на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ: село Борщанку, селище Кандитовъ и Дедовскій лѣсъ. 1408 года, февраля 4 дня

Милостю Божою мы великий князь Швидригайлъ Литовскій, Русскій и иныхъ, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто нанъ возрѣть или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно, ижъ видѣвъ и знаменовъ (sic) службу намъ верную, а нигды неопущеную, нашего верного слуги, пана Петра Мыщица, нашего кухмистра, и мы порадовъшися зъ нашими князи и зъ паны, и зъ нашою верною радою, дали есмо ему и записали за его верную службу село въ Кременецкомъ повете, Борщанку, а борокъ и селище Кандитовъ, а лесъ Дедовъ, со всемъ, што къ тымъ селомъ изъ века и зъ давна слушало и тягло, вечно и непорушно ему со всѣми уходы и приходы, зъ приселки и зъ селящи, и зъ нивами, и зъ пашнями, и зъ лесы, и дубровами, и зъ бортными землями, и зъ гаи и зъ пасѣками, и зъ ловы, и зъ ловищи, и зъ бобровыми гоны и зъ зеремяны, и зъ реками, и зъ озеры, и зъ крыницами, и зъ потоки, и зъ ставы, и ставищами, и зъ млины, и зъ мыты, и зъ болоты, и зъ рудами, и такъ што въ тыхъ именѣхъ собѣ примыслить и на новомъ корени посадить, и со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало и также слуги, и зъ дубровами, и зъ сеножатами, и со всеми пожитки, можетъ себе полевшивати и разширивати, осадити, и примножати, а даемъ тому предреченому пану Петру, инакъ Мыщце, кухмистру вѣчно и непорушно ему, а по немъ и детемъ его, внучатамъ и ближнимъ его и его щадкомъ; вольни по всѣхъ тыхъ именѣхъ кому отдати и продати и променити, панъ Петръ и его ближни, и потомъ будучи, пакъли бы хто хотѣлъ тьи имена подъ паномъ Петромъ взяти, или подъ его детми и подъ его ближними, тогды первѣе имаеть пану Петру, инакъ Мыщце, дати чотыриста копъ широкихъ грошей, а любо детемъ его, а любо ближнимъ его, тогды и маеть подъ ними тьи имена взяти, а панъ Петръ зъ того имени и маеть служити намъ двема коньми, — а при томъ были сведъки, наша рада: панъ Монвидъ, староста Подольскій и Кременецкій, а панъ Юрша, воевода Кіевскій, а панъ Янъ Войницкій, староста Луц-**/6/**кій и Олескій, а панъ Юрій, маршалокъ нашъ, а панъ Хохлевскій, а панъ Иванъ Гулевичъ, панъ Кожаринъ, маршалокъ Луцкое земли, а панъ Маско Гулевичъ, а панъ Иванъ Волотовичъ, а панъ Иванъ Чорный, а панъ Иванко Мукосѣвичъ; а на потвѣрженіе того нашего жалованья, про лепшую память и твердость, и печать нашу велели есмо привесити къ сему нашему листу. А пѣсанъ у Луцку, подъ леты рожества Иисуса Христа, 1408 лета. февраля 4 день, индикта 1.

Приказъ князя Борисова подканцлѣрого, а пана Семашковъ.

Многогрешный, иснаксаръ, писалъ привилій.

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 26).

4.

Грамота великаю князя Свидригайла, утверждающая границы имѣнія земянина Брацлавскаго, Карпа Ивановича Микулинскаго. 1431 года, мая 31 дня.

Feria quarta ante festurn nativilatis gloriosissimae virginis Mariae proxima Anno Domini millesimo septingenfesimo decimo quarto.

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia personaliter veniens generosus Thomas Zalivski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas graniciales seu confirmationem commissotialem, ruthenico idiomate scriptas, ratione limitum inter bona Poczapinske et Miculinske, per serenissimum regem poloniae Vladislaum datas, manuque ejusdem propria et secretarii subscriptas et sigillo in caera rubra in appenso serico rubro insignitas, in personam generosi Karp Ivanovicz Miculinski servientia, de tenore verborum tali. Significamus presentibus literis nostris quorum interest universis et singulis, productas fuisse coram nobis literas infra scriptas ex actis castrensibus, Latyczoviensibus de actu sabbatho post festum Sancti Martini Pontificis proximo, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo primo authentice emanatas, continentes in se literas privilegii illustrissimi principis Swidrigayło, idiomate Ruthenico scriptas , generoso Karp Iwanowicz Miculinski datas et per nobilem Jacobum Czervielski ad acticandum oblatas; supplicatumque est nobis ut easdem literas auctorita-/7/te nostra regia aprobare et confirmare dignaremur. Quarum quidem litterarum ea est, quae sequitur series: »Мы, Свидрыгайло, Великий Князь, чинимо знаменито нынешнимъ и потомъ будучимъ веку людямъ, ижъ, прышовшы передъ насъ землянинъ нашъ повету Браславского, Карпъ Ивановичъ Микулинскій, билъ чоломъ, покладалъ передъ нами лысть отъ князя Василя Сангушковича, державцы нашего Браславского и дворанъ нашихъ: Тихона Слупыци, Василя Омелковича, и Семена Юзыповича, што есмо имъ первой сего велилы имениа его Мыкулинскіе обѣихаты, грани положыты и кривду его, што менуеть одъ землянь Браславскихъ и боярь Хмельныцкихъ, розсудыты; ведже оны тое все учинылы, грамоту свою видомя (sic) дали ему; и просиль насъ, абы есмо ему тое подтвердылы; ино мы тую грамоту въ книгу Дьякови нашему упысаты велилы и такъ е напысано: за повелиниемъ велького князя Свидрыгайла, васылый Сангушковичъ, державця Браславскій и мы дворане господарскіе: Тихонъ Слупыця, Василій Омелковичъ, и Семень Юзыповичъ, былысмо у землянина повету Браславского, пана Карпа Ивановича Мыкулынского, в имению его Почапынцяхъ и покладалъ передъ нами лысть господара его мылости, Велького Князя Швидрыгайла, которымъ пышетъ, абысмо кривду его зъ земляны Браславскими и бояры Хмельныцкими розсудылы. и грани около маетностей его учинылы: ино мы посламы вижа замку Браславского, пана Хацка до землянь Браславскихъ: пана Максима Тымковича, пана Ярмолу, пана Евсея и пана Кмыту; также до боярь Хмельныцкихъ: пана Васка, пана Кондрата и пана Евсея. абы до насъ прыиехалы и зъ паномъ Карпомъ потокмылыся (sic); ведже оны не хотилы, мовячи: »не поѣдемъ тамъ, бо мы о томъ ведаемъ, але своеи петки земли пылнуемо,« — а ведже мы, по долгу лысту господарского, зъ паномъ Карпомъ чыныты грани поехали, и колы есмо проихалы черезъ лісь Почапинскій до долины Кобелыка, вгору рички Згару, где насъ панъ Карпъ припроводылъ, указуючи одѣколя грунтъ его починаеть, ажъ тамъ есмо, при той долины Кобелыку, засталы боярь Хмельныцкихъ, пана Васка и пана Кондрата, зъ людми ихъ, которые намъ поведалы: же одъ той долины по правой стороны грунтъ Хмельныцкій, а по левой до Почапынцы; тамъ же есмо подле рики Згару конецъ усыпаты велилы и на граби грань вытесаты; а одъ тоей долины Кобелыкой на полудень грунтъ Хмельныцкій вправо, а до Почапинце влево, пускаючи до головы и верховыны Ровця, где также копецъ усыпалы и грань на лыпи /8/ учиниты велилы. А перешедши верховину Ровця, на другую сторону той верховины, засталисмо пана Максима Тымковича, который повидилъ, же одъ той верховины на полудень у право грунтъ мой, а влево лись Мыховъ — пана Карпова до Почапынецъ, и тамъ есмо копцовъ два усыпаты велилы, а одъ тыхъ копцовъ лись Мыховъ пуцаючи влево, а пана Максима вправо, на пуль мили долиною и стежкою до долины

Бубновыци, а одъ долины Бубновыци черезъ лись стежкою до долины Лоточное, где также есмо грань на явори вытесали и копецъ учыныты велилы. А отъ долины Лоточной до Крыныци, гдѣ ся починаеть ричка Ольшанка., тамже копцовъ усыпаты есмо велилы у тоей річки Ольшанки, пры долини Щербановой; а одъ долины Щербановой до Сиквы долины; а одъ Сиквы долины, до Мыскова горба, и з Мыскова горба до потоку и долины Бучачной — усе у лево грунтъ до Почапынець, при которой долины засталысьмы пана Ярмолу зъ людми его, которыи потвердылы, же отъ Бучачной вправо — грунтъ той до Пултовецъ, а влево — до Почапынець, тамже копцы значныи усыпатисмо велилы; а черезъ тую Бучачную, вниз Ровця, припровадылъ нась панъ Ярмола до долины, где указалъ по той сторони тылько грунтъ Почапынскій, гдѣ также копецъ усыпано, а потомъ черезъ ричку Ровець повелъ до урочища Песочное, одътоль до Цецулыны долины, где есмо застали людей Салискихъ, которыи поведылы, же в право грунтъ Салискій, а влево до Микулинець, а тамъ при той долини копецъ усыпано одъ Цыцулыны долины до урочища Тулныковъ; одъ Тулныковъ до могылы, протылко селу Якушинскому, гдѣ засталисмо Пана Евсея зъ людми его, который намъ поведаль: же по тую могилу и по ричку Вышню — мой грунтъ Якушински управо, а влево грунтъ Мыкулински; тамъ же одъ той могылы у гору рички Вышни, где пришлисмо и пришедши тамъ где впадаетъ ричка Дидовка и тамъ засталисмо пана Даныла, который поведылъ: же грунтъ мой по правой сторони, а по левой до Мыкулынець тамъ же есмо копецъ усыпалы, грани на лыпи вытесаты велилы; одътоль уверхъ рички Дидовки до гостынця Винницкаго, а гостынцемъ, мимо лозу Мохнатую, у лево, пускаючи черезъ поле до рики Згару, ниже урочища Брычнаго, где впадаетъ ричка Кулыка, где есмо застали пана Кмыту, который призналъ: же по левой рички Кулыгы грунтъ Мыкулынскій, а по правой мой до Лытына, тамъ же въверхъ Кулыги просто до (ро)гу леса; а одъ леса ажъ до урочища Вирной долины, где засталисмо /9/ бояръ Хмельныцкихъ: пана Евсея и иныхъ, которыи призналы по тую долину Вирную грунтъ Мыкулынскій, а за долиною Багрыновскій; тамъ же противъ той долины, в рици Згару, в озеры Антоновы, для вечистого знаку паль забыты казалы есмо и тую граныцю скончылы, и, штобы ее никто не нарушилъ, заруку на Господара его мылосты чотыриста гривень Подольскихъ (sic) заложины. Пысанъ в Новоселыци, Декабра семынадцять день, Индыктъ семый. Которыи то граныци и за рику, также копцы и грунтъ Карпа Мыкулинского потверждаемъ; а на твердость того печать нашу к сему лысту привеситы есмо велилы. Пысанъ у Вылни, мая двадцать первого дня, индыкта девятого. Вежгайло Діякъ, рука». Cui suplicationi nos benigne annuentes proinsertas literas in omnibus earum punctis, clausulis, articulis approbari et confirmari duximus; prout approbamus et confirmamus presentibus literis nostris, decernentes, eas vim et robur debitae firmitatis, in quanturn iuris est et usus earum habetur, obtinere debere. In quorum fidem presentes, manu nostra subscriptas, sigillo regni muniri jussimus. Datur Varaviae, die XXX mensis Septembris, anno Domini MDCXII, regnorum meorum: Poloniae IX, Sueciae X. Confirmatio comissionis ratione limitum, inter bona Poczapinskie et Mikulinskie. Malthias Cielecki S. R. M. Locus sigilli in appenso cera rubra insigniti. Vladislaus Rex. Post ingrossationem idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга гродская летичевская, 1714 г. № 5253, стр. 177 на обор.

*Грамота великаго князя Свидригайла шляхетнымъ Чоботамъ на имѣніе Рычеховъ.
1445 года, марта 3 дня.*

Милостию Божіею, мы, князь великій Свидригайло Ольгирдовичъ признаемъ то тымъ нашимъ листомъ каждому доброму, комужъ буде его потребизна, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, или его услышитъ кто чтучи (sic): ижъ приказаньемъ кроля Владислава полского и вгорского, сыновца нашего милого, дали есмы вѣчную очизну въ Огороженной въ Великой, къ королевскому двору, шляхетнымъ Чоботомъ, а также и зъ королевскимъ приказаньемъ дали есмы имъ Рычеховъ, за ихъ вѣч-**/10/**ную очизну, отмѣну шляхетному Феодору Жукови половину Рычехова, и также шляхетному Ходорови и зъ братомъ его Игнаткомъ другую половину Рычехова, и то есмы дали на вѣки вѣчныи и дѣтемъ ихъ, ихъ ближнимъ, по ихъ животѣ, зо всѣмъ правомъ и зо всѣми пожитки: зъ поли, и зъ ролями, и зъ луками, и зъ лесы, и зъ лозами, и зъ реками, и зъ потоки, и зъ криницами, и зъ ставы, и зъ млыны, и зъ тыхъ млыновъ вымолотки, зъ ловищи звѣриними, и зъ пташми, и зъ вѣчными границами, штожъ и зъ вѣка къ тому Рычехову прислухаетъ, то и нынѣ имаетъ слухати. Вольни продати, или за даръ дати, на свое лучшее обернути, а зъ того намъ имаетъ служити, и нашимъ намѣстникомъ двома стрельцами на заволаную войну, якъ останнии земляне служатъ, а на лучшее свѣдоцтво казали есмы печать нашу привесити къ сему нашему листу на подтвержденіе; а при томъ были наша вѣрная рада: панъ Немиричъ, староста Луцкій, князь Михайло Чорторійскій, маршалко нашъ, панъ Семашко, панъ Бернатъ маршалко, а иныхъ много добрыхъ при томъ было. Данъ въ Луцку, месеца марта 3 день, подъ леты Христова Рождества 1445 лето.

Приказъ пана Федька канцлерее.

(Athenaeum, 1842 года, т. II, стр. 27).

6.

Духовное завѣщаніе князя Андрея Владиміровича, написанное имъ въ Кіево-печерской лаврѣ, по которому имѣнія его: Словенскъ, Могильное, Коменце, Логожескъ, Лемницы и Полонное, въ случаѣ смерти, переходятъ женѣ и дѣтямъ его. 1446 года, іюня 16,

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, приѣздилъ есмъ въ Кіевъ, зъ своею женою и зъ своими дѣтками и были есмы въ дому пречистыя и поклонилися есмы пресвятому образу ея и преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ печерскимъ, и благословилися есмы у отца нашего, архимандрита Николы, и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отцу своего гробу, князя Владиміра Олгердовича, и дѣдъ своихъ гробомъ въ пещере; и размыслихъ на своемъ **/11/**серци коло тыхъ гробовъ; а вси тыи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслилъ есмъ помале — и намъ тамо пойти, где отци и братья наша, и подумалъ есмъ зъ своею княгинею и зъ отцемъ своимъ Николою,

архимандритомъ печерскимъ, и зъ святыми старцы, и зъ своими бояры, и отписалъ есмъ своей женѣ, княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ, и ее дѣтемъ свою отчину, и свою выслугу, иже есмъ выслужилъ на своихъ господарехъ своею верною службою, на великомъ князи Витовтѣ, и на великомъ князи Жикгимунтѣ, и на своемъ господарѣ, великомъ князи Казиміре, имѣніе первое; а имярекъ: Словенскъ, Могильное, Каменне, Логожескъ, и Лемницы (sic), Полоное а также што есмъ подавалъ имена бояромъ своимъ. А кто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ зъ тыхъ именій женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тые имена далъ женѣ своей и дѣтемъ своимъ, а вся тая имена поручилъ и далъ есмъ женѣ своей, княгинѣ Маріи, и сыну своему, князю Глебови, и дочцѣ своей, княжнѣ Овдотѣ; а при томъ былъ отецъ нашъ Никола, архимандритъ печерскій, уставникъ, Іона Филозофъ, Клучникъ Давидъ, келаръ Герасимъ, и иныхъ у господи наше старцевъ много, и наши бояре, и наши маршалки, князь Глебъ Дмитріевичъ, бояринъ нашъ Александръ Самотечинъ, Иванко Давидовичъ, и иные бояре наши и слуги при томъ были; а кто се слово наше порушитъ, а иметъ въ тые имена вступатися, разсудится зъ мною предъ Богомъ, и буде ему клятва отъ Бога Отца и Сына, Святого Духа и одѣ пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи, одѣ всѣхъ святыхъ ангелъ, и одѣ пророкъ, и апостолъ, и одѣ четырехъ евангелистъ, и одѣ святыхъ отецъ, иже на седми зборехъ бывшихъ, и одѣ всѣхъ мученикъ, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ Антонія и Феодосія печерскихъ, иже есмъ то вернѣ выслужилъ отъ своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обители царстѣй, въ печерскомъ монастыри, по святыхъ Богородицы и преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія, въ лето 6954, іюня 16, на память священномученика Тихона, а писалъ старецъ Пахнутій, Лихачевъ братъ.

Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 32 наоб.

Примѣчаніе — Упоминаемый въ этомъ актѣ князь Владиміръ Ольгердовичъ, отецъ завѣщателя князя Андрея, по словамъ лѣтописи Быховца (стр. 22) по-**/12/**лучилъ отъ отца своего въ удѣлъ Кіевъ. Владиміръ не хотѣлъ подчиниться могучему великому князю Литовскому Витовту и потому послѣдній двинулся противъ него изъ Подоліи, взялъ Житомиръ и Овручъ. Успѣхи Витовта заставили Владиміра смириться и онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, но, за сопротивленіе, Кіевъ былъ отнятъ у него и отданъ Скиргайлу, самъ же онъ переведенъ на удѣлъ въ Копыль (Быховецъ, стр. 34). Сынъ Владиміра Ольгердовича Иванъ Белзскій сопровождалъ короля Ягеллу на коронацію въ Краковъ, и послѣ того женился на княжнѣ Василисѣ Белухѣ — Ольшанской, старшей сестрѣ жены Ягеллы — Софіи (Быхов. стр. 29 и 37). Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, князь Иванъ Владиміровичъ, сражаясь за Свидригайла противъ Сигизмунда Кейстutowича, взятъ былъ въ плѣнъ (Бых. стр. 47). Кромѣ Ивана, у князя Владиміра Ольгердовича были еще сыновья: Андрей Могилевскій *). Сигизмундъ Кейстutowичъ, во время своего княженія, враждуя съ литовскими панами, и разрушая на Литвѣ дворянское начало, заключилъ Олелька въ тюрьму въ Керновъ, а жену и сыновей его Семена и Михаила въ Утяну (Бых. 48). Они были освобождены изъ своего заключенія литовскими панами уже послѣ убіенія Сигизмунда и возвратились въ свою отчину въ Копыль (Бых 50). Послѣ отнятія Кіева у Михаила Сигизмунтовича, князь Олелько, съ сыновьями своими, Семеномъ и Михаиломъ, били челомъ великому князю Казиміру, чтобы онъ отдалъ имъ Кіевъ, какъ отчину ихъ. Снисходя на просьбу пановъ радъ своихъ, Казиміръ отдалъ имъ Кіевъ, со всѣми пригородками Кіевскими (Бых. 56). Въ 1454 году Олелько умеръ и Казиміръ не позволилъ уже сыновьямъ его дѣлать Кіевъ между собою, на томъ основаніи, что Кіевъ не можетъ считаться ихъ отчиною, по причинѣ побѣга князя Владиміра, отца Олелька, въ Москву.

Такимъ образомъ Кіевъ былъ отданъ Семену, а Михайлу предоставленъ Копыль. Въ 1460 году умерла жена Олелька Настасія Витовтовна, въ слѣдующемъ 1461 году Казиміръ назначилъ князя Михайла Олельковича намѣстникомъ въ Новгородъ. Въ томъ же году Семень Олельковичъ умеръ (4 декабря), а Михайло оставилъ Новгородъ (Бых. 61). У Михайла былъ сынъ Семень князь Слуцкій, имя котораго не осталось безслѣднымъ въ исторіи южной Руси. Этотъ Семень, въ 1502 году, поразилъ татаръ подъ Бобруйскомъ; но въ томъ же году неожиданно налетѣлъ съ ордою Битесь-Гирей, захватилъ Семена въ расплохъ и принудилъ запереться въ Слуцкѣ, окрестности котораго совершенно разорилъ и опустошилъ (Бых. стр. 72, 73). Въ 1503 году князь Семень принималъ участіе въ пораженіи татаръ литвинами у Поневежа, около р. Припяти, и въ томъ же году онъ скончался, по выраженію лѣтописи, »христолюбивый и благовѣрный« (Бых. 73)

^{*}) И Александръ (Олелько), радоначальникъ князей Олельковичей. /13/

7.

Грамоты короля Казиміра, 1457 года 11 ноября, и великихъ князей литовскихъ: Александра, 1500 года августа 6 дня, и Сигизмунда II, 1545 года декабря 5 дня, служащія князьямъ Любецкимъ на имѣніе Любчо и на другія имѣнія, находящіяся въ Волынской землѣ.

Року 1569, мѣсеца февраля 7 дня, в понеделокъ.

Пришодчы и постановившися очевисто в замку Луцкомъ, передомною, Петромъ Хоменкомъ, подстаростимъ Луцкимъ, ее милость княгиня Павлова Соколинская, княгиня Ганна Романовна, княжна Друцкая и Любецкая, зъ зятемъ своимъ, его милостью княземъ Львомъ Сангушковичомъ Кошерскимъ, а ее милость княгиня Ивановя Любецкая, княгиня Олена Солтановна Соколского и пани Миколаевая Харлинская оповедили очевисте, привилеи господарскій покладали на имена свои Любецкое и на иншіе имена; и не будучи безпечни от неприятеля головного паганства татаръ, и к тому не маючи мѣста певного в домехъ и перестерегаючи часу пригодливого запаленемъ огня и иншихъ пригодъ, што за нещастемъ на люди приходитъ, а хотечи тотъ привилей господарскій собе для вшелякихъ пригодъ на мѣстцу певному и безпечному мети, просечи, абы на вряде господарскомъ обявней вычитанъ и до книгъ кгородскихъ былъ записанъ, который привилей господарскій такъ ся в собѣ маеть: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король полскій, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жемоитский, Мазовецкый и иныхъ. Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ, хто на его посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: били намъ челомъ дворене наши: князь Богданъ, князь Дмитрей, князь Иванъ, князь Янушъ Романовичи Любецкие, и повелили передъ нами, ижъ которое имене свое, Любче, въ земли Волынской они мають, инодей отъ людей неприятельскихъ паганства татаръ оному имени ихъ частокротъ великая небезпечность дееть и которой привиляхъ листы

твердость на тоє имене свое Любче прислухающие они въ себе мають и кгда ся имъ справы коло того имени ихъ Любча и границъ ихъ зъ суседы ихъ обаполными трафяють и предъ насъ господаря, або пановъ радъ нашихъ, и въ поветехъ Волынскихъ, въ томъ се позовають /14/ и розъезды чинять, тогда они у воженью тыхъ привилевъ своихъ головныхъ черезъ далекость дороги и для небезпечности отъ людей неприятельскихъ и отъ огня великую трудность приимують; и били намъ чоломъ, абыхмо для меншой безпечности и для вшелякихъ пригодъ листы твердости ихъ, которые они на имене свое, Любче, в земли волынской мають и зачимъ его держать, казали слово отъ слова на листе нашомъ выписати, и на то листъ нашъ имъ дали, который бы они, вместо оныхъ головныхъ привилевъ листовъ своихъ, завжды ку обороне в потребахъ своихъ на праве покладали; яко жъ напервей положили передъ нами на тоє имени свое, Любче, привилей дѣда нашего Казимера, короля его милости, и листъ бабки своеє, паней Феди Олизаровой Шиловича, и другой листъ короля его милости Казимера, и тежъ особно листы дѣда нашего Александра, короля его милости, въ которыхъ широце есть описано, за которые-дей листы и тепере они тоє имене, Любче, на себе держать, гдежъ мы оныхъ листовъ, черезъ князей Любецкихъ покладанныхъ, оглядавши и выслучавши, и бачичи речъ и прозбу ихъ въ томъ быти слушную и казали ихъ слово отъ слова все въ сей нашъ листъ уписать, который жъ такъ се въ себе маеть: »Самъ Казимеръ, Божю милостю Король полский, великій князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышитъ, комужъ потреба того будетъ ведати: поведила передъ нами старостина Луцкая, пани Олизарова Шиловича, пани Федка, штожъ панъ ее, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, староста Луцкій, маршалокъ волынской земли, будучи доброй памети, отходя зъ сего свѣта, даровалъ и далъ и записалъ ей имена свои, на имя Здолбицу зъ приселкомъ з Глинскомъ, а з Куниномъ и з иншими приселки, а Гороховъ с приселки, а Любче тежъ с приселки, прадедину, и дедину, и отчизну свою властную, а такъ то справиль, ижъ она волна по своемъ животе тыи имения отдати тому, кому хочеть, и обернути ихъ подлугъ своей воли; и вразумивши то пани Олизарова, штожъ мы слугу нашего, пана ее, пана Олизара, мели во чти и в ласце нашей и тежъ на наше пожадане, з воли своеє доброе а не жадного принуженя, волне даровала насъ, и дала, и записала тыи два имени у Волыню по своемъ животе, на имя Здовбицу и с присельки, а другое имене Гороховъ и с приселки и с платы и зо всеми пожитки, яко жъ то намъ оправила листомъ своимъ вѣчно и непоручно /15/ на веки, и далей била намъ чоломъ и жедала насъ, абыхмо ей дали и призволили имене Любчо — пана ее прадедину, и дедину, и отчизну, — по ее животе отдати и записати прирожонымъ своимъ, комубы она хотела; ино мы тоє позволили, тоє имене Любчо по своимъ животе волна она отдати и записати прирожонымъ своимъ, кому бы хотела, вечно на веки, и тежъ волна обернуты то подлугъ своей воли; такожъ з нашей ласки пожаловали есмы и отпустили с того имени — зъ Любча воловщизну нашу на веки вечные; а на твердость тыхъ речей казали есмо печать нашу привесити к сему нашому листу; а при томъ были: маршалокъ нашъ, наместникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Александровичъ, а подскарбей нашъ Ивашко Литаворъ Богдановъ сынъ Хребтовича, а писаръ нашъ Ивашко Гацковичъ, владыка. Писанъ въ Луцку, въ лето шестьтысячное девятсотъ девяносто пятое, мѣсяца ноября первогонадцать дня, индиктъ 6. Во имя Святыя Тройцы станся Божя воля. Спривилемъ господаря короля Казимера Полскаго, князя великаго Литовского и иныхъ, се я, пани Федка пани Оршина, дочка пана Олизара Шиловича, маршалка волынской земли, старосты Луцкого, жона, чиню знакомито симъ моимъ листомъ каждому доброму, нине и потомъ будучимъ, будучи есмо въ добромъ здоровіи, чоломъ есми била господарю, великому королю его милости Казимиру, ажебы его милость допустилъ мене ко именямъ

моимъ, што мой господарь, панъ Олизаръ, записалъ мне отчизны свои имена у моемъ веку, на имя — Ходень, а Любчо, въ Луцкомъ повѣтъ, — а такъ ми записалъ у вотчизну вечно и непорушно, волна есмы тые имена продати, и заменяти, и ближнимъ своимъ дати и по дугаи своей къ церкви Божее придати, какъ хотечи, такъ ихъ ку потреби мне своей привернути, ино господарь, король его милость, подле запису пана моего у тыхъ именахъ мене не порушилъ; и я, еще будучи въ добромъ здоровю, погадавши собе и видечи сестренца своего, князя Богдана Василевича, службу и пилность до себе, дала есмы ему по своемъ животѣ имене у вотчизну, на имя Любчо, вечно и непорушно со всимъ съ тымъ, што в тому имену зъ века прислухаеть, ничего не выимуючи, такъ какъ и господарь мой, панъ Олизаръ, зо мною посполите держалъ с приселки: з Доросынемъ, а з Суткою и Залесцами, а з сказанымъ островомъ и з ыншими приселки, зъ реками, ставы и ставищи, со млыны и озерами, з ловы, ловищи, з бобровыми гоны и соколыми гнездами, з лесы, зъ дубравами, съ полми и сеножатми, и з грани, (которыи идуть) посередь Мухотолокъ, рекою Лютицею до мосту /16/ к великому гостинцу, великимъ гостинцемъ до Печатного броду по Трестянку, по Чортовъ Ставокъ, Трыстянкою, ажъ до Ситного болота къ Иваницкой границы, а по Короватую, а по Топорище, по Стохоть, Стохотомъ, по Чонши, отъ Сокура половицею реки, менуючоися Свидинки, ажъ до Велицкого ставу, по гребли до Соколское дороги, Соколскою дорогою ажъ у Мухотолоки такъ широко и долго, якъ панъ со мною посполите держалъ; а сестренець мой, князь Богданъ, маеть отъ господара моего (sic) пана Олизарову душу и мою душу поминати, и родителей нашихъ; а волень онъ в томъ имену продати, и заменяти, и ближнему своему дати, и по души своей к церкви Божее придати, какъ хотечи, такъ его ку потребизне своей повернути; а не надобе въ тое имене никоу уступатися, ни брату моему родному, ни дотце моей, ни внучатамъ моимъ, ани ближнимъ моимъ; а при томъ была дочка моя, княгиня Маря Семеновая Ровенская, а панъ Богданъ Гостскій Сенковичъ, ключникъ Луцкій, потчаший короля его милости; панъ Федко Аврамовичъ, дворенинъ короля его милости, панъ Сенко Плесчинъ, панъ Петро Олехновичъ, маршалокъ пана Петра Яновича, маршалка волынское земли, старосты луцкого, панъ Петрушко Мушетичъ, панъ Еско Еловичъ, панъ Шимко Ганусовичъ, панъ Бартошъ Юшковичъ, А надъ тое свидетельство про липшую справедливость и твердость и печать есми свою привисила к сему моему листу. Писанъ у Ровномъ, въ лето шестыисечное девятьсотъ девеносто шестое, месяца июля семьнадцать день, индиктъ шостый. Самъ король Казимеръ, Божю милостью, король полский, великий князь литовъский, руский, княжа пруское, жомоицкий и иныхъ. Билъ намъ чоломъ князь Богданъ Василевичъ, а поведилъ намъ, што тетка его, пани Олизаровая Шиловича, пани Федка, записала ему имене свое, на име Любчо, которожъ ей небожчикъ панъ ее далъ и записалъ, а потомъ и мы ей тое имене ей дозволили отдати и продати и листъ нашъ есмо ей (дали) съ привисистою печатю, и просилъ насъ, абыхмо ему (дозволили) то мети; ино, коли она ему тое имене дала и записала ему тое имене, дозволяемъ мети, зъ совсимъ, (подлугъ) запису и данины ее, што ктому имену..... она сама мела, а намъ нехай с того (именя служить); а на твердость того и печать нашу господарскую казали привесити къ сему нашому листу. Писанъ у Новомъ месте, сентебря третего дня, индикта семого. Самъ Александръ, Божю милостью, великий князь литовский, руский, жомоитский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотреть, /17/ або чтучи его услышитъ, кому жъ того потреба будетъ ведати: билъ намъ чоломъ князь Романъ Василевичъ и поведилъ передъ нами, штожъ староста луцкий, маршалокъ волынское земли, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, записалъ паней своей, а его тетце, паней Феде, имене свое отчизное, на имя Любчо, и отецъ нашъ, король его милость, то и привилемъ своимъ ей подтвердилъ, ижъ она волна тое имене Любчо отдати, и продати и ближнему своему записати; и она тое имене Любчо дала, записала сестренцу своему,

князю Богдану Василевичу, брату его; и отецъ нашъ, король его милость, на то князю Богдану и листь свой далъ, и тыи онъ листы вси, привилія отца нашего, короля его милости, што паней Олизаровой дозволилъ записати и запись ее, што она записала брату его князю Богдану и другимъ, листь отца нашего, короля его милости, на то передъ нами вказывалъ и поведиль передъ нами: штожъ того его брата, князя Богдана, у животе вжо нестало, и билъ намъ чоломъ, абыхмо, по близкости брата его ктому имению Любчу, его допустили; ино мы то, на его чоломъбите, учинили зъ ласки нашей — тое имене Любчо, по близкости брата его, дали есмо ему зо всимъ стымъ, што здавна к тому имению прислухаетъ и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ; воленъ онъ то отдати, и продати, и заменить, и ближнему своему записати, и ко всему лепшому и вжиточному обернути, какъ самъ налепей розумеючи; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Боболцохъ, въ лето семьтисечное осмое, месяца августа шостого дня, индикта третего. И што се тычетъ тыхъ привилевъ, передъ нами положонныхъ и на семь листе нашемъ господарскомъ уписаныхъ, мы во всемъ ихъ, чого они за тыми листы (домовялися), при моцы на вечные часы zostавуемъ, на то княземъ Любецкимъ сей нашъ листь даемъ и, где бы колвекъ тотъ теперешний листь нашъ пришолъ и былъ отъ князей Любецкихъ и потомъковъ ихъ ку обороне ихъ вказанъ у праве передъ нами господаремъ, або паны радами нашими и старостами поветовыми волынскими, и во всякихъ справахъ и коло розъездовъ и границъ того именья ихъ Любча, и где колвекъ на иньшихъ местцахъ, — тогды маеть тому листу нашему во всемъ местцо а вера быти дана, такъ якобы и тои листы головнии, которыи въ семь нашемъ листе вписаны, положоны были; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Вилни, /18/ под леты Божого нароженья тысяча петьсотъ чотырдесять пятого, месяца декабря пятого дня, индикта четвертого дня, подпись властное руки господарское. Валериянъ деяконъ Велинскій, писаръ. А такъ я тое оповедане ихъ милости и тотъ привилей его ихъ милости слово отъ слова, с початку ажъ до конца, в книги кгородские записаты казалъ, съ которыхъ я выпишь его милость, князь Левъ Александровичъ Санкгушковичъ Кошерскій, подъ моею печатю себе взялъ.

(Книга гродская Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 81).

8.

Грамота великаго князя Александра Свидригайла князю Михаилу Васильевичу (Вишневецкому?) на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ. 1458 года, декабря 29.

Z miłosierdzia Bożego, My, książę Alexander, inaczej Szwytrygayło Olgerdowicz, czyniemy znamienito i do wiadomości podaiemy tym naszym listem każdemu dobremu, terazniejszym i na potym będącym, kiedykolwiek tego potrzeba będzie, kto na niego spóyrzy, czyli czytając go usłyszcy, iż to My, widząc znamienitą usługę nam nigdy niechybioną wiernego naszego książęcia . Michała Wasylewicza, i My, naradziwszy się z naszymi książętą i pany, i z wiernym naszym zgromadzeniem, daierny i daliśmy jemu maiętność w Łuckim powiecie, w Żukowie — wieś

Aliszowa na rzece na Studle, a do tego Żerewiane na Rudce Alisowy na Studlezy, a Suchowisy dworzysko wierzch Radochonki, a manastyr świętego Mikołaja na Klewaniu nad Stud-łcm-że i z cerkiewnym zborzyszczem, y z Pieskaczowskicb Aharakowiec na rzece na Połonnny yz wszystkimi pożytki i opłatami, iako z dawna y od wieku do tych wsiow należało i należy y do tego monastyra — y z polami, y z pastwiskami, y z gajami, y z dąbrawami, y zwierzami, y z barciami, ziemiami, y z daninami, y liesami, y z pasiekami, y z łowami, łowiszczami, y z wrembem, y z sianozęciami, y z błotami, y z kryniami, y z rudami, y z potokami wodnemi, y z młynami, y z rzekami, y z jeziorami, y stawami, y stawiszczami, y z mytami, y z bobrowemi łowami, y zwierzennemi, iakoż to y z dawna okryślono i ograniczono A daliśmy naprzod rzeczonemu Xiążęciu Michałowi Wasyliwiczowi wyżej wyrażone wsie wiecznie /19/ y nienaruszenie, jemu samemu — Xiążęciu Michałowi, y jego dzieciom, i jego bliźnim, y jego potomkom; a wolno mu y oddać, y sprzedać, y zamieniać, kiedy zechce, y podług upodobania oddać; a może sobie w tych maiętnos'ciach polepszać, y rozszerzyć, y na nowym korzeniu sadzić. A przytym byli: władyka Łucki — Iefrimen, a Xiąże Iwan Wasylewicz, a Xąże Iwan Czetwertński, a pan Kozaryn Rusanowicz, a pan Niemira Rożanowicz, starosta Łucki, a Xiąże Ołexandro Sonkuszkowicz, a pan Pietraszko Miłoski, marszałek ziemski, a pan Chwedko Chomiński, y inni. A dla lepszey wiadomości i stwierdzenia y pieczęć naszą kazaliśmy przywiesić ku temu naszemu listu. Pisań ten list w Łucku, decembra 29 dnia, indycta 10, roku od narodzenia Jesusa Chrystusa 1458-go. Pieczęć wisząca na rozkaz pana Chwedka Krayczego.

Translationem hanc originale, in lingua ruthena exarcitam, sigillo pendentis antiquo provisam, in toto conformem esse testor. Datum Leopoli, die 2 martii, 1798.

(L. S.) Andreas Angeltowicz, juris u. doctor. Advocatus Galic: Orient: in civi: lib: ac militaris juris canon, in lingua ruth: professor, diaecesanus examinador, ac C. R. Gubernalis in ling. russ. juratus translator.

Сообщено В. Антоновичемъ.

9.

Жалованная грамота князя Семена Александровича слугѣ своему Іереміѣ Шашку на различныя имѣнія. 1459 года, іюня 12.

Мы, князь Семень Александровичъ великого князства своего Киевскаго, ознаймемо симъ листомъ нашимъ, хто бы на него посмотри, либо чтучи его слухати будетъ хотѣвъ, кому бы тое вѣдати потреба, ижъ мы дей, змиловавшись надѣ слугою нашимъ, урожонимъ Еремиею Шашкомъ, которой намъ великіе услуги свое и коштомъ немалымъ отдае, про то, нагорожаючи ему самому, жонѣ и потомству его, при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его земляной и при всѣхъ городищахъ /20/ и урочищахъ его зоставую и симъ листомъ моимъ надаю, которыхъ продкове его отъ продковъ моихъ спокойно держали и оныхъ заживали. Городища, селища и урочища з рѣками и рѣчками и зъ ихъ прилегlostями, кождое до себе широкость маючие: городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Печенѣжцомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ и иными лесами и

лесками и землями своею широкостю, какъ се они мають. Городище изъ самъ (sic) Драгушовскими и зо всею землею надъ рекою Русавою, по обохъ сторонахъ тое реки земля лежащая, какъ его продкове въ широкости и долгости з дубровами, сеножатми и речками малими, в Русаву впадающими. И какъ тая Русава сама в себе рѣкою идетъ и в Днѣстръ впадаетъ, съ тоею рѣкою Русавою и широкостю земляною; такъ же городища надъ рекою Кусницею изъ головою Кусницы и Кусничкою, зо всѣми ихъ полями, сеножатми, дубровами и ихъ принадлежностью. До того, инѣше городища и урочища надъ рѣчкою Каменицею и отъ верховины ее, которая впадаетъ въ Днѣстръ, з обудвухъ сторонъ тое рѣчки Каменицы землю держати маеть по самую Сухую Каменицу, съ подойминами такъ того мѣсце по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаетъ, и з оними городищами, и ихъ широкостю и долгостю земляною, и изъ стѣньками и ярами, долинами, по надъ Нестромъ и въ поляхъ будучими, — зо всѣмъ тымъ, какъ продкове его держанья и уживанья свои мѣли, повинность и службу предкомъ нашимъ отдавали и намъ отдаютъ. При чомъ всѣмъ, его самого, жону, дети и на потомъ будучіе исчадки его при томъ всѣмъ составляю, имѣти хочу, какъ продкове его заживали, што бы и унѣ тое отчизны и дидизъни свое заживалъ и по немъ счадки его. На што и листъ нашъ с притисъненьемъ и завишеньемъ печати дали есмо. Писанъ на Прилуце, за Днепромъ, іюнь 12 день, в лѣто 6967.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Объ упоминаемомъ въ настоящемъ актѣ князѣ Семенѣ Александровичѣ см. примѣчаніе къ акту № 6. /21/

10.

Грамота великаго князя Александра Звягольскому намѣстнику, Яцку Мѣзю, на крестьянское семейство въ г. Овручѣ. 1496 года, апрѣля 11.

Самъ Александръ, Божою милостью великій князь Литовскій, Русскій, Жомоитскій и иныхъ.

Намѣстнику Вруцкому, князю Григорью Глинскому, и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто потомъ будетъ отъ насъ Вручей держати. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Звягольскій, Яцко Мезъ, а просилъ в насъ во Вруцкомъ повѣте человека, на имя Лазорка, изъ его сынми, и зъ братаничи его, а повѣдалъ намъ, штожъ дей съ нихъ одна служба, а дани они даютъ двадцать ведеръ меду и четири вѣдра, а померного два гроши и подымщина, а служба дей ихъ — тое три дни сена косятъ, а три дни жита жнутъ и иныи службы служатъ; ино мы того человека, Лазорка Мошкевича, изъ его сынми и зъ его братаничи дали ему изъ данью и со всеми ихъ землями спашными, и зъ бортными, со всимъ потому, что здавна тыи люди держали. Писанъ в Меречи, апрель 11 день, индиктъ 14.

(М. П.)

11.

Грамота великаго князя Александра земянину Федору Блищановичу на земли — Телешовщизну и Царевщизну, находящіяся въ Овруцкомъ повѣтѣ. 1498 года, октября 13, Подтверждение этой грамоты Сигизмундомъ III, 1601 года, февраля 27 дня.

Roku tysiąc sedmset trzydziestego szóstego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w miescie iego krolewskoy mosci Żitommirzu, przede mną, Wawrzyńcem Walewskim — Lewkowskim, namiesnikiem protunc **/22/** podwoiewódtwa y vices regentem gredzkim generału wojewodztwa Kijowskiego, y xięgami nineyszemi, grodzkimi, Kijowskimi comparens personaliter wielmożny jegomość, xiądz Andrzej Bieniecki, archymandrita Owrucki, official metropolii Kijovskiej, ekstrakt z xiąg metryki koronnej authenticie wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia Werowszczycom ziemi Teleszowszczyzny y Carowszczyzny służącego, ratione introcontentorurn, dla wpisania do xiąg niniejszych podał, de tenore tali. Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Samogitiae, Kijoviae, Wolyniae, Podoliae, Podlasiae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czernichoviaeque, nec non hereditarius, dux Saxoniae princeps et elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest universis et singulis, reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis, ruthenico caractere scriptum, tenoris sequentis. Жигмунд третій ознаймуемъ etc. Билъ намъ чоломъ земенынь земли Кіевской, Иванъ Степановичъ Веровичъ самъ отъ себе и именемъ отца своего, Степана Веровича, отчицовъ и державецъ добръ Телешовщизны и Царовщизны, и покладалъ передъ нами лысть светоблывои памяти короля его милости Александра, продка нашего, зъ печатюю его королевской милости, которымъ король, его милость, Федорови Блищановичови, зъ братією его, земли — Телешовщизну и Царевщизну предкомъ ихъ подтвердыты рачиль, по которыхъ оны, будучи у спокойномъ держанью, уживанью, просылы насъ черезъ некоторыхъ пановъ радъ и урядныковъ нашихъ, абы есмо оны, до ведомости нашей господарской припустывши, лыстомъ нашимъ подтвердылы, который такъ ся въ себе маеть: »Самъ Александеръ, Божюю милостью, великий князь Литовскій, Русскій, Жмудскій и инныхъ. Былъ намъ чоломъ земенынь Вруцкий, на имя Оедоръ Блыщановичъ, зъ братією своею и покладалъ передъ нами лысть отца нашего, короля его милости, штожъ панъ Мартынъ Гаштолтовичъ пооднымалъ былъ у ныхъ земли отчизные, на ймя — Телешовщизну и Царевщизну, и отецъ нашъ, король его милость, казалъ имъ тые земли ихъ зася пооддаваты и на то передъ нами лысть отца нашего, короля его милости, показовалы и тежъ пана Мартына Гаштолтовича, и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тые земли ихъ отчизные и дворища, которые мають въ Овруцкомъ месте, подтвердылы сымъ нашимъ лыстомъ; ино мы имъ тые земли ихъ отчизные и дворища подтверждаемъ нинейшимъ лыстомъ, нехай оны тые земли свои держать со всимъ тымъ, якъ ся тыи земли и дворища во всемъ мають, а намъ службу земскую служатъ конно, збройно, **/23/** посполу зъ иншими земями вруцкими. Пысанъ въ Мозыри, октоврія трынадцятого дня, индыкта первого; у того лысту печать притыснена. А такъ мы, государь, выдечи прозбу и чоломбитіе его слушное, ведлугъ права посполитого и привилею, обывателемъ князства Кіевского на унію данного, повинное и на чоломбитіе ихъ, людей украинныхъ, небезпеченствомъ отъ

Москвы и татаръ притеклыхъ (sic) чинечи, преречонныхъ земянъ нашихъ, Веровчицовъ, и потомковъ ихъ при тыхъ добрахъ — Телешовщизни и Царовщизни, также при всехъ и вшелякихъ, здавна и теперъ въ собе маючихъ, належностяхъ и пожиткахъ, въ границахъ и межахъ старожитныхъ, на особливыхъ листехъ передъ нами показованныхъ, заставивши и заховуючи вверху писаный лысть предка нашего во всихъ его члонкахъ и артыкулахъ Веровчицомъ и ихъ потомкомъ тыле, иле намъ того право посполитое позволяетъ, з влады нашой королевской — подтверждаемъ и умоцняемъ симъ лыстомъ нашимъ, который, для большой виры и твердости, рукою нашою подписавши, печать коронную къ нему есмо приложиты рассказали. Пысанъ в Варшавѣ, на сеймѣ валномъ коронномъ, року отъ нароженія Сына Божого тысяча шессотъ первого, месяца февраля двадцать сегого дня, а кролевствъ нашихъ: польского чотырнадцатого, а шведского осмого року, Sigismundus Rex; Zachariasz Jełowicki. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, ruthenico caractere scriptum, prout in aetis metrices regni continetur, nos fideliter describi et parti postulanti ruthentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibus sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego extractu, z xiąg metryki koronney authenticie, wydane go przy pieczęci przyciśnionej podpis ręki jaśnie wielmożnego podcanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severine, procancellarius regni. (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relalia illustrissimi, excelentissimi et reverendissimi domini, domini Ioanis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, lucis Severiae, procancellarii regni. Potwierdzenie zaś tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi sexagesimi primi potwierdzenie Werowczycom ziemie Teleszowszczyzny y Carowszczyzny. Który że to ekstrakt, za podaniem y prosbą wyż mianowanej osoby podawiający, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg niniejszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская, городская, 1736, № 47, листъ 308. /24/

12.

Грамоты великихъ князей: Александра 1499 года, марта 24 дня, Сигизмунда I и Сигизмунда II, а равно и другихъ лицъ, Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю, на имѣнія.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego szostego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodskim, w mieście iego krolewskiej mosci Żytomiżu, przedemna, Wawrzyńcem Lewkowskim, namiestnikiem protunc grodskim y xięgami niniejszemi, grodskimi, Kijowskimi comparens personaliter W jego mocъ xiądz Andrzej Bieniecki, archimandryta Owrucki, official metropoliy kiowskiey, ekstrakt z xiąg metryki koronnej, authenticie wydany, z wpisaniem w im konfirmacyi prawa monasterowi świętego Michała Kiowskiemu służący, ratione introcontentorum, dla wpisana do xiąg niniejszych per oblatam podał, de tenore tali: Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kioviae, Vołhyniae, Podoliae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czerniechoviaequae,

nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis, reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis, ruthenico caractere scriptum, tenoris sequentis: Жикгимонтъ Августъ etc. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и каждому зъ особна, нинешнымъ и на потомъ будучимъ, кому колвекъ будетъ потреба то ведати. Присылалъ до насъ игумень Захаріа монастыра святого Михайла золотоверхого, зъ Кіева, зо всею братією, чернцами тамошними, и покладали передъ нами лыстовъ розныхъ паперовыхъ трынадцать, а четвертыйнадцатьа паргаменовый, даныны й потверженный продковъ нашихъ: листы некоторыхъ особъ записанные купчие земенные на селища, земли, кгрунты, поля, селы, пущы, дерево бортне, реки, озера, ловы всякие, сеножаты и иные пожытки, к тому монастыру належачие, чого они и теперъ въ спокойномъ держаню суть; которые ижъ ся отъ старосты подралы и обавьяючися оныи, абы и до конца не попсовалыся, што хотечи мощно обвароваты и въ целосты по себѣ на потомные вечные часы церкви Божой заховаты, звлаща ижъ часовъ недавнихъ земля Киевская черезъ насъ ку коруне полской привержена /25/ есть; для того били намъ чоломъ, абы-смо уси оные листы и права ихъ при мощы zostавили и, у потверженъе наше приведши, тымъ на вечность утвердили и дали имъ на то за печатю коронною нашъ лысть ино мы, тыхъ лыстовъ оглядавши, а для широкости пысма ихъ слово отъ слова въ потверженъе наше не вкладаючи, велели есмо порадне а вкратце усю речъ, што ся въ ныхъ замыкаеть, въ семъ нашомъ лысте выписаты, которое то въ собе мають: *Першій лысть* короля его мылосты Александра, стрыя нашего, подъ датою мисяця марта двадцять четвертого дня, индыкта второго, пысанный до воеводы Кіевского, князя Дмитрія Путятыча, которымъ его мылость, — за чоломъ-быемъ игумена Іоана светого Михайла Золотоверхаго въ Кіеве, ведле суда того воеводы кіевского, маршалка своего, наместника вытебского, пана Станислава Глебовича, который онъ зъ двореныномъ его мылосты Михайломъ Галыномъ передъ нами мелъ, — островъ церковный на нызъ Днепра и реку Ржавецъ къ тому манастирю надаты и потвердыты рачиль, же въ то всьо ныхто уступоваты не маеть. *Другый лысть* короля его милости Жигмунта, славной памѣяти отца нашего, sprawy Коптя писара изъ его милостю за чоломъ-бытиемъ того-жъ пререченого игумена, — к тому монастыру Золотоверхому, ведле лысту и потверженъя короля Александра, оный же островъ на нызъ Днепра и рѣку Ржавецъ потверждаты рачиль; писанный подъ датою мѣсяця іюня четвертого-надцять дня. *Третій лысть* короля Жикгимонта, подъ датою четвертого-надцять дня марта, индыкта десятого: тымъ лыстомъ его мылость, за чоломъ-бытиемъ игумена Макарія и всихъ чернцовъ монастыря святого Михайла Золотоверхого, ведле данины воеводы Кіевского, пана Андрея Немировича, — заломъ пустый у Черторыи на верхнемъ конце со сеножатою — по жерело Лысянкое и по Городовое озера, а по речку Радунку и по Чорторыю, а отъ жерела Лысянкого на левую сторону ку Днепру, — того всего на две стрелены, ку той церкви Божой игумену Макару и на потомъ-будучимъ игуменомъ zostавуючи, потвердылъ той лысть, зъ подписомъ руки его милосты королевской. Справа Коптія пысара. *Четвертый лысть* воеводы Кіевского Андрея Немировича зъ датою novembra трыдцятного дня, индыкта четвертого; где пишетъ, ижъ, — за прозбою игумена святого Михайла Золотоверхого Макарія, выдачи быти безъ шкоды господарское и замковое, и для богомолія господарского Жикгимунда короля и для убожства тоей церкви, абы хвала Божая не уставала, — придалъ къ тому манастирю селищю пустое, на имя Селимонов- /26/ щизна, въ Товстомъ Лиси, зо всимъ съ тымъ, што къ той пустовщизне прислухаетъ и якося зъ которымы даходы здавна въ собе маеть, съ которое хоживало на Кіевъ по две кади меду. *Пятыи лысть* короля Жикгимунда: потверженіе на тую пустовщизну Селимоновщизну, водле даты вышей-мененое небожика Немировича за причиную егожъ, — ижъ въ тое селищю воеводамъ Кіевскимъ и никому уступоватыся не надобе.

Дата февраля двадцать третьяго, индыкта четвертого, при бытности подскарбьего земского пана Аврама Езуфтовича, старосты жмудского, sprawy Коптя писара. *Шостый листъ* короля Жигмунта, писаный до воеводы кievского Немировича и на потомъ будучихъ воеводъ кievскихъ: ижъ его мылость, зъ ласкы своеи, — за причиною тогожъ Немировича, а за прозбою игумена монастыра Злотоверхого Макарія, — рачиль даты къ той церкви Божой поле городовое за валомъ пробытымъ, ижъ тотъ игумень и напотомъ будучіе мають тое поле держаты, а воеводы тамошніе не мають ся въ то уступаты. Дата, лита Божого нароженья, тысяча пятьсотъ двадцать второго, индыкта десятого; у того листу подпись руки господарское, справа воеводы Выленского, канцлера, старосты Белицкого и Мозырского, пана Олбрахта Мартыновича Гаштолда. Копоть пысаръ. *Семый листъ* помененогожъ воеводы Кievского Немировича, подъ датою ноября тридцатого дня, въ которомъ пишетъ: ижъ што которую ниву, вышей-мененое поле за пробитымъ валомъ, — по правой стороне дороги подле самого валу и до Кудрявца, у верхъ Кудрявцовъ до долины Глубокой, а отъ Глубокой долины просто до Софійской долины, што идетъ одъ Лыбеди Софейскою долиною у верхъ самого валу, — король, его милость, Жикгимонтъ, къ монастыру святого Михайла Злотоверхого даты рачиль; ино онъ, за розказаніемъ господарскимъ, овой даты, игумена и всихъ церковь въ то увезаль и къ монастыру подаль. *Осмый листъ* короля Жикгмунда на паргамыни зъ завесистою печатію великого князства Литовскаго, писаный подъ датою, въ лѣто семое тысяча двадцать четвертого, місяца марта тридцать первого дня, индыкта четвертого, при бытности старосты Берестейского, Лыдзского и Мозырского, пана Юрія Илинича, а подскарбего земского, старосты Ковенского, пана Аврама Езуфовича; справа Гринка Громыкы, которымъ его милость, зъ ласкы своей, за (прозбою?) пановъ радъ, за чоломъ-бытіемъ толмача своего татарского, Макара Івашковича, орменина кievского, и за его верные службы, которые онъ часто-кратъ, въ потребахъ господарскихъ и земскихъ до орды Ъздячи, зъ себе по-
/27/казываль, водле листу и даты воеводы Кievского Андрея Немировича в волости Белосороцкой, — селища Лысковщизны и землицу пагорную, — зъ пашеными землями, зъ сеножатмы, зъ ласы, зъ бортною землею, зъ озеры, зъ реками, зъ Ъжи, зъ ловы зверинными и пташими, и зовсимъ, што къ тому з стародавна прислухало, вызволивши одъ подводъ и одъ всихъ тяглыхъ повинностей, што зъ того селища и землицы бывало, — на вечность оному толмачу самому, жоне и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ щадкамъ, подтвердыль и при томъ зоставылъ. *Девятыи листъ*, на Александрійскомъ папери писаный, тогожъ короля Жикгмунта, подъ датою лита Божого нароженья тысяча пятсотъ сорокъ третьяго, мисяца декабря осмого дня, индыкта первого, при бытности старосты луцкого, маршалка господарского, князя Андрея Михайловича Коширского; справа Михайла писаря, где сведчить: ижъ две службы людей на Припети увъ Ореючахъ, на имя Лысковщизну и Погонную, то есть выше-мененое селище и землицу у волости Сороцкой, игумень светого Михайла Злотоверхого, небощикъ Макарія, купилъ за сто копъ грошей литовскои монеты у толмача помененного, Макара Орменина, на штожъ оный Макарь привилей верху-описаный, за которымъ то самъ держаль, и листы свои продажные къ церкви Божой подаль; то-пакъ за живота своего воевода Кievский Немиричъ тотъ привилей до себе взялъ, а по смерти его панъ Станиславъ Довойно черезъ руки некаго Тронца орменина Макаровой то отдалъ, за которымъ она, черезъ продажу мужа своего, о тые ся двѣ службе людей упоминала, ино, на он-часъ будучи игумень монастыра Злотоверхого Гарасимъ, листы купчие Макара орменына, ижъ на вечность тые люды церкви Божой продалъ, передъ справою воеводы Кievского, преречонимъ княземъ Андреемъ Коширскимъ, и передъ иными людьми добрыми, земяны кievскими, покладалъ; а потомъ, кгда оный, игумень Герасимъ змерлъ, токгда князь Коширскій оный монастырь некакому Подопрысвету далъ, который черезъ полъ року мешкавши, зъ

монастыра прочъ утеклъ, тые лысты купчіе на оные людѣ и на нывѣ церковныѣ въ Кіевѣ за валомъ и у валу зъ собою побралъ, або нѣтъ-видома, гдѣ подевалъ, и великіѣ шкоды починый, — што все князь Коширскій, зъ земьянами своїмы визнаваючи, на то лысть свой церкви Божой далъ, подъ датою лѣта Божого нароженія, тысяча пятсотъ сорокъ второго мѣсяца іюля сегого дня, индыкта первого, который зъ розказанья его кролевской мылости, за чоломъ-бытіемъ игумена Филарета и всихъ /28/ чернцовъ оного монастыря Золотоверхого, въ томъ лысте его милости одъ слова до слова вписанъ естъ. Въ томъ лысти своемъ князь Коширскій, широко выписуючи то усе, яко вышей поменено, сознаваеъ, ижъ оныѣ листы зъ земьяны Кіевскими не разъ видаль, але потомъ яко Подоприсветъ зъ монастыра утеклъ, знайти ихъ у схованні церковномъ не могли; ино король Жикмунтъ, на томъ переставаячи, водлѣ сознанья князя Коширскаго и земьянъ Кіевскихъ, обачачи, же тые листы купчіѣ на люди отъ Ормянина и на нывѣ церковныѣ за валомъ и у валу были, а черезъ того игумена затрачены, што, ижъ передъ тымъ и на тотъ часъ къ церкви Божой держано было, водлѣ давного держанья при оныхъ людяхъ на Припети и нывахъ помененыхъ у Кіевѣ игумена и чернцовъ святаго Михаила Злотоверхого зоставилъ, ижъ мають оны то къ тому монастырю держати и уживати водлѣ того, яко и первей то держали. *Десятый лысть* признанный Семена Александровича Кмыты, который визнаваеъ: ижъ онъ мѣлъ землю свою въ поветѣ кіевскомъ подъ Овручомъ, на имя Голубцевичи, посполите въ судереви по половици зъ землею монастыря святаго Михаила Золотоверхого, и другую землю подъ Чернобилемъ въ Товстомъ Лиси, на имя Жолоктавскую, обрубную, также въ судереви, по половицю зъ землею монастырскою селища Селивановскаго; а такъ игумень Семеонъ зо всими чернцами того монастыря Золотоверхого и церкви, видячи, ижъ тая земля Жолоктаевская къ земли ихъ къ селищу Селивановскому и къ инымъ именямъ монастырскимъ прилегла, а земля ихъ монастырская Голубеевиче, которую онъ по половице даржалъ, ему прилегла, — за ведомостію и листомъ дожительнымъ (sic) воеводы Кіевского, маршалка земли волынской, старосты володимірскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго, — бачачи безъ шкоды церковной, намовившися, мену межѣ собою учинили: а тую землю монастырскую Голубевичи половиною свою, яко ся тая земля зъ давныхъ часовъ въ собе маеъ, зъ двумя чоловѣки на той земли, на имя — Хоמוю а Ильею, зъ даню ихъ грошовою и медовою, што давати повинны, — то естъ грошей готовыхъ сорокъ а меду полторы кади, — и зо всемы ыншими пожитки и доходы, ему самому и потомству его зодного (sic) тамъ пустыты, держаты, уживаты вечными часы поступылы, лыстомъ своимъ запысалы; а онъ тежъ имъ на протывку того въ Толстомъ Леси тую землю свою Залоктаевскую, што естъ тамъ зъ землею ихъ монастырскою посполъ, зъ двома чоловѣки на имя — зъ Яковомъ Рудкевичомъ, а Логовиномъ, зъ даню /29/ медовою и грошовою, которую оны повинны давати — то естъ-грошей готовыхъ двѣ копы, а двѣ кади меду присного кіевской мѣры — и зо всякими ыншими пожитки и доходы, зъ того села приходячими, также вотмене съ одного мѣстья, держаты, уживаты вечными часы непорушно къ монастырю пустылъ и тымъ лыстомъ своимъ умоцнылъ, описуючися самъ зъ потомствомъ своимъ и хтобы потомъ тую землю Голубейцускую, одъ монастыра замененную, держалъ, еслѣбы блызкіѣ крѣвныѣ его и хто жъ колвекъ въ той заменъ его земли Золоткаевской церкви Божой переказу чынылъ, або того поискивалъ, — ижъ мають то очищати, яко власность свою у каждого права. Якожъ Семень Кмыта игумену и чернцомъ того монастыря далъ тотъ свой лысть за своею печатію и за печатмы людей добрыхъ и тую дей оны замену на уради нашомъ воеводства кіевскаго, передъ воеводою кіевскимъ, княземъ Константыномъ Острожскимъ, оповедалы и до книгъ запысалы, дата у того лысту лѣта Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мѣсяца февраля первого дня. *Одинадцатый лысть* того-то воеводы кіевскаго, князя Константына Острожскаго, которымъ, видячи быти безъ

шкоды церковной, дозволилъ игумену и чернцомъ светого Михайла Золотоверхого вышей-мененую замену зъ Семеномъ Кмытою учиныты; дата лита Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца сентембра двадцять четвертого дня. *Вторыйнадцять листь* вызнаны Семена Гринкевича, земянына повету кievского, подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца декабря третего дня, за печатію его и за печатмы людей добрыхъ, который зъ жоною своею, Зофією Петровною Грабіянкою, визнаваеъ: ижъ продалъ обель (sic) власное селыщо свое, добре набытое, на имя Глывайкое, въ кievскомъ повете грунтомъ лежащее, прозверху реки Бобрицы и другой речки Отеневки, ку манастиру светого Михайла Золотоверхого — игумену Семіону и всимъ старцемъ тамошнимъ за певную суму пинязей — за тридцять копъ грошей лытовскихъ — зъ землямы пашными, бортными, зъ лесы, зъ дубровами, зъ данею медовою, грошовою, и зо всемы доходы и пожитки, ничого тамъ на себе не зоставуючи, яко ся то здавна въ собе маеъ, и яжо то онъ самъ и продкове его держалы; на вечные часы вырекаючися, — ижъ онъ самъ, его жона и диты и некоторые близкіе ихъ тоей продажи его отъ манастиря отниматы и того вжо доходыты немогутъ и, если бы хтоколвекъ зъ ныхъ самыхъ и потомковъ ихъ, альбо хто зъ стороны, въ томъ селыщи и кгрунте его церкви Божей переказу /30/ чынылъ и тамъ што кгрунту его отыймовалъ, — таковой кождый заруки на господара пятдесятъ копъ грошей, а выны замковой на пана воеводу кievского тридцять копъ грошей выненъ будетъ заплатыты; а особлыво обвязался Семень Гринкевичъ зъ жоною своею уси шкоды и наклады того манастиря въ томъ заступоваты и оное селыщо Глыванское, земли и пожытки ихъ, своимъ накладомъ у кождого права очищаты и къ тому манастиру поступоваты: бо дей ани для чого иншого, ани для браня суммы пинязей вышей мененное, тое селыщо Глыванское съ манастиру пустылы, одно — для богомолія своего и родителей своихъ вечыстого; гдыжъ тое селыщо и ку грунтомъ монастырскимъ притекло, а ижъ-ды оны лыстовъ и твердостей на тое селыщо Глыванское къ церкви Божой не далы, то для тыхъ причинъ, же зъ иншими землямы именій ихъ оное селыщо Глыванское естъ описано. *Третійнадцять листь*. Выписы зъ книгъ замку кievского, лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ третяго, мисяца декабря двадцять осмого дня, за печатю справы, на онъ часъ воеводы кievского, старосты кремьянецкого, князя Мыколая Андреевича Збаражского: оповеданье и вызнанье на томъ уряде кievскомъ помененного Семена Гринкевича, о проданье селыща въ верху описанного Глывацкого съ манастиру, въ которомъ упысы и тотъ листь его продажный ввесь упысанъ естъ. *Четвертыйнадцять листь* Богдана Степановича Дублянського, за печатю его и за печатмы людей добрыхъ, пысанный подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ пядддесятъ семого, мисяца ноября третягонадцять дня, которымъ посполу зъ сестрою своею Федею Золотушанною, визнавають: ижъ оны землю свою отчизную и дедызную, на имя Юревскую на Вилы речце, обаполь речки обоимъ сторонамъ, продалы Семену Мелешковичу, мещаныну Кievскому, самому, жоне и ихъ потомкамъ, за пядддесятъ копъ грошей, обель вечно и николы непорушно, — землю пашную, бортную, и сеножаты зъ дубровами, и пашнями, и съ припаши, полями, бобровыми гоны, ловы зверинными и пташими, и зо всеми иншими входы и пожитки, здавна къ тому прислухаючими, ничого на себѣ и на близкихъ своихъ не зоставуючи; але оддаваючи и даючи вольность — оддаты, продаты, на церковь запысаты и тымъ, яко власностію своею, шафоваты. А где бы оны сами, албо хто зъ близкихъ ихъ хотелъ Семена Мелешкевича зъ тоеи земли рушаты, на такового положиылы выну платыты: на замокъ Кievскій сто копъ грошей, а воеводѣ Кievскому пядддесятъ копъ грошей, а Семену Мелешковичу /31/ грошъ грошомъ навезаты; тоежъ тые земли подъ нымъ искати. Ино повидылы передъ нами игумень Захарія и уси чернцы святого Михайла Золотоверхого: ижъ тую Юревщизну Семень Гришковичъ, отъ Богдана Дублянського купленную, по животе

своемъ на милосердный учинокъ ку церкви Божой, святому Михайлу Золотоверхому, правомъ своимъ записалъ, у вечность пустивши; листь свой записный и тотъ листь продажный Дублянського и сестры его, вышей въ семъ нашомъ листе описанный, ку церкви Божой подалъ; то пакъ-дей, приходомъ часу небезпечного, яко то на Украине частокротъ бываетъ, запись власный Грынковичовъ на Юревцы згинуть, — ведже оны, за листомъ продажнымъ Семена Гринковича, и теперь того въ спокойномъ держанью и уживанью суть, — для того особливе были оны намъ чоломъ, абы есмо и тую землю Юревскую въ подтверженъе нами привелы и то имъ на вечность утвердылы. А так мы, Жигмунтъ Августъ, король передъ-речоный, вси оные листы, передъ нами отъ игумена Захаріи и всихъ чернцовъ монастыра светого Михаила Золотоверхого покладыные и выше въ семъ нашомъ листи выписанные, за которыми ижъ оны — людей, селыщъ, землю, грунтовъ, поль, лесовъ, пущъ, дерева бортного, сеножатей, рекъ, озеръ, всякихъ лововъ и инныхъ всихъ пожитковъ и доходовъ, къ тому монастыру належачихъ, яко здавна так и на сей часъ въ спокойномъ держанью и уживанью, кромъ всякого прынагабання — суть, — за слушные прынявши, а чынячи то для церкви Божой, при моцы, ничымъ не нарушаючи, заховуемъ, и то на вси потомніе вечные часы утверждаемъ и при монастыри святого Михаила Золотоверхого Кіевського zostавили есмо и сымъ листомъ нашимъ zostавуемъ и умоцняемъ: маєть игумень теперешній и напотомъ будучіе игумены тамошныя, со всею братією чернцами, вси тіе лугы, селыща, земли, кгрунты, воды — а меновите и землю Юревскую, отъ Семена Гринковича на тотъ монастырь записанную — и уси пожиткы вышей-описанные, водле оныхъ листовъ старыхъ, за симъ теперешнимъ листомъ подтверженымъ нашимъ, къ тому монастыру Михайловскому Золотоверхому держаты и уживаты, слушне и пристойне въ томъ монастыри справоваты, на церковь Божую накладаты и пожиткы привлащаты, розмножаючи межу християны и хвалу Божую; за насъ, господара, короля польскаго, Бога просыты повинны будуть, а воеводове Кіевскіе и ниhto инный въ речи тые — до чого, водле стародавного звычайу, ничего не мевалы — инколы ся уступоваты и переказы жадной въ томъ монастыри чыныты не мають вечно и николы /32/ ничимъ непорушно. И на то-есмы дали церкви Божой, монастыру святого Михаила Золотоверхого, игумену Захаріи и чернцомъ тамошнимъ сей нашъ листь, до которого на твердость той речи и печать нашу короны польской привеситы есмо велелы. Пысанъ въ Варшави, дня четвертого мисяца іюня, року тысяча пятсотъ седмдесятого, панованья нашего року сорокъ первого. Подпись руки его королевской мылосты. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, prout in actis metrices regni continetur, nos fideliter ex rutenico caractere polono idiomate describi et parti postulanti authentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet vigesima prima mensis Octobris, anno domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego ekstraktu, z xiąg melryki koronej authentice wydanego, przy pieczęci mniejszey koronnej przyciśnionej, podpis ręki jaśnie wielmożnego podcanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severiae, procancelarius regni. (locus sigilli) Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relacio illustrissimi excellentissimi domini, domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensu, ducis Severiae, procancellarii regni; potym podpis ręki secretarskiej temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regiae Majestatis secretarius, manu propria. Konfirmacja zaś tak sie w sobie ma: ex actis anni millesimi quingentesimi septuagesimi confirmatio prawa na grunta manastyrovi świętego Michała w Kyiowie, który że to ekstrakt, za podaniem y prosbą wyżmianowanej osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg niniejszych iest ingrosowany.

13.

Грамота великаго князя Александра, Черкасскому землянину Гринку Васкевичу, на имѣнія Михліево, Орловичи и Линчинцы. 1499 года, апрѣля 12.

Alexander, Boża miłością Król Polski, Wielkie Xiążę Litewskie, Ruskie, xiążę Pruskie, Żmudskie i innych. /33/

Bił nam czołem ziemianin Czerkaski Hryńko Waśkiewicz i powiedział przed nami, co pojął zasiebie żonę ziemianina Zwinogradzkiego, nieboszczyka Fedka Waśkiewicza, i sieliszcza — otczyzna i wysługa tego Fedka, pierwszego męża, jemuż po niej dostały się, na imię: Mihlijewo, a Orłowiczy, Lińczyncy; a tego tedy Fedka tatarowie ubili na naszej służbie, a naśledków gdy ku temu nikogo nie masz, i bił nam czołem, abychmy na to dali nasz list i, co kiedy s temy sieliszczami żonie tego Fedka a naśledkow ku temu żadnych nie będzie
. wszystkim i tem, co ku nim zdawna przysłuchało. A nam z tego służbę ziemską służy. Pisan w Krakowie. Aprilia 12 dnia, indikt 6.

Сообщено В. Антоновичемъ.

14.

Грамота великаго князя Александра, Волынскому землянину Ивашку Лабунскому, на пустыя селища — Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1501 года, декабря 21 дня.

Александръ, Божою милостію король Полскій, великий князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитстий и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдачи. Биль намъ чоломъ землянинъ волынский Ивашко Лабунскій и повѣдилъ передъ нами: штожъ первой сего дали есмо ему два селища пустовскихъ у Кременецкомъ повѣтѣ, на имя — Калыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ на первую данину на то передъ нами покладалъ; и былъ намъ чоломъ, абысмо ему ти селища подтвердили нашимъ листомъ на вечность. Ино мы, вбачившы его к намъ вѣрную, и пильную, и николи невмѣшканую службу, з ласки нашею ти вышеписанныи селища въ повѣтѣ Кременецкомъ — Колыщинцовъ и Сахновцовъ, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ,

и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкамъ, и ихъ ближнимъ: нехай они то держать — съ землями пашними и бортными, и з леси, и /34/ з дубровами, и з гаи, и з хворосты, и синожатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, и з ставы, и з ставищи, и з млыны, и з ихъ вымелками и со всеми вжитки и пожитки, и со всемъ стымъ, што здавну к тимъ селищамъ слушало, и какъ з стародавна у своихъ границахъ ся мають; и вольни они то оддати, продати, замѣнити, к церкви Божой записати и расширити, прибавити и к своему лѣпшому и ужитечному обернуты, какъ наилепѣи сами розумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ первое, мѣсяца декабря двадцать первый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

15.

Вторичная подтвердительная грамота великаго князя Александра, земянину Волынскому Ивашку Лабунскому, на имѣнія — Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, января 24 д.

Александръ, Божю милостью король Полскій, великій князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотреть, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати. Билъ намъ чоломъ земянинъ волынскій Ивашко Лабунскій и повѣдилъ передъ нами: штожь первой сего дали есмо два селища пустовскихъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, на имя — Колыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ первую данину на то передъ нами покладалъ; и билъ намъ челомъ, абысмо ему тии селища подтвердили нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы, вбачивши его к намъ вѣрную и пильную и николи не вмѣшканную службу, з ласки наше, тии вышеписаныи селища въ повѣтѣ Кременецкомъ — Колыщинцовъ и Сахновцовъ, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и ихъ ближнимъ: нехай и они то держать — з землями пашными и бортными, и з лѣсы, и дубровами, и з гаи, и с хворосты, и с сѣножатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, з ставы, и з ставищи, и з /35/ млыны, и з ихъ вымелками, и со всѣми вжитки и пожитки, и со всемъ съ тымъ, што з давна къ тымъ селищамъ слушало, и какъ з стародавна въ своихъ границахъ ся мають; и вольни и они то оддати, продати, замѣнити, и к церкви Божией записати, и расширити, прибавити, и к своему лепшому и ужиточному обернути, какъ наилепѣи сами разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити к сему нашему листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ третее, мѣсяца января въ двадцать четвертый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

16.

Грамота великаго князя Александра, Овруцкому намѣстнику князю Григорію Борисовичу Глинскому, приказывающая ему возвратитъ Овруцкому старцу Василю Михалкевичу, отнятую у него землю, называемую Кончаковскою. 1503 г. іюня 25 дня.

(Донесеніе вознаго о вводѣ имѣ Михалкевича во владѣніе землею Кончаковскою 1503 г. августа 2 дня, значитъся подѣ литерою б).

а) Року тысяча семь сотъ семьнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Овруцкомъ, передо мною Михаломъ Сынѣгаевъскимъ, коморникомъ кграничнымъ Кіевскимъ, наместникомъ кгородскимъ староства Овруцъкого и книгами нинешними, кгородскими, Овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, oryginał listu upominającego — od naiaśniejszego, niegdy świętej pamięci, krola jego mosci Polskiego Alexandra, zeszytym antecesorom swoim y uczęśnikom iego, do kniazia jego mosti Hrehorego Bocysowicza Hlinskego, namiesnika Owruckiego wydany, z pieczęcią przycisnioną — per oblatam podnił, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list do xiąg przymuiąc, czytałem, który ruskim pismem pisany tak się w sobie ma: »Alexander Bożą miłością krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, xiąże Pruskie, Zmudzkie y innych. Namiesniku Owruckemu, kniaziu Hrihoriu Borisowiczu Hlinskemu. Żałował nam staryc Owrucki, /36/ na jmie Wasil Michałkiewicz, cośmy perwey tego dali mu ziemie, oyczynę iego, którą derżał stryj iego, Konczakowską, a u tego stryia iego dzieci przyptodka nie masz, y ty, u niego tę ziemie odiowszy, y dał innemu człowieku, y list u niego nasz odioł, któryżeśmy iemu na tę ziemie dali. Przeto, iesli ta ziemia będzie od niego odięta, co dzierżał stryj iego, przykazuiemy tobie, abyś temu człowieku nie kazał w tę ziemie wstępować y list abyś iemu nasz ten oddał koniecznie; niechay by on nynie tę ziemie dzierżał, według pierwszej naszej daniny, a nam z oney służbę służy; a uważać go w tę ziemie posłaliśmy dworzanina naszego — Iwaszka Kryżyna. Pisan w Wilnie, junia dwudiestego piątego dnia, indykta szóstego. Locus sigilli«. Который же то листь упоминальный, за поданемъ и прозбою вышѣ-мянованое особы, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко се в собѣ маеть, есть уписанный.

Книга Овруцкая гродская, 1717 года, № 3324, стр. 93 на об.

б) Року тысяча семь сотъ семьнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, в замку его кролевской милости овруцкомъ, передо мною, Михаломъ Сынѣгаевъскимъ, коморникомъ кграничнымъ, намесникомъ кгородскимъ староства овруцкого, и книгами нинешними, кгородскими, овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, — dla wpisania do xiąg ninejszych, grodzkich, Owruckich, oryginał list uwiązczy na ziemie infra wyrażone, antecessorowi swemu, boiarowi owruckiemu, y uczęśnikom swoim, boiarom Owruckim, służący, z pieczęcią przycisnioną, — per oblatam podał, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list uwiązczy seu intromissią do xiąg przymuiąc, czytałem, który Ruskim

pismem pisany tak się w sobie ma: »Ja, Iwaszko Kryzyn, dworzanin hospodarski, czynie wiadomo na tym liście moiem, iż co z roskazania hospodara jego miłości, będąc ja posłany y przydany Wasilu Michałkewiczu, starcu wruckemu, na uwięzanie ziemi Konczakowskey; yno ja, podług listu hospodarskiego, uwięzałem tego Wasila w ziemie Konczakosko y w niwy y sianożęci pod miastem Owruczym y podle Wisiatek — po oboch stronach drogi Sieczynskey po kurhany Sieczynske, y koło rzeczki Hruzki, y koło rieczk Kamionki, Suderew z Hładkowi, y koło doliny Ziołony /37/ Łoży, y u dworzyszczu Michałkowske, — ze wszystkemi ich grunty, według daniny hospodarskey, na wieczne czasy, a przy tym ze mną byli: pan Fedka Zmoka, a Semion Dyak, Luczyn syn; na co ja y list swoy uwiązczy temu Wasilu dał y pieczęć swoje do niego przycisnął. Pisan w Owruczym, augusta wtorego dnia, indicta szostego. Locus sigilli«. Который-же-то list увязъчий, за поданемъ и прозбою вышъ-мѣнованое особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко ся в себе маеть, до книгъ нинейшихъ есть уписаный.

Книга Овручская городская, № 3224, 1717 года, стр. 93.

17.

Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, о томъ, чтобы онъ возвратилъ Овручскому старцу Василию Михалкевичу отнятый у него островъ, находящійся за рѣкою Каменкою, и не присвоивалъ-бы имѣнія Михалкевича. 1503 года, августа 21 дня.

Року тысяча семь сотъ семнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Овручкомъ, передо мною, Михайломъ Сынгаетевскимъ, коморникомъ кграничнымъ Кіевскимъ, наместникомъ кгородскимъ староства Овруцкого и книгами нынешними, кгородскими, Овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg nineyszych, grodzkich, Owruckich, oryginał listu — upominalnego od naiasneyszego niegdy świętey pamięci króla jego mości polskiego Alexandra do zesłego niegdy kniazia jego mosci Hrehorego Borisowicza Hlinskego, ratione intro contentorum pisanego, antecessorowi swemu y uczesnikow swoich boiar Owruckich służącego, z pieczęcią, przycisnioną — per oblatam podał, prosząc, aby przyjęty y w xięgi wpisany był; a tak ja, urząd, ten list do xiąg przymuiąc, czytałem, y tak się w sobie, ruskim pismem pisany, ma: »Alexander, Boża miłością krol polski, wielki xiężę Litewske, ruske, xiężę Pruski, Zmódzki, y innych. Namiesniku wruckiemu, kniaziu Hrehoremu Borisowiczu Hlinskemu. Żałował nam na ciebie staryc nasz wrucki Wasil Michałkewicz niepoiednokroć, cożesmy pierwey tego dalismy ziemie iemu y ty u niego list daninę naszą odioł był y drugemu człowieku tę ziemie oddał; ino my pisalismy list do /38/ ciebie o to, y posłalismy dworzanina naszego, Iwaszka Kryżyna, cobysmu daninę nasze wrucił, y temu dworzaninu kazali, coby go w tę ziemie uwiązał: to tedy on onego uwiązał y list swoy uwiązczy iemu dał, który przed nami pokładał. Jenoż ty, jako niedbaiąc wskazania naszego, ostrowa mu za rzeczka Kamionką niedał y miód na siebie z ostrowa podarł: a tak, — abys temu ostrowu pokoy dał koniecznie, aby inaczey niebyło. Pisan u Wilni, augusta dwudiestego pierwszego dnia, indicta szostego. Locus sigilli«. Который же то листь упоминальный, за поданемъ и прозбою

вышъ менованое особы podawaiacy и за моимъ урядовымъ принятемъ — слово, въ слово, такъ яко се в собе ма, до книгъ нинешънихъ есть уписаный.

Книга Овручская городская, № 3234, 1717 года, стр. 92 на об.

18.

Грамота великаго князя Александра, Винницкому земянину ШулгѢ Долбиничу, на пустошь въ Брацловскомъ повѣтѢ, называемую Котенево. 1504 года, февраля 16 дня.

Александръ, Божюю милостию Король полскій, великій князь Литовскій, рускій, княжа пруское, жомоитскій и иныхъ.

Намѣстнику Браславскому, князю Михайлу Васильевичу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ земянинъ вѣницкій, Шулга Долбыничъ и просилъ у насъ селища въ Браславскомъ повѣте, на рѣце на Уси, на имя Котенева, оповѣдалъ намъ, штожъ дей сее селище давно пuste лежитъ, а наследка к ней никого нету, а и ты о томъ к намъ писалъ за нимъ, повѣдуючи, ижъ тое селища пусто; ино если будетъ пусто и мы ему тое селища дали, и ты бы ему въ то увязаніе далъ. Писанъ въ ПетриковѢ, февраля 16 дня, индиктъ 7-мой.

(М. П.)

Сообщилъ В. Антоновичъ. /39/

19.

Грамота Сигизмунда Августа, 1570 года, мая 30 дня, подтверждающая привиллегию, данныя отъ его предковъ — Сигизмунда, Казимира, Александра, а равно и записи отъ нѣкоторыхъ земянъ кievскихъ монастырю Свято -Никольскому пустынскому кievскому на села, имѣнія и земли. Одна изъ такихъ привиллегій, упоминаемыхъ въ настоящемъ актѢ, значитъя подъ 1504 г. іюля 29 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego szostego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jeho krolewskoy mosti Zyttomirzu, przedemną, Wawrzyńcem Walewskim — Lewkowskim, namiesnikiem protunc podwoiewodztwa y vicesregentem grodzkim, generału wojewodstwa kijowskiego y xięgami ninieyszemi, grodzkimi Kijowskimi, comparens personaliter W. imć xiądz Andrzej Bieniecki, archymandryta owrucki, official metropolii kijowskiey, exeract z xiąg metryki koronnej authenticie wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia na siedliszcza Książczya y na inne grunta, monasterowi Pustynskiemu służącego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg niniejszych per oblatam podał, de

tenore tali: »Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Vołhyniae, Podoliae, Podlassiae, Liwoniae, Smolensciae, Seweriae, Czernichoviaeque, nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis: reperiri in actis metrices regui privilegium confirmationis infrascriptum tenoris sequentis: Zygmunt Augustus.

Ознаймуемъ симъ нашимъ лыстомъ всимъ и каждому зъ особна, кому будетъ потреба видаты, або чтучы его слышаты, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ: покладалы передъ нами велебный отецъ Касіанъ, игумень монастыра святого Мыколы зъ Кіева, зъ братією своею, чернцы оного монастыра пустынского лыстовъ седмъ: *Одынъ* — славнои памяти короля его мылости Жыгмунта, пана отца нашего, на паргамини пысанный, подъ датою — року Божого тысяча пятьсотъ четвертого, мисяця іюля двадцать девятого дня, индыкта второго, sprawy пысара, Михайла Васковича: которымъ лыстомъ своимъ король его мылость, отецъ нашъ, селыщо пустое въ Кіевѣ за Днипромъ, на имя Княжици, и озеро, которое на тотъ монастырь пустынскій еще продокъ нашъ, король его милость, Казиміръ, /40/ и тежъ король его милость, Александеръ, стрый нашъ, надать рачиль на вечность, — подтвержаты тому жъ монастыру пустынскому рачиль; а шесть лыстовъ пановъ и зѣмянъ кіевскихъ, которые, для вспоможенія того монастыра, попрыдавалы и запысалы люды и земли свои на тотъ монастырь пустынскій, то есть: лысть Булгака Лысычина сына, а Михайла Волчковича, подъ датою — въ лито симъ тысячъ сегого року, мисяця аугуста четвертого дня, индыкта второго, которымъ лыстомъ своимъ они, отдаляючи жонъ, диты, братію и всихъ повинныхъ своихъ, двѣ дилныци свои — Селыща и Нонышовъ, лежащее при речце Красной, пашни, сеножати, и млына на тотъ монастырь пустынскій вечно записують. *Третій лысть* Семена Романовича и жоны его, Татьяны подъ датою — въ лито симъ тысячъ пятнадцатого року, мисяця септембра первого дня, индыкта десятого: которымъ лыстомъ онъ, отдаляючи братію и всихъ повинныхъ своихъ, половицею имения своего, Сепелычъ часть, на Припяти, и къ тому озеро Веропулъ а долгую Толю — на вечность тому жъ, монастыру пустынскому въ Кіевѣ записуетъ. *Четвертый лысть* Солтана Албеевича Толмача и жоны его Кунки и сыновъ Ивашка а Васька, подъ датою — въ лито симъ тысячъ шеснадцатого року, мисяця августа тринадцатого дня, индыкта одинадцатого: которымъ лыстомъ оны, взявши отъ игумена и чернцовъ пустынского монастыра чотыре копы грошей и отдаливши то отъ всихъ повинныхъ и сыновъ своихъ, продають и записують вечно землю свою бортную, лежащую за Днепромъ, на имя Полукняжевскую, на тотъ же монастырь пустынскій. *Пятый лысть* Сенка Романовича, наместника житомерского: который тымъ лыстомъ своимъ озеро, на имя Веропуть, на тотъ же монастырь пустынскій далъ. *Шостый лысть* Ивана Михайловича Волчковича, подъ датою — мисяця марта, дня пятнадцатого, индыкта шостого: которымъ лыстомъ своимъ онъ половицею езы имения своего Шепелычъ, на реце Припяти, и къ тому землю бортную тогожъ имения Шепелычъ, на имя Пенчиковскую, зо всеми пожытки, до той земли здавна прыслушающими, — вечно, на веки на тотъ же монастырь пустынскій, въ Кіевѣ, святого Мыколая, запысалъ. *Семый лысть* Рака Полозовича, подъ датою — мисяця августа первого дня, индыкта одинадцатого: которымъ лыстомъ своимъ онъ землю свою отчизную, на имя Копіевскую, отдаляючи жону и всихъ повинныхъ своихъ, на тотъ же монастырь пустынскій вечно запысалъ. И просылы насъ, абыхмо, то ку ведомости нашей королевской прыпустывши, моцою зверхности нашей королевской, — тые селыща, люды и /41/ земли къ той церкви Божой, монастыру пустынскому святого Мыколы, въ Кіевѣ, подтвердылы и умоцнылы то имъ во всемъ на вечность лыстомъ, привилеемъ нашимъ; ино мы, оглядавши тыхъ лыстовъ записовыхъ и выдючи ихъ быть цилыхъ и ни въ чимъ ненарушонныхъ, на прозбу ихъ то учинылы — подтвердылы есмо и симъ лыстомъ привилеемъ нашимъ подтверждаемъ: мають оны самы и по нихъ игумень и чернцы, въ

томъ манастири пустынскомъ кїевскомъ будучие, тіе вси дворища, людѣ и земли вышей-мененые, зъ землями пашными и бортными, зъ сеножатмы и зъ службами тыхъ людей, зъ данмы грошовыми, медовыми, бобровыми и кунными и зъ озера, зъ реками, и зъ езы, зъ бобровыми гоны, ставы и зъ млыны, и зо всімъ зъ тымъ, яко ся тые людѣ селыща и земли здавна соби мелы и теперъ мають, во всемъ — ведлугъ лысту и потверженья, славной памѣты, короля его милости Жигмунта, пана отца нашего, и тежъ даныны и запысовъ тыхъ пановъ и земьянъ кїевскихъ вышей-описанныхъ, — до тоей церкви Божой, манастира святого Мыколы пустынского въ Кїиви, держаты и вживаты вечно, на веки непорушно; и на то дали есмо игумену и всей братіи его, чернцомъ манастира пустынского сей нашъ лыстъ, подписавши его рукою нашою господарскою, до которого на умоцненье и печать нашу привесити есмо казали. Пысанъ въ Варшави, на сейми вальномъ коронномъ, дня тридцатого мисяця мая, лита Божого нароженья тысяча пѣтсотъ семдесятого, панованія нашего року сорокъ первого». Подпысь руки его королевской милости. Quod ejusmodi confirmationis privilegium nos, fideliter describi ex actis metrices regni et parti postulanti authentice extradi permisimus, in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia fesli sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego ekstraktu z xiąg metriki koronej authentice wydanego, przy pieczęci przycisnioney, podpis ręki jego mości podkanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus cracoviensis, dux Severiae, procancellarius regni (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relatio illustrissimo excellentissimi et illustrissimi Domini Domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, ducis Severiae, procancellarii Regni; niżej zaś pieczęci podpis ręki secretarskiey temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regis majestatis secretarius, manu propria. Potwierdzenie zas tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi quinquagesimi septungesimi — potwierdzenie na sieliszczu Książczy y na inne /42/ grunta monastiru Pustynskiego. Kotory że to extract, za podaniem y prosbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, jak sie w sobie ma, do xiąg niniejszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская городская, № 47, листъ 305 на об.

20.

Грамота великаго князя Александра Ивашку Лабунскому на имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, марта 3 дня.

Александръ, Божою милостию король Полский, великий князь Литовский, Рускій, княжа Пруское и иныхъ.

Намѣстнику Кременецкому, пану Юрію Михайловичу Монтовтовичу. Билъ намъ челомъ панъ Ивашко Лабунский и просилъ у насъ трехъ селищъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, на имя — Колыщинцовъ, а Гребенина и Сахновцовъ, и повѣдать передъ нами, ижъ два селища — Гребенинъ и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одножъ два чоловека въ Колыщинцахъ служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна с тыхъ двохъ добровъ, Свинѣе а Нестеровое; а и ты тежъ передъ нами самъ повѣдилъ, штожъ тыи селища двѣ —

Гребенинь и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одно въ Колыщинцахъ два чоловека служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна з тыхъ двоухъ добровъ — СвинѢе и Несторовое. Ино мы, з ласки нашей, для его вѣрное службы, тыи три селища — Колыщинцы, Гребенинь и Сахновцы, с тыми двѣма чоловѣки и з дубровами, и з рѣками, и ставы, и з бобровыми гоны, и зо всимъ с тымъ, якъ ся тыи селища з вѣка въ собѣ мѣвали, — ему дали есмо вѣчно; и ты бы о томъ вѣдалъ и ему во все то увязаніе даль конечно. Писанъ въ Берести, марта 3-й день, индикта 8.

Сообщено В. Антоновичемъ.

21.

Жалованная грамота великаго князя Александра земянину кременецкому, Олексѣ Сковородкѣ, на села: Кобыльное, Лановцы, и Кузьминскій лѣсъ. 1506 года, января 22.

Я, Александръ, Божою милостію король Полскій, великій князь /43/ Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на него посмотреть, або, чтучи его услышитъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ земянинъ Кременецкій, Олекса Сковородка, и повѣдилъ передъ нами, штожъ намѣстникъ нашъ Кремянецкій, князь Андрей Александровичъ, даль ему селищо пустое, на имя — Кобыльню, а панъ Юрія Монтовтовичъ даль ему село пустое, въ Кузьминскомъ повете, на имя — Лановцы, и тежъ придалъ ему къ его отчизни, къ Веровцомъ, рогъ Кузьминского лесу; и тыи листы ихъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему въ томъ ласку нашу учинили и, подлугъ тыхъ листовъ, тыи селищи зъ рогомъ лесу ему пожаловали. Ино мы, зъ ласки наше, видячи его, ижъ онъ мешкаетъ на шляху татарскомъ и завжды горла своего на службу нашу не жалуетъ, и хотячи его на потомъ мѣти охотнѣйшого и поспѣшнѣйшого ку службѣ нашей, въ томъ есьмо ему ласку нашу вѣдали, и тые селища — Кобыльно а Лановцы и рогъ лесу — ему есмо дали; и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его женѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкамъ: нехай онъ тыи селшца — Кобыльню а Лановцы и тотъ рогъ лесу держитъ и з землями пашными, и зъ сеножатми, и зъ лесы, и зъ дубровами, и зъ пасеками, и зъ ставы и ставищи, и зъ млыны, и зъ ихъ вымелками, и зъ бобровыми гоны, со всимъ, по тому, якъ з давна тыи селища въ собѣ ся мѣли и нынѣ мають; воленъ то онъ отдати и заменить, разширити и прибавити и къ своему лепшому а ужиточному обернуты, какъ самъ налепѣй разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити къ сему нашему листу. Писанъ у Люблинѣ, въ лето 7014, мѣсяца генваря 22 день, индиктъ 9.

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 31.)

22.

Грамота великаго князя Александра земянину Брацлавскому, Ивану Долбыничу, на село Трыбисово. 1606 года, марта 11 д.

Александръ, Божою милостию король Полскій, великий князь Литовскій, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ.

Намѣстнику Браславскому, князю Михайлу Васильевилу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ земянинъ Браславскій, Иванъ Долбыничъ /44/ Котеневскій, и повѣдилъ передъ нами, штожъ ты далъ ему селище въ Браславскомъ повѣте, на имя — Трыбисова, на рѣце на Уси, и листь свой на то ему далъ; и онъ тотъ твой листь передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему дали на тое селище нашъ листь. Ино мы ему на то дали сей нашъ листь, — нехай онъ тое селище держить, подлугъ листу твоего, а намъ служить. Писанъ въ Люблини, марта 11 день, индикта 9. (М. П.)

Сообщено В. Антоновичемъ.

23.

Грамота Сигизмунда I, Черкасскому земянину, Гринку Васкевичу, на владѣніе селами: Мигліевомъ, Орловичами и Линчицами, подъ условіемъ отправлять земскую службу. 1510 — 1525 — 1540 года, сентября 25 д.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiążę Litewskie, xiążę Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych.

Би́л намъ чо́ломъ земянинъ нашъ Черкаскіи, Хры́нко Ва́скіевичъ, і повѣдѣи́а передъ нами: і́же по́жа́тъ жо́ну за се́бѣ земянина Звингородзкого, Федка Ва́скіевича, а́ tego Федка Татарowie ubili, і на́ ктѣре сіелішчза́ мѣа́ онъ о́чизне, вы́слугѣ, те́ се́ і́ему сіелішчза́ доста́ли по́ те́й жо́ніе і́его, на́ і́мѣ — Мѣхлі́јѣво а́ О́нѣвичѣ́ ѣ́ Лі́нчизне: бо́ те́н Федко́ с́ та́ жо́ну ді́чеи́ со́біе́ не́ мѣа́, а́ні́ бли́ских і́его́ ні́кого́ в́ те́х сіелішчзача́х не́ бы́ло, і́ всьі́сткіе́ му́ те́ сіелішчза́ сла́вне́й памѣ́іі Alexander król potwierdził listem swym na wieczność. S tego on listu kopią przed nami ukazywał і́ би́л намъ чо́ломъ, а́бы́хмы́ і́ему́ на́ то́ дали́ нашъ́ листъ і́ potwierdzilibyśmý то́ і́ему́ naszym listem, кѣ́ды́ онъ́ бѣ́дзі́е́ то́ у́ се́біе́ мѣ́і́і́ list brata naszego I. K. M.; і́ мы́ і́ему́ лас́кѣ́ naszą uczynili і́ на́ то́śmý му́ дали́ те́н нашъ́ листъ і́ potwierdzilí то́ tym naszym listem wiecznie і́ему, і́его́ жо́ніе і́ і́их ді́чеи́ом, не́ча́ј онъ́ те́ сіелішчза́ ді́ержы́ зѣ́ всьі́сткім с́ tym, có ku nim zdawna przysłuchało, подлугъ́ tego listu brata naszego I. K. M., а́ намъ́ служ́бу́ зѣ́мскą́ служы́. Pisań we Lwowie, septembra 25 dnia, indykta 13.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Грамота Сигизмунда I, князьямъ Вишневецкимъ, на мѣстечко Перемиль въ Луцкомъ повѣтѣ. 1511 года, іюня 15 д.

Жикгимонтъ третій, Божю милостью король Польскій, великий /45/ князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянскій, а Шведскій, Кготскій, Вандальскій дедичный король.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ, за прозбою земенина нашего земли Волынское, урожного Михайла Хрынницкого, казали есмо ему з метрыкъ канцеляреи наше видымусъ дати — привилею продъка и деда нашего, светобливое памети короля его милости Жикгимонта перъшого, потверженья Федору а Ивану Михайловичомъ Вишньневецкимъ на именье Перемиль, в повете Луцкомъ лежачое; который привилей слово отъ слова (так се в собе) маеть: »Жикгимонтъ, Божю милостью король Польскій, великий князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Чынимъ знаменито симъ нашимъ (листом, хто на него) посмотришь, або чтучи его услышь, нынѣшнимъ (и на потомъ будучимъ), кому будетъ потреба того ведати. Били намъ чоломъ, (князь Федоръ а) князь Иванъ Михайловичи Вишньневецкие о томъ, што есмо дали имъ местечко въ Луцкомъ повете, наймя — Перемиль, за ихъ службу, по тому, якъ тое местечко отъ насъ деръжалъ в деръжаньи и князь Федоръ Четвертеньскій; и были намъ чоломъ, абыхмо то имъ потвердили привилеємъ нашимъ на вечность Ино мы, обачывъшы ихъ службу намъ веръную, и николи не омешкалю, яко слугъ нашихъ добрыхъ, хотячы ихъ к намъ заховаты охотнейшихъ и поспешнейшихъ ку службе нашей, на ихъ чоломъбитье есмо вчынили, и з ласки наше тое местечко Перемиль даемъ и дали есмо имъ, и потверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно имъ самымъ, и ихъ жонамъ, и ихъ детемъ, и ихъ справедливымъ на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ: зъ торьгомъ, и зъ ярмаркомъ, и зъ мыты старыми грошовыми и соляными, и с промытою, и с правомъ Майдеборскимъ, котороежъ право тое местечко съ стародавна маеть з войтовствомъ Перемыльскимъ, и зо всими людъми и платы местскими, и с корчмами, и капъщызнами, и цынъшы, и доходы, и въжитки, и з городищомъ, и зъ землями церковными, которые земли прислухаютъ здавна къ костелу нашего рымского закону; и на тыхъ земляхъ костель мають збудовати, и каплана своее руки таль мети, и з манастиромъ закону греческого, и з землями манастирскими..... манастирскими тежъ, оны игумена отъ своее руки мети, и фольварки, и з землями местскими, пашными и бортными, и зъ пасеками, и з огородами, и з хмельниками, и з селищы, и з даньми грошовыми и медовыми, и з дубровами, з боры, з лѣсы, з гаи, з форосты, з дубинами, з березинами, з лозами, з /46/ сеножатми, з болоты, з луги и з луками, и з пастовъники, и з озеры, и озерыщы, з реками и речъками, з крыницами, и з потоки, и з зеремьяны, и з бобровыми гоны, з ставы и ставищы, и з млыны, и ихъ вымельками, и з сажовками, и з рыбники, з ловы, з ловищы зверынными, и пташьими и рыбными, и зо всими пожытки и въжитки того местечка, зо всимъ с тымъ, якъ тое местечко на насъ деръжано было тыхъ часовъ; и, какъ ся в границахъ своихъ маеть, вольны оны то — отдати и продати, заменити и даровати, и городъ тамъ збудовати и место садити, и тежъ на сыромъ корени люди садити, и которымъ кольвекъ именовемъ, то именувати и розшырыти, и прибавити, и къ своему лепшому и въжиточному оберънути, какъ сами на лепей розумеючы; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Бересты, лета Божего нароженья тысяча пять сотъ одынадцатого, месеца іюня петнадъцатого дня, индыкта чотырнадцатого.

Подпись руки его королевское милости. При тому были Миколай Миколаевич Радивиль, а гетманъ Маршалокъ волынское земли князь Боговитиновичъ маршалоку, а писаръ видымусъ з метрыкъ, подъ печатю великого Хвынпицкому выданъ есть. Писанъ у Варшаве, лета Божего нароженя тисеч месеца юня петнадцатого дня.

Левъ Сапега, канцлеръ великаго (М. П.)
князства Литовского.

Сообщено В. Антоновичемъ.

25.

Подтвердительная грамота Сигизмунда I, городу Киеву на Магдебургское право, пожалованное этому городу королемъ Александромъ; Сигизмундъ прибавляетъ при томъ новыя права и льготы. 1516 года, января 12.

Подтвержденіе этой же грамоты Сигизмундомъ Августомъ 1545, апрѣля 24.

Жикгимонтъ Августъ, милостію Божіею король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмундскій, Мазовецкій и протчая панъ и дѣдичъ.

Ку вѣчной тоей речи памяти, всѣмъ и каждому зособно, кому /47/ о томъ ведати надлежатиметь, иж перед нашимъ величествомъ привилей наяснѣйшого и премилостнѣйшого родителя нашего, найхвалебнѣйшого господаря, Жикгмунта, тоеюжъ милостію Божіею короля Полского и найвишшого князя Литовского и иннихъ, его величества града Киева войтъ и зъ мещаны закона вѣри римской, кгрецкой и ормянской, — покладали привилей на волности и цѣлости, в немъ выраженіе, и на уживаніе права Майдебургского, которимъ зуполна повелено имъ мещаномъ судитися, обходитися, и справоватися, и проступныхъ карати и вини з нихъ брати; а, яко всякая вещь отминѣ и злымъ припадкомъ подлежаа бываетъ, такъ и тотъ привилей нещастливимъ припадкомъ от поганства, татаръ — которіе частокротне в державу и в границы наши нападаютъ — у нихъ, мещанъ, отбито и печать от оногo, на воску витеснену и привѣшонную на шнурку едвабномъ, оторвано, що досконале знать было: только подпись руки его королевского величества и подпись руки секретарской цѣлие и ненарушніи zostали. Що мы, достовѣрно видячи, веру няли, которій привилей такся в собѣ мѣеть: Во имя Господне, аминь. Ку вѣчной тоей рѣчи памяти: поневаж все рѣчи, которіе въ часѣ исправляются, купно з часомъ в забвеніе приходятъ и з памяти людской вибиваются, и наступующимъ вѣкомъ невѣдоми бивають, аще для вѣка потомной памяти писанни не обрѣтаются, того ради мы, Жикгмунтъ, Божіею милостію король Польскій, великіи Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмундскій, Мазовецкій и иннихъ господаръ и дѣдичъ, ознаймуемъ всѣмъ обще и каждому зособна, нинѣ и потомъ будучимъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ: яко войтъ и мещане наши Киевскіе перед маестатомъ нашимъ доносили, что наяснѣйшій негдись король Александеръ, продокъ и наймилшій братъ нашъ, желаючи опустилому краю, земли Руской, лучшого поведенія и даби место Киевъ ширилося и множилося в люде и во всѣ достатки и приходи, самому мѣсту Киеву и мещаномъ Киевскимъ, з ласки и щодробливости своей королевской, право немецкое, названное Майдебургское, закону и

вѣри Римской, Кгрецкой и Арменской, — надалѣ и уфундовалѣ и опредѣлили, дабы мещане и всѣ жителѣ Кіевскіе, теперѣ и на потомѣ будучіе, и ихѣ потомѣки и наслѣдники во всѣхѣ рѣчахѣ обходилися и справовалися такѣ, якѣ полномошная установа и звичай права, именуемого Майдебурское, означаетѣ; и на такое наданѣ привилѣй его королевского величества, при завѣсистой печати имѣ наданній, передѣ нами покладали и доносили, что его королевское величество /48/ по тому привилею, в самомѣ правѣ Майдебурскомѣ и на нѣкоторія артикула и пункта не соизволяѣ и не повелѣлъ потому быти; но они, помянутіе мещане, на сей часѣ покорне намѣ были челомѣ, дабисѣмо имѣ в томѣ милость нашу королевскую явили, имѣ, мещаномѣ, и мѣсту ихѣ право преждедеченное, подлугѣ привилѣя наяснѣишого пана брата нашего, негдисѣ короля Полского Александра, зуполно и нивчомѣ ненарушимо содержати повелѣли и утвердили. Мы прето, маючи ласковій взглядѣ на нихѣ, мещанѣ, яко на пограничи живучихѣ и частокротне от неприятелихѣ нашихѣ поносящихѣ и терпящихѣ разореніе и неволю, а хотячи мѣсту нашему, в люде и во всѣхѣ достатки, разширенія и помноженія, — прозбу ихѣ ласкове принявши, право театоницкое, названное Майдебурское, мѣсту нашему Киеву и всѣмѣ его обивателемѣ, тепер в немѣ зостаючимѣ и на потомѣ будучимѣ, Римского, Кгрецкого и Арменского исповѣданія, з особливой и щодробливой ласки нашей королевской, надаемѣ, позволяемѣ, утверждаемѣ и змоцняемѣ во вѣчніе времена; и тое право Майдебурское зуполне, во всѣхѣ пунктахѣ и артикулахѣ содержати позволяемѣ и подлогѣ оногѣ установи — обходитися, справоватися и боронитися таковым же способомѣ и порядкомѣ, якѣ мѣсто наше вѣлно тое право содержать и оногѣ уживаетѣ, а от правѣ Полскихѣ, Литовскихѣ и Рускихѣ и от всѣхѣ звичаевѣ, к тому праву неслушнихѣ и противнихѣ, предреченнихѣ мещанѣ виключаемѣ и волними чинимѣ; тажожѣ помянутихѣ мещанѣ от послушенства и власти воеводѣ, судей и иннихѣ урядниковѣ нашихѣ и ихѣ намѣстниковѣ свободними чинимѣ: которіе мещане перед ними в якихѣ колвекѣ рѣчахѣ и справахѣ криминальныхѣ, в великихѣ и поточнихѣ; то есть — о злодѣйствѣ, о кровопролитей, о убійствѣ, о усѣченіи члонковѣ якихѣ, о пожарахѣ и в иннихѣ всихѣ проступкахѣ, с якою колвекѣ причины позванные, — не мѣють отвѣтствовать и не повини ихѣ ко отвѣту передѣ себя потягати и ни до якихѣ винѣ и до заплаченя онихѣ недолжни насилувати; толко они передѣ своимѣ войтомѣ, на тотѣ часѣ будучимѣ, а войтъ з урадовими своими передѣ маестатомѣ нашимѣ, когда чрез позви наши призвани будутѣ о якіе колвекѣ справи, тимже власне а не иншимѣ правомѣ Майдебурскимѣ, на нихѣ скаржачимся отвѣтствоватьи мѣють, опрочже еслиби справа якая приключилася з шляхтичомѣ или з иннимѣ кимѣ, сему праву неподлеглимѣ и неподручнимѣ. Томуж войтовѣ мѣста нашего Киева всѣ справи криминальные, головніе, горловіе, о пожарахѣ и инніе всѣ вишеозначенніе даемо моцѣ /49/ и власть зуполную судити, проступнихѣ карати, подлугѣ заслуги кождаго — мечемѣ стинати, топити, огнем палити, якѣ право майдебурское во всѣхѣ своихѣ артикулахѣ, пунктахѣ и параграфахѣ описуетѣ Кравцевѣ, ковалевѣ, цирульниковѣ, золотарей, лучниковѣ, стрелниковѣ, кушнеровѣ, шевцовѣ и иннихѣ всѣхѣ ремесниковѣ, в Киевѣ теперѣ живучихѣ и впредѣ будучихѣ, под власт и послушенство мѣское поддаемѣ и привлащаемѣ, а от власти и послушенства воеводѣ и иннихѣ урядниковѣ нашихѣ и ихѣ намѣстниковѣ вилучаемѣ и увольняемѣ: Имѣти то хощемѣ жеби отнюдѣ ихѣ до замку на работизну войсковую не потягано и жаднихѣ бы имѣ обидѣ и налогѣ не чинили, опрочѣ що з кождогѣ ремесла по два человекѣ на услугу и на работизну войсковую и замковую опредѣляемѣ, которіе приступати мають до замку. Позволяемѣ теж помянутимѣ мещаномѣ вшелякій складѣ в мѣстѣ ихѣ имѣти; пивомѣ, медомѣ, виномѣ и горѣлкою шинковати и с того приходи на потреби мѣскіе оборочати; также помѣрное медовое, то есть ведрено, котормѣ медѣ мѣрится, ятки всѣхѣ резницкіе, полки и ланки, в которихѣ живность и всякая мѣлочь продается, воскобойню, где воскѣ

забивається, зо всѣми приходами до мѣста надаємъ, — толкожъ з каждой корчми каждого году по две копи грошей повинни намъ платити; такожъ тихъ, прежде реченныхъ, мещанъ з некоторого звичаю, в мѣсте Киевѣ изстари будучого, яки они называютъ *осмиѣцство*, увольняемъ и варуемъ то, абы обывателемъ киевскимъ никто из урядниковъ замку Киевского а особливѣ названный *омничій* за тую установу жадной трудности и турбаціи, хочай бы и приличилися в таковомъ учинку, не дерзаль затѣват и от нихъ жадныхъ податей вимогати. Гостей також и прихожихъ подлугъ старого звичаю заховуемъ; от мита нашего, надлежащего на насъ от рибъ, мещанъ киевскихъ заховуемъ и увольняемъ. Онижъ, мещане, многократне уже преждемененіи, привилѣи наенѣйшого короля и великого князя Александра, вишепомененного брата нашего наймильшого, также и нашъ передъ маестатомъ подлинни презентовали и освѣдчали, что его королевское величество и мы по всѣхъ панствахъ нашихъ дѣдизныхъ, коронныхъ и в великомъ князствѣ Литовскомъ от мытъ и целъ всякихъ сухимъ путемъ и водою мещанъ Киевскихъ уволили, и позволили купецкимъ людямъ, мещаномъ Киевскимъ, с товарами и гандлями якимиколвекъ ити, ихати и судами водою плисти без платежу жодного на цлахъ королевскихъ, князскихъ, панскихъ, духовного и свѣцкого стану; в томъ же привилию виражено, что братъ /50/ и продокъ нашъ и мы ихъ, мещанъ киевскихъ, волними учинили от всѣхъ пословъ нашихъ, такожъ московскихъ, молдавскихъ, турецкихъ, перекопскихъ и иннихъ всякихъ посланниковъ, гонцовъ, куриеровъ и от даваня тимъ посламъ подводъ, кормовъ, и питя, и иннихъ видатковъ на привѣтъ ихъ, и от сторожи скарбовъ и лошадей ихъ, и от походу з послы до орди; такожъ и воеводскимъ посланникомъ лошадей подводы у нихъ имати заказали. И от судовъ всякой власти замковой увольняемъ иноземцевъ и пришелцовъ всякихъ, будучихъ тамъ в Киевѣ и гандлюющихъ купеческимъ промысломъ, зо всѣми ихъ послугами, податками и приходами — тимже мещанамъ во владѣніе подаемъ и привращаемъ. Да в томже привилѣи написано, что воеводи Киевскіе, з вымыслного нѣкоторого звичаю, по двинадцат грошей бѣрали вини от тихъ мещанъ Киевскихъ, которіе часу лѣтнего в домахъ своихъ огонь держали; яковій поступокъ и звичай мы ганимъ, искореняемъ и ихъ, мещанъ, от такового звичаю увольняемъ; и позволяемъ всѣмъ мещаномъ, купецкимъ и ремеслнымъ людямъ, огонь в домахъ своихъ в ночи, албо каждогоколвекъ времени, держати и имѣти безъ жадной вини и турбаціи от ураду замкового; толко в домахъ шинковныхъ, в лѣтѣ, когда ночи маліе бывають, при свѣтлѣ пити заказуемъ. И притомъ всемъ, яко выше помянулося, ихъ мещанъ, многократне вишепомянутыхъ, заховуемъ, имѣти то хоцемъ неперемѣнно. А духовнымъ, то есть: архиепископови закону и вѣри святой римской, митрополиту кгреческому Киевскому и всѣмъ духовнымъ, в Киевѣ обикліе свои приходи и подати имѣющимъ, повинни, подлугъ стародавняго звичаю, належите и сполна отдавати, в якіе приходи его королевское величество в то время вступатся не схотѣлъ. Ониж, мещане наши, от ваги — ваговое до ратуши повинни давати; заровно теж важницю со всѣми вагами при ратуши заховуемъ подлугъ давняго звичаю контрибуціи, то ест — поборъ они, мещане наши, в казну нашу повинни платити заровно якъ и з иннихъ мѣсть мещане наши жъ платять. Такожъ каждого часу оные мещане наши, заровно з инними мещанами нашими и подданными, подлугъ звичаю давняго, оборону и сторожу отбувати повинни на томъ мѣстцу, где здавна сторожа стоявала и когда килкакратне з нами самими, албо з нашими урядниками, за татарами в погоню потреба бы была; ониж мещане, кождій за себе, подлугъ можности своей збройной, конно, якъ до войны надлежить, за указомъ нашимъ албо урядника нашего, безоткладно, без жадной отмовки з инними подданными нашими /51/ вѣйдить должны; такожъ въ замку нашемъ, подлугъ обыкновенія давняго, ониж, мещане наши, в ночи обходити и окликати повинни. Зверхъ еще, для прибили приходовъ имъ, мещаномъ нашимъ, два ярмарки установляемъ мѣти въ Киевѣ: первій ярмолокъ о

праздницѢ Богоявленія Господня, чрез цѢлій тиждень, другій о праздницѢ Рождества Пресвятія Богородици, також през цѢлій тиждень. И щоколвекъ мѣсту и мешчанамъ нашимъ Киевскимъ, яко вишей вспомянуто, надалисмо, змоцнили, от чогож теж и уволнилисмо, — тоє накрѣпко, неподвижимо и ни от кого ненарушимо во вѣчніє годы утверждаемъ и заховуемъ, и к сему писанію нашему для свидѣтельства и увѣренія лутчого, печать нашу королевскую привѣсиль повелѣли. Данно в Вилнѣ, в среду передъ праздникомъ близко святого Антонія, року Господня афсі (1516), при бытности тамъ: в Бозѣ превелебного отца, велможного Войтеха, бѣскупа Виленского; Николая Николаевича Радивиля, воеводи Виленского и великого князства нашего Литовского канцлѣра; Юрія Станиславовича Остека, воеводи Троцкого, двору нашего ротмистра; Станислава Яновича, Каштеляна Троцкого, а земли Жмутской старости; Юрія Николаевича Радивиля, подчашего нашего и старости Кгродинского; Неміра Грималича, старости мелницкого и дрогицкого, маршалка нашего; Юрія Илѣнича, маршалка нашего и старости Берестейского, и при битности нашихъ пановъ радѣ и дворанѣ нашихъ, зичливе и вѣрне намъ милихъ, — на чомъ во свидѣтельство подпись руки королевской таковій: Жикгмунтъ король. Подпись руки секретарской — Николай маршалокъ подписалъ. А за тимъ нашему королевскому и княжескому величеству, именемъ войта, бурмистровъ, райцовъ и всего поспольства мѣста нашего Киева, мешчанеж Киевскіє: Тарасъ Алексѣевъ, Прокопій Андрѣевичъ, Васко Ходкевичъ, при инстанціи супликовали, абысмо той помянутый привилей повагою нашею королевскою и княжескою утвердили; которыхъ прошеніє ласкове принявши, помянутій привилей симъ писаніемъ нашимъ утверждаемъ, укрепляемъ и змоцняемъ: которій привилей, где бы колвекъ въ публичныхъ, головныхъ и в поточныхъ судахъ презентованъ будетъ, абы была вѣра везде, яко самому подлинному была дана. Чего ради сіє писаніє во свѣдѣтельство рукою нашею подписали и печать нашего князства Литовского, на воску притиснувши, привѣсиль повелѣли. Дѣялося и дано въ Вилнѣ, въ пятницу, в двадцать четвертій день мѣсяца априля, лѣто отъ Рождества Христова афме (1545). При томъ притомніє /52/ были: велебній и вельможній Юрій, бискупъ Луцкій; Янъ Глебовичъ воевода Виленскій, державца Бобруйскій и Бориссовскій; Григорій Григоровичъ Осчиковичъ, Виленскій; Геронимъ, Троцкій каштелянъ; Николай Яновичъ Радивиль, маршалокъ земскій; Станиславъ Довойна, воевода Полоцкій; Иванъ Горностаѣ, маршалокъ надворній великого князства Литовского, подскарбій земскій, Слонимскій, Едвенскій, Добшунскій староста, и иншіє пани рада, дворане и урядники наши, верне и вдячне намъ миліє. У того подлинного привилію подпись рукъ таковій:

Жикгимонтъ Августъ король Полскій.

мѣсто печати к тому привилію привешенной.

Валеріянъ, Секретеръ его королевского и княжеского величества и писарь княжества Литовского.

С подлинной привилегіи латинского писма на руское переводили: сотникъ Срѣбрянскій, Антонъ Троцина и Михайло Янгелнѣцкій, сотникъ Журавскій.

Книга Киевской городской думы, № 3503, годъ 1542 — 1608; страница 14.

Примѣчаніє. — Ту же грамоту Сигизмундъ Августъ подтвердилъ вторично, по просьбѣ Киевскихъ мѣщанъ, въ 1562 г. и еще разъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, іюля 21; потомъ король Стефанъ — въ 1570 году, іюля 7, и Сигизмундъ III — въ 1588 году, мая 10. —

26.

Рѣшеніе короля Сигизмунда I, по жалобѣ пановъ: Стефана, Ивана и другихъ братьевъ Гриневичей-Яцковскихъ, на воеводу Киевскаго Андрея Немирича, за отнятіе грунтовъ, мельницы на р. Горыни, и за наѣздъ на ихъ имѣнія. Король, утверждая за Гриневичами-Яцковскими ихъ имѣнія, объявляетъ Немирича виновнымъ по этому дѣлу и приказываетъ ему, дабы онъ на будущее время не дѣлалъ разореній и насилій въ имѣніи Гриневичей-Яцковскихъ. 1520 года, августа 10 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnastego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w mieście jego królewskiey mosci Żytomierzu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem podwojewództwa Kijowskiego y xięgami, ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Heronim Hryniewicz Jackowski, kopią dekretu zadwornego, między — niegdy urodzonym Stefanem y Iwanem Hryniewiczami Jackowskiemi, anteeessorami offerentis, — z iedney, a niegdy jaśnie wielmożnym Andrzejem Niemiryczem, wojewodą Kijowskim, — z drugiey strony, — z podpisami rąk niżej wyrażonych ich mości, w Warszawie stałego y ferowanego ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich, grodzkich, Kijowskich per oblatam podał, in eo verborum, qui sequitur, tenore: »Żygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski, etc. Oznamuiemy tym naszym listem wszem w obec y każdomu z osobna, komu by o tym wiedzieć należało: gdy się przytoczyła sprawa przed nas y sąd nasz ninieyszy, za pozwem naszym, między ich mościami pany: Stefanem y Iwanem y innemi Hryniewiczami Jackowskiemi, iako powodami — z iedney, a jego mością panem Jędrzejem Niemiryczem, sprawcą Kijowskim, iako pozwanym — z drugiey strony, o zabranie gwałtowne gruntow y młyna na rzyce Horynie y o najazd na dobra ich, nazwane ziemią Piętkowską y Bartną, niedaleko miasta naszego Owrucza, także zbicia y pobrania majątności ich ruchomych, z wielką krzywdą y szkodą mianowanych Hryniewiczow Jackowskich, ktorzy na pięć tysięcy kop pieniędzy litewskich sobie szacowali, iako ten pozew szerzey w sobie obmawia; na roku tedy ninieyszym, na trzecim wołaniu, dnia dwudziestego siodmego augusta za tymże pozwem przypadłym, stanowszy oczewiście strona powodowa, Stefany Iwan Hryniewiczowie Jackowscy, za mocą, od braci im daną, dowodząc żałoby swoiey (zinqusitii) tak ludzi okolicznych iako y urzę-/54/dowey, prosili nas przytym o przywrocenie gruntow y młyna y o zapłacenie szkod y krzywd poczynionych według pozwu swego; a od strony pozwaney Stanisław Rostowski, za mocą iemu daną stanowszy, mienił sobie, że ten grunt krolewszczyna, a niemiał czym dowodzić; a panowie Hryniewiczowie Jackowscy — Stefan y Iwan pokazali, że to dobra ziemie dziedziczne. My z panami y radami naszemi, przy nas na ten czas będącemi, słysząc spur y odporę stron między sobą y widząc: iż panowie Hryniewiczowie z bracią swoją tego dowiedli, że te grunta y młyn własność ich iest, — zaczyni onym wiecznemi czasy przysądzamy, a jego mości pana Jędrzeja Niemierycza, iako nienależycie wpierającego się w te grunta, winnym bydz uznajemy y nakazujemy, aby pan Niemirycz żadney przeszkody panom Hryniewiczom Jackowskim, iako w ich własnym dziedzictwie, nie czynił; co się zaś

dotycze poczynienia szkod, co sobie mienia bydz na pięć tysięcy kop pieniędzy litewskich panowie Hryniewiczowie Jackowscy, wolne im prawo w sądzie należnym zostawujemy ninieyszym dekretem naszym, do którego dla lepszej wiary y twardości pieczęć koronną przycisnąć roskazali. Pisan w Warszawie, roku tysiąc pięćset dwudziestego, dnia dziesiątego augusti. A podpis w te słowa: Petrus Tomicki, episkopus culmensis, vice cancelarius. Zacharyasz Jałowicki, Ktoraż kopia dekretu, za podaniem y prozbą wyszmianowaney osoby podawającej, a za moim urzędowym przyjęciem, wszystka z początku aż do końca, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingroso vana.

Книга Киевская, городская, 1733 года, № 45; листъ 849.

27.

Грамота Сигизмунда I, Овруцкому земянину Тимошу Барановскому, на земли: Жадановскую, Барановскую и на островъ Железницкій. 1531 года, іюня 17.

Року тысяча шестсот осмдесят четвертого, мѣсяца августа девятого дня.

На уряде кгородском, в замку его королевской милости в Овруцкомъ, передо мною, Деміяномъ Суриномъ, писаремъ земскимъ Киевскимъ, подстаростимъ кгородскимъ Овруцкимъ, и книгами нинешними, кгородскими, овруцкими, personaliter stanąwszy szlachetny pan Josif Bara-/55/nowski dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, owruckich, a postrzegając całości honoru conditiei tudzież y substantiei swojei, panieważ przez ogień przypadkowy z dopuszczenia Bożkiego xięgi grodzkie, Owruckie, dawniejsze vvszystkie, jedne w murowaney świętego Wasilia, a drugie w monastyrze w świętey Preczystey cerkwiach w schowaniu będące, pogorzeli, znowu per oblatam podał extract, z pomienionych xiąg grodzkich, Owruckich, zgorzałych authentice wydany, z wpisaniem w nim przywileiu jego krolewskiej mości panom Baranowskim na rzecz, niżej w tymże przywileiu inserowanym, wyrażoną, danego y służącego, ktorego podawaiący prosił, aby przyjęty y do xiąg wpisany był; a tak ja, urząd, dla wpisania do xiąg ninieyszych przyjmuiąc, czytałem, y tak się w sobie ma: Wypis z xiąg grodzkich zamku jego krolewskiej mości Owruckiego, roku tysiąc szestset czterdiestego, miesiąca januarii dwudziestego piątego dnia. Na urzędzie grodzkim, w zamku jego krolewskiej mości Owruckim, przedemną Marcinem Wasilkowskim, namiesnikiem podstarostwa Owruckiego, stanąwszy oczewisto szlachetny pan Alexander Baranowski, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich, podał per oblatam list jego krolewskiej mości na dobra Żadanowskie w rzeczy niżej mianowaney służący, o czym ten list szyrzey w sobie obmawia, którego podawszy, prosił, aby przyjęty y w xięgi ninieysze wpisany był; ja, urząd, ten list przyjmuiąc, przed sobą czytać kazałem i tak się w sobie ma: »Zygmunt, Bożą miłością krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żrnudzkie y innych. Dzierżawcy Wruckiemu, panu Michayłu Michajłowiczu Chaleckiemu y inszym starostom, kto y na potem od nas będzie ten zamek Wrucki drierzeć, bił nam czołem ziemianin Wrucki powiatu Kijowskiego, Timosz Baranowski, y pokładał przed nami różne prawa y przywileia od świętey pamięci przodków naszych na ziemie w Wruckim powiecie, nazwaną Żadanowską, Baranowską y ostrow Zaleznickiy; y prosił nas, abyśmy iemu samemu, potomkom y szczadkom jego, te pomienione dobra, według daniny przodków naszych, przywileiem naszym potwierdzić roskazali, zostawuiąc go przy wołnościach y

swobodach, aby on sam, potomki y szczadki iego nam konno służbę ziemską, wespoł z inszemy ziemiany y z pany radą naszą, służyli, i my, poradziwszy się z pany radą naszą, na czołembicie jego, te wszystkie prawa i przywileia na daninę jego służące stwierdziwszy y zmocniwszy, ten nasz list, s przyciśnieniem pieczęci koronney y z podpisem ręki kanclerza y pisarza naszego, daliśmy. Pisan w Krakowie, roku tysiąc piencset trzydziestego pierwszego, miesiąca juni dnia siedmnastego; indikta czwartego. U tego listu pieczęć koronna iest przy-/56/ciśniona, a podpis rąk temi słowy: Walentinus Dom bieński, regni Poloniae cancellarius; na własne rozkazanie jego krolewskiej mości — Zachariasz Jełowicki, secretarius regni, manu propria. Который же то лысть, за поданемъ вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинейшихъ кгородскихъ, овруцкихъ, есть уписанъ, съ которыхъ и сей выпись, подъ печать кгороду Овруцкого, есть выданъ. Писанъ въ Овручомъ; корыкговаль Закусило». У того экстракту печать кгородская, Овруцкая, есть притисненная, а подпись руки писарское теми словы: Семень Викгура, городничий киевский, писаръ кгородский, Овруцкий. Который же то экстрактъ, за поданьемъ и прозьбою вышменованое особы подавающего, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешних, кгородскихъ, Овруцкихъ есть уписанный.

Книга Овруцкая гродская, 1684 года, № 3311, листъ 591 на об.

28.

Подтвердительная грамота Сигизмунда Брацлавскому землянину Олехну Ивановичу Микулинскому на имѣнія: Микулинцы, Борки, Новоселицы, Рогъ, Почапінцы и половину Мизякова, въ вознагражденіе за военныя заслуги, оказанныя противъ татаръ, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1531 г. августа 5.

Feria Quarta ante festum nativitatis gloriosissimae virginis proxima, anno Domini millesimo septingentesimo decimo quarto.

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia, personaliter veniens generosus Thomas Zaliwski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas privilegii pargameneas, idiomate ruthenico scriptas, super bona: Miculince, Borcow, Nowosielice, Rohi, Poczapince et medietatem Miziadowa, in districtu Braclawensi existentia, in personam generosi Olechno Ivanovicz Miculinski servientia, per serenissimum regem Poloniae Sigismundum benigniter cum confirmatione antiquorum privilegiorum datas et collatas, manu ejusdem sacrae regiae majestatis et notarii subscriptas et sigillo, in caera rubra expresso, in appenso scrinio rubro esistenti, communitas, de tenore verborum tali. »Жикгимонтъ, Божою милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойскій, Мазо-/57/вецкій, Инфлянтскій и инныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и привилеемъ, хто на него посмотреть, албо его услышитъ, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ челомъ землянинъ нашъ повиту Брацлавского, урожоный Алексій Ивановичъ Микулинскій покладалъ передъ нами привилей на именье свое дидичное, отчизное, а то есть першій привилей одъ продка нашего Свидрыгайла, великого князя Литовского, въ которомъ князь Свидрыгайло пышетъ, штожь великій князь Вытолтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татаре, которого за Браславлемъ татарове убылы и уторгнувши у повить

Браславскій шкоды не малые учынылы, и замокъ Винницкій добувши зпалыли, и Ивана Богдановича сына его зъ жоною взялы, при которомъ вси привилея и твердосты на имѣня его отчизные село — Мыкулынцы, Борковъ, Новоселыцю, Рогъ и Почапынцы, у повити Браславскомъ лежачіе, побралы, ино великий князь Свидрыгайло, того Богдана Ивановича Микулинскаго откупилъ зъ орды, повелилъ и тые вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опять дать, и сымъ привилеемъ своимъ подтвердылъ, прытомъ и другый привилей святои и хвалебной памяти найяснійшаго короля его мылосты Казимира, пана отца нашего, покладалъ, где зъ ласки господарской, король его мылость, Супрунови Ивановичови Мыкулынскому, за вирные его послугы, тотъ привилей великого князя Свидрыгайла, отцеви его Ивану, на тые села и имѣніи даный, тымъ привилеемъ своимъ потвердилъ вичностью; къ тому еще село Супруновъ и половицю села Мызякова так же ему и потомкомъ его на вичность далъ, и быючи намъ чоломъ, просылъ насъ тотъ Олехно Микушнскій, который бываючи многократъ въ потребахъ, и будучи колко разъ у тяжкомъ везенью татарскомъ, за чоломбытьемъ и прозбою его и за причиною пановъ радъ нашихъ, тые привилея такъ Свидрыгайла, Великого князя Литовского, яко тежъ и тотъ привилей короля его милосты Казимира, пана отца нашего, продкомъ его на тые именья: село Мыкулынцы, Борковъ, Новоселицю, Рогъ, Почапынцы и половицю Мизякова даный, симъ привилеемъ нашимъ тое все потверждаемъ и также з ласки нашои королевскои даемъ, маеть тотъ Олехно именій своихъ дидичныхъ и отчизныхъ самъ и по немъ диты, потомки и исчадки его, вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ господару, зъ тыхъ именій своихъ, службу земскую, военную, служиты маеть такъ какъ инные шляхта великого князства Литовскаго; /58/ на твердость его и печать нашу казала есмо прывиситы къ сему нашему лысту. Прытомъ булы панъ Мыколай Вежигайло, бискупъ Жамойский, а воевода Подляский; маршалокъ нашъ панъ Богданъ Ивановичъ Сапига. Пысанъ у Неполоницяхъ, подъ лито Божого нароженія тысяча пятьсотъ тридцать первый, мисяця августа пятый день, индыктъ четвертый. Михайло пысаръ наместныкъ Медвицкий. Locus sigilli in appenso cera rubra insignili. Sigismundus Rex, manu propria». Et altera vero parte connotationis tenor talis. Sabbatho post festum sancti Martini Pontificis, anno millesimo sexcentesimo trigesimo primo, Jacobus Czerwielski obtulit ad acticandum (hoc loco deterioratum) susceptumet inductum. Post ingrossationetn vero idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга Летичевского уѣздного суда, 1714 года, № 5253, стр. 176 на об.

29.

Грамота Сигизмунда 1 Черкасскому землянину Ивану Зубржовичу, на села: Михліево, Орловичи и Ленчицы, находящіеся въ Черкасскомъ повѣтѣ, и Бѣгловцы — въ повѣтѣ Киевскомъ. 1533 года, февраля 20 дня.

Żygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych.

Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Iwan Zubrikowicz, i powiedział przed nami, iż ziemianka Czerkaska, teszczka jego, Hrińkowa Anna, s synem swym Kością, zapisali jemu

samemu i jego żonie i dzieciom i potomkom ich sieliszczą swoje własne, ojczyznę, w Czerkaskim powiecie, na imie: Mihhowo, Orłowice i Linczyńce, a ku temu w Kijowskim powiecie sieliszczą Biełtowców, ze wszystkim tym, iako się te sieliszczą z dawnych czasów w sobie mają, które listy potwierdzenia brata naszego Alexandra, króla jego mości, i na to mąż jej na te sieliszczą u siebie miał, ona też listy jemu oddała, jakoż też Iwan Zubrykowicz one listy brata mego Alexandra, króla, i nasz i też list zapisany od niej, teszczy swojej, przed nami pokładał i bił nam caołem, abyśmy mu na to dali nasz list i to listem naszym potwierdzili, — /59/ a tak my, tych listów potwierdzenia, i list u zapisanego ich oglądawszy, na jego czołembicie to uczynili, na to daliśmy ten nasz list, niechaj on sam i jego żona i dzieci i potomki ich te sieliszczą, wyżej pisane; Michliów, Orłowicze, a Linczyńce a Biełtowce na siebie trzymali i ich używali, ze wszystkim tym, jako się ony z dawna w sobie mają, wedle listu zapisanego tej teszczy jego i syna jej i potwierdzenia brata naszego, Alexandra, króla jego mości, i nam s tego służbę ziemską zastępują; a na twardość tego i pieczęć naszą kazaliśmy przyłożyć ku temu naszemu listu. Pisan w Krakowie, pod lato Bożego Narodzenia 1533, miesiąca februarii 20, Sigismundus Rex. Michajło pisarz.

Сообщено В. Антоновичемъ.

30.

Грамота Сигизмунда-Августа шляхтичу Новгородскаго воеводства, Данилу Стецкевичу, на владѣніе пустошью, называемою Вельцы, подѣ условіемъ служить военную службу. 1538 года, октября 12 дня.

Roku tysiąc siedmset czterdziestego szóstego, miesiąca nowembris dziesiątego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego królewskiej mości Żytomirzu, przede mną, Jozefem z Trypola Trypolskim, namiesnikiem protunc grodzkim y xięgami ninieyszemi, grodzkimi, Kijowskimi, comparens personaliter urodzony jegomość, pan Franciszek Steckiewicz, tę kopią, z xiąg grodzkich nowogrodzkich wydaną, z wpisaniem w niey przywyleju od najjaśniejszego króla jego mości, Żygmunta Augusta, na dobra wieś Wełca, antecessorum jego mości podswającego konferowanego, una cum testimonio od szlachty y obywatelom wojewodztwa Nowogrodzkiego dane, ratione introcontentorum, dla zapisania do xiaąg niniejszych grodzkich per oblatam podał, de tenore tali: wypis z xiąg grodzkich woiewodztwa Nowogrodzkiego. Лита одъ нароженія сына Божого тысяча шестьсотъ чвартого, мисяця февраля перваго дня. На ураде кгородскомъ, въ замку его королевской мылости Новгородскимъ, передо мною, Крыштофомъ Керсновскимъ, подвоеведемъ Новгородскимъ, одъ ясне вельможного его мосци, пана Дымытрыя-Самуела Полюбинского, воеводы Новгородского, постановившыся очевысто панъ Янъ /60/ Стецкевичъ оповѣдалъ, покладалъ и до книгъ подавъ привылей одъ наяснейшого короля, его мылости, Жыкгимунта Августа, продкомъ и домовству ихъ служащий на певный грунтъ, въ воеводствѣ Новгородскимъ лежащий, просечы насъ, абысь мо до кныгъ кгородскихъ, Новгородскихъ, прыняли и вписыали, который привылей есть прынять, и слово до слова такъ се въ собе маеть: »Жыкгимунтъ Августъ, Божою мылостю король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмудскій, Мазовецкій, и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ листомъ нашимъ: билъ намъ

чоломъ, шляхтычъ нашъ воеводства Новгородскаго, Данило Стецкевичъ, и просилъ насъ, абысмо ласку нашу господарскую учинили, и дали ему землю нашу Пустовскую, а названою Велцы, и человека, Филона на имя, зъ землею тою, на которой онъ седѣлъ; мы теды на чолобытіе его тое чынили, далисмо ему, Стецкевичу, самому, жонѣ, дѣтямъ и щадкомъ его, тую землю на вѣчные часы, зъ которой земли маеть намъ службу военную служыты по тому, яко и другіе, панове шляхта, служатъ, и надались мо сей нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ подъ лито Божого нароженя тысяча пятьсотъ тридцать осмого, мѣсяца октобрыя дванадцатого дня, индыкта пятого. У того листу, пры печати его королевѣской мылосты, подпись руки тыми слови: Zygmundus Rex, Мыхайло писарь». Который-то тотъ выпись do xiąg grodzkich Nowogrodzkich iest wpisany y wypisem jego mości panu Janowi Steckiewiczowi, z podpisami rąk naszych, iest wydan. Pisan w Nowogrodku, dnia y roku wyż pisanego. U tey kopii korrekta w te słowa: skorygował Krakowski; podpis ręki pisarskiej takowy: Kazimierz Fronckiewicz, pisarz Nowogrodzki; testimonium zaś szlachty wojewodztwa Nowogrodzkiego tak się w sobie ma: my, niżej na podpisach rąk naszych wyrażeni, dajemy tę kopię panu Jozefowi Steckiewiczowi y drug dokument w wojewodztwo Kijowskie y upraszamy naszych wielcic mościwych panow y dobrodzieiow, aby była dana wiara, na to się y rękoma naszymi podpisujemy. Roku tysiąc siedmset dwudziestego trzeciego, oktobra (?): Иванъ Малюшицкий, Stefan Wełeczcki, Jan Steckiewicz, Antoni Steckiewicz, który to przywyłey, za podaniem y prozbą wyż mianowanego jego mości podawiającego, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo do xiąg niniejszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская гродская, 1746 года, листъ 940, нояб. № 56. /61/

31.

Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись Анны Гриньковой, ея зятю, Черкасскому боярину Ивану Жубрику, на села, лежащія въ Кіевскомъ повѣтѣ: Бѣхловцевъ, Остапковцевъ, Лисуновцевъ и Новоставковъ; на пасѣки, лежащія надъ рѣками: Быстрикомъ, Раставицею, Гуйвою и Гуевкою, и на села, лежащія въ Черкасскомъ повѣтѣ: Михліево, Орловецъ и Линчинцы. Король разрѣшаетъ Жубрику владѣть упомянутыми селами, подъ условіемъ, что онъ будетъ служить изъ нихъ военную службу. 1539, іюля 3.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału lubelskiego, na rok terazniejszy, 1602, ze wszystkich wojewodstw korony Polskiej obranemi i wysadzonemi, gdy przytoczyła się sprawa, za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego, jej mość panią Krystyną Zubrykówną, powodową, a wielmożnymi ich mościami: xięciem Joachimem Koreckim, wojewodziecm Wołyńskim i panią Anną Chodkiewiczówną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw, listu, zapisu Hryńkowej Anny Znoki (sic), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Zubrikowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jego mości Zygmunta, na potwierdzenie tegoż zapisu danego, trzeciego listu króla jego mości Zygmunta Augusta potwierdzenie tego zapisu Hryńkowej Zubrykowi danego, i kontrowersii oboch w tej sprawie obudwu stron, sąd niniejszy główny trybunalski, gdy te prawa, przywileje pozwany nakazał do aktykowania w xięgi oddać, wtedy, stojący u sądu niniejszego, pozwani oddali sprawy te do ksiąg, które sąd niniejszy główny trybunalski dla wpisowania do ksiąg przyjmując, przed sobą czytać kazał i gdy były czytane, list króla Zygmunta tak się w sobie ma:

»Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielki xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych. Bił nam czołem bojarzyn Czerkaski, Iwan Zubryk, i powiedział przed nami, iż teszcza jego, Hryńkowa Anna, stawszy przed wojewodą Kijowskim, hetmanem naszym dwornym, dzierżawcą Owruckim, panem Andrejem Jakubowiczem Niemirowiczem, s dozwoleń jego mości, zapisała jemu, zięciowi swemu, i dziewczce swej, żonie jego Bohdanie, i ich dzieciom i potomkom połowice s eliszcz swoich, w powiecie Kijowskim, na imie: Biechłowców, a Ostapkowców, Lisunowców, Nowostawków, tak też i pasiek ich, do tych sieliszcz przynależących, w Czeremosznej, w Radostawie /62/ nad Bystrykiem, w Ostapkowie i we wszelakich pasiekach, tak nad rzeką Rastawicą, jako i nad Hujwą i Hujewką, i piątą część swoje, od bliskich jej przyszlą, ku temu też ta teszcza jego zapisała jemu i żenie jego, córce swej, i ich potomkom sieliszcz swoje otczyzne, w powiecie Czerkaskim, na imie Mchliewo, Orłowiec, i Linczyńce ze wszystkim, iako się one sieliszcz z dawna w sobie mają, na co i list swój zapisny, pod pieczęcią pana wojewody Kijowskiego, że mu dała, który on przed nami pokładał, i bił nam czołem, abyśmy mu dali nasz list i to jemu naszym listem potwierdzili na wieczność, o czym że i pan wojewoda Kijowski, za nim uprzejmie żądający, do nas pisał; a tak my, listu jej zapisnego opatrzywszy, i z łaski naszej na żądanie pana wojewody Kijowskiego i na czoło-bicie jego tośmy uczynili, połowice tych sieliszcz w Kijowskim powiecie: Bichłowców i Ostapkowców, Lesunowców, Nowostawków i te też sieliszcz w Czerkaskim powiecie: Mchlijewo, Orłowiec, i Linczyńce, potwierdzamy tym naszym listem samemu Iwanowi Zubrykowi, i jego żonie, i dzieciom, i potomkom ich na wieczne czasy, mają oni te sieliszcz, i s pasiekami wyż mianowanemi, na siebie dzierżyć i używać we wszystkim, jako się w sobie zapisnego, tej Hryńkowej, a służbę ziemską s tego nam mają służyć; i na to daliśmy ten nasz list, do którego i pieczęć naszą przyłożyć kazali. Pisan w Krakowie, pod lato Bożego narodzenia 1539, m-ca julii 3-go, indykta 12. U tego listu pieczęć j-o królewskiej m-ci, a podpis ręki w te słowa: Michajło, pisarz. Który list sąd niniejszy do ksiąg głównych trybunalskich województwa Kijowskiego zapisać kazał i jest zapisan, i ten wypis jest wydany. Pisan w Lublinie, Antoni Rożen de Rożno, Judex trib. pallat. Crac. Sawicki Albrycht, starosta Mielnicki, dep. w-wa Podlaskiego, Jerzy Horski-Drucky, deput. w-a Kijowskiego, Jan Podoski, starosta Rożański i Malijowski, deput. w. Mazowieckiego, Iwan Łozka, pisarz ziemski Kijowski; corrigował Hersowicz.

Сообщено В. Антоновичем.

32.

Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая приговоръ третейскаго суда о разграниченіи имѣній князя Василя Ковельскаго и князя Андрея Михайловича Сангушковича-Коширскаго, состоявшійся въ 1539 году и подтвержденный уже въ то время Сигизмундомъ I. 1553, октября 26.

Лѣта Божого нароженія 1569, генваря двадцать шостого дня. /63/

Пришедши на врьдъ замковый, передмене, Павла Григоровича Оранского, на тотъ часъ будучого подстаростого володимерского, служебникъ князя Лва его милости Александровича Сангушка Коширскаго, Олехно Порадникъ Защитовский, показалъ листь его королевское милости, Жикгимонта Августа, пана нашего милостивого, потвержоный,

которымъ его королевская милость рачиль подтвердить старосте Луцкому, князю Андрею Михайловичу Сангушковича-Коширскому, деду князя Лва Коширского, листъ также подтвержоный короля его милости, славное памети, Жикгимонта, пана отца своего, которымъ первой того, его кролевская милость, славное памети Жикгимонтъ, листъ комисарский князя Александра Збаражскаго, а маршалка его королевское милости, пана Петра Загоровского, а пана Федора Гулевича, и пана Петра Калусовского, ижъ они з руки его и князя Василя Михайловича Ковелского судьями, на рокъ зложоный, на кгрунтъ земеный, промежку именей ихъ, выездили и границы певные и вечистые вчинили, рачиль подтвердить, яко ширей и достаточней на листе подтвержономъ его королевское милости, пана нашего милостивого, описано есть. И просиль мене Олехно Породничъ Защитовскій именемъ князя Лва Коширского, пана своего, абы тотъ листъ его королевское милости, подтвержоный, въ книги замковые вписанъ былъ; я того листу его кролевское милости огледавшие и достаточне его вычитавши, слово отъ слова въ книги замковые уписать казалъ, который такъ ся въ себе маеть: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, и иныхъ. Биль намъ чоломъ староста Луцкій, князь Андрей Михайловичъ Сангушковича и покладалъ переднами листъ короля его милости, славное памети, пана отца нашего, которымъ его кролевская милость рачиль ему подтвердить листъ комисарский князя Александровъ Збаражскаго, а маршалка нашего, пана Петра Загоровского, а Федора Гулевича и Петра Калусовского, ижъ они, зъ руки его и князя Василя Михайловича Ковелского, судьями на рокъ зложоный выездили и границы певные и вечистые межи именей ихъ вчинили, якожъ на томъ месте судовомъ весь поступъ sprawy ихъ широкими словы есть описаный, который есть слово въ слово, въ томъ подтверженю короля его милости пана отца нашего, описанъ, и такъ ся онъ въ себе маеть: Приказанемъ господаря короля его милости, мы, судьи, зъ руки князя Василя Ковелского, я, Александро Федоровичъ Збаражский, а Петръ /64/ Богдановичъ Загоровский, ключникъ, и городничий, и мостовничий Луцкий, а зъ руки князя Андрея Михайловича Коширского Федоръ Гулевичъ, а Петръ Колусовскій, смотрели есмо того дела, штожъяко князь Василей Ковелский такъ и князь Андрей Коширскій, будучи въ Кракове пригосподари его милости, еднане межи себе принели передъ маршалкомъ волынское земли, старостою владимерскимъ, княземъ Федоромъ Андреевичомъ Сангушковича, а передъ подскарбѣимъ земенимъ, маршалкомъ и писаромъ господаря короля его милости, старостою Слонимскимъ, имети Боговскимъ, державцею Дорсунискимъ и Зелвенскимъ, паномъ Иваномъ Горностаемъ, а старостою Мстиславскимъ, маршалкомъ господарскимъ, княземъ Василемъ Андреевичемъ Полубенскимъ, а подскарбимъ дворнымъ, державцею веленскимъ, паномъ Иваномъ Андреевичомъ, ижъ они на томъ застали, и листы еднанные межи себѣ подавали, и рокъ подѣ страченемъ права приняли, на земли выехати промежку именей ихъ князя Василева — имени Хотешова, а князя Андреева — имени Речицы, а въ другомъ местцы, промежку другихъ именей ихъ князя Василевыхъ — именей Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, а князя Андреева — имени Мѣзова, — ино мы на тотъ зложоный рокъ на первый выехали, межи именей ихъ Хотешова и Речицы, пытали есмо въ князя Василя списку, на вголь разрезаного, котораго самъ оповедить въ Краковѣ, ижъ мель на тотъ рокъ положить, которая половица того списка въ князя Андрея Коширского, подѣ печатю и съ подписю руки пана Ивана Горностая, подскарбего земского; ино князь Василей на тотъ рокъ поведиль, ижъ того списка въ себе не маю, и передъ нами его не положиль, а князь Андрей половицу того списка на вголь разрѣзаного, с печатю и с подписью руки пана Ивана Горностая, положиль, и тежъ, ведле листовъ еднанныхъ, записныхъ, поставиль осмнадцать сведковъ з великого князьства Литовского, с которыхъ же тыхъ осмнадцать сведковъ мель князь Василей Ковелский

обрати шесть человекъ, а куды тые шесть человекъ, пресегнувши, мели завести, туды, яко князь Ковельский, такъ князь Коширский, по тымъ вочищамъ тыежъ границы мели держати на вечные часы; ино князь Ковельский тыхъ шести сведокъ не обралъ и ку присяге ихъ не вель, а призволилъ на то куды тые осмнадцать светковъ заведутъ без присяги, — потоля хочу держати на вечные часы, якожъ тые сведки повели, ведле того списка старого, на вголь разрѣзаного, по тымъ вочищамъ, по старымъ границямъ, — на первой, поченши отъ Солина бо- /65/ лота и къ Вадичу мосту, а отъ Вадича мостка черезъ цоля и къ дубу и лесу Росоши до Косны Луки, а отъ Косны Луки въ лесъ, который надъ озеромъ Серчемъ, а отъ того угла леса черезъ озеро Серче, куды есмо пали побили, а отъ того озера Серча идетъ болото Осовское по половине того болота Осовского, а тымъ болотомъ Осовскимъ у волесь и Олсомъ до речки Гамы, — туды есмо грани зарубили, а тою речкою Гамою въ болото Радовское, а отъ болота Радовского и граници Лядское Ратенское мы, по тымъ вышемененымъ вочищамъ, куды тые осмнадцать сведковъ завели, грани зарубали и копци закопали, и вже князь Василей Ковельский и люди его Хотешовские черезъ тые грани и вочища в сторону князя Коширского не мають ни чимъ ся вступовати, — ни поль, а ни сеножателей, ни бчоль, а ни дерева бортного не мають мети, а ни рыбы ловити, и ни которыхъ вжитковъ не мають мети. А князь Андрей Коширский и люде его Речицкие, черезъ тые грани и вочища в сторону князя Ковельского такъ же не мають ничимъ ся вступовати, — ни поль, ни сеножателей, а дерева бортного не мають мети, а ни рыбъ ловити, — мають ихъ милость по тымъ вочищамъ и гранямъ твердо а неотменно держати на вечные часы под тыми заруками, которые въ листахъ ихъ еднанныхъ есть описаны, на штожъ они сами зволили и приняли, а потомъ есмо приехали на тые земли, межи именей ихъ князя Ковельского — именей Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, и промежку имения князя Коширского — Мѣзова, ино о тые земли въ листахъ еднанныхъ такъ есть описано, ижъ мель князь Ковельский vybrати зъ имения князя Андреева, зъ Мезова, шесть человекъ, а куды тые люди дванадцать человекъ, згодившись, мели завести, потомъ они на обее стороны мели держати на вечные часы, а если бы межи тыми людьми мела быти розница, тогды князь Ковельский мель vybrати зъ имения князя Федора Андреевича, маршалка волынское земли, староста владимирского, зъ Сереховичъ, трехъ чоловиковъ, а князь Коширский также мель vybrати трехъ человекъ съ тогожъ села, зъ Сереховичъ, а тая вже шесть человекъ куды заведутъ и на томъ присягнуть, то они, яко князь Ковельский, такъ и князь Андрей Коширский, мають то они, держати на вечные часы, ино ихъ люди дванадцать человекъ промежку себе се згодили; а такъ мы, яко князь Ковельский, такъ и князь Коширский, водле еднанныхъ листовъ своихъ, vybrали зъ села князя, старосты его милости володимерского, зъ Сереховичъ, шесть человекъ, тья шесть человекъ- /66/ ковъ на первой повели насъ, поченши отъ старого копца Кия черезъ болото и черезъ Хилковы нивы на Волнушковое болото, по половине того болота, мимо лесокъ Волнушкий и къ Сторожове горѣ, мимо села князя Ковельского, Гридковичи, на болото, на Оранъ, и чрезъ Олесець, а отъ толь черезъ поле, просто до дороги, которая идетъ отъ Шайна до Городища, а тою дорогою поехавши, а отъ тое дороги до Сосны, просто до Петы, которая Сосна надъ дорогою, што отъ Шайпа идетъ къ Гридковичомъ, въ которой Сосни грани, и къ которымъ гранямъ князь Василей, и князь Андрей, обадва сами сезпали, штожъ еще за отца, князя Януша, тые они грани, межи Шайна и Мезова, съ княземъ Андреемъ зарубали, и повели намъ тые сведки, куды есмо вели, то есть по праву земля князя Андрея Коширского Мезовская, а по леву князя Ковельского, тыхъ именей его: Секунская и Шушковская, Городищская, Шаенская, и на томъ местцу князь Ковельский тыхъ шести человекъ, Сереховицкихъ, которыхъ они сами обрали — князя Андреевыхъ треть сведковъ: старца Вантюха, а брата его Федора и Степана, а своихъ трехъ сведковъ тежъ:

Сенка Дешковича, а Сидора, а Юска ку присязе ихъ повель, якожъ тые шесть светковъ на томъ присягнули куды есмо вели, то есть по праву земля князя Коширского, Мезовская, а по леву князя Ковелского, тыхъ именей его вышьпоимененыхъ. А такъ мы, ведлугъ заведеня и присяги ихъ, по тымъ вышемененымъ врочищамъ грани зарубали и копцы закопали, — то оны мають держати и по тымъ гранямъ на вечные часы, и вже князь Василей Ковелский и люде его не мають черезъ тые грани, межи всихъ тыхъ именей, которые суть вышей описаны, въ землю князя Коширского ни чимъ ся вступовати, ни поль тамъ пахати, ни сеножателей, ни дерева бортного и жадныхъ вжитковъ не мають мети, а князь Коширский и люде его также въ сторону князя Ковелского, черезъ тые грани, ни чимъ ся вступовати не мають, ни поль, ни сеножателей, а дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не мають мети, то они мають по тымъ гранямъ твердо а не отменно держати на вечные часы; а еслибы хто зъ нихъ мелъ чимъ съ того выступиты, або хотель знадене наше и тые границы по тымъ врочищамъ зрушать, тотъ маеть заплатити господару королю его милости тысячу копъ грошей, а стороне другую сто копъ, а заплативши тые заруки предся мають то они по тымъ гранямъ, водле листовъ своихъ еднанныхъ, Краковскихъ, и водле найденя нашего, держати на вечные часы. А што ся доты-/67/ четь земли, межи именей ихъ и князя Ковелского, именей Ковля и Клевецка, а князя Коширского — имения Городелца, ино князь Ковелский, еще будучи въ Кракове, тую землю князю Коширскому поступилъ, и в листе своемъ едналномъ описаль по тымъ гранямъ, куды князь Петръ Головня и панъ Олехно Козинский князю Андрею отъехали; ино и теперь князь Ковелский тую землю князю Коширскому переднами поступилъ по тымъ границамъ, куды тые вышемененые суды грани зарубали и копцы закопали, — а такъ мы суди зъ стороны князя Коширского посылали тамъ пана Гаврила Зброховича Воютинского, а вижовъ Луцкихъ, з уряду даныхъ, земянъ господарскихъ Гуляницкихъ Ивана и Сенка Гармошевича, а мы суди князя Ковелского посылали на свое местце Федора, дворенина господарського, который былъ писаремъ у князя Костентина, небожчика, а боярина его милости, пана Ивана Горностаева, подскарбего земского, пана Савицкого, и казали есмо имъ тыхъ граней и копцовъ поправити, — они тамъ ездили и потымъ гранямъ, першимъ, грани зарубали и копцы закопали и намъ то отказали, и вже они, яко князь Ковельский, такъ и князь Коширский, и люди ихъ, черезъ тии грани не мають ни чимъ ся вступовати, ни поль, ни сеножателей, а ни дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не мають мети, того ихъ милости мають по тымъ границамъ, водле листовъ своихъ еднанныхъ, и водле найденя нашего, твердо а не отменно держати на вечные часы под тими заруками, которые суть въ листехъ ихъ, едналныхъ, описаны, якожъ они сами на все на то и заруки призволили и приняли, ижъ мають по тымъ врочищамъ и гранямъ твердо а неотменно держати на вечные часы. И на то дали есмо князю Андрею Михайловичу Коширскому, маршалку господаря короля его милости, сей нашъ листъ судовый з нашими печатми. Писанъ у Городелци, подъ леты Божего нароженя тисеча пятсотъ тридцать девятого року, месяца декабря двадцать девятого дня, индикта второгонадцать. Прото, кгда жъ оные комисары на рокъ зложоный выездили и на оныхъ земляхъ, ведле змовы и листовъ ихъ записаныхъ, в томъ ся справовали, и конецъ тому вчинили, мы огледавши того листа короля его милости, славное памети пана отца нашего, которымъ его кролевская милость рачиль тотъ судъ умоцнити, и бачити в томъ речь слушную, на чоломъбите князя Андрея Коширского то вчинили. И на то дали ему сей нашъ, листъ, нехай онъ тотъ весь кгрунтъ ему отъеханый и присужоный спокойне на себе держитъ, и того вживаеть по тымъ /68/ границамъ, которые в листе комисарскомъ меновите суть описаны, ведле первого листу короля его милости; на штожъ дали есмо князю Андрею сей нашъ листъ з нашею печатю. Писанъ у Кнышине, подъ лето Божого

нароженя тисеча пятсотъ петдесять третій, месеца октебра двадцать шостого дня. Иванъ Горностай, воевода Новгородский, маршалокъ дворный, подскарбий земский.

Книга Владимирская городская, записовая и поточная 1569 года, № 919, стр. 25 на об.

33.

Грамота Сигизмунда I бурмистру и мѣщанамъ Черкасскимъ о томъ, чтобы они не беспокоили боярина Ивана Жубрика и принадлежащихъ ему имѣній, такъ какъ онъ владѣетъ ими законно, въ чемъ удостовѣрилъ короля разсматривавшій права Жубрика Кіевскій воевода Немировичъ. 1541, іюня 28.

Zygmunt etc. woytowi, mieszczanom i wszystkiemu pospólstwu miasta, naszego Czerkaskiego. Żałował nam boiaryn Czerkasky, Iwan Żubryk, o tem, iż woiewoda Kijowski, Hetman nasz dworny, dzierżawca Swisłocki i Owrucki Niemierowicz patrzył te ziemie, sieliszcza i uchodów pasieki, które on, według przodków swych, a insze zakupnem swoim trzyma; o czym wytoczyła się na niego żałoba, gdzież pan wojewoda Kijowski, tego miedzy wami dopatrzywszy, znalazł jego być w tem prawego, i te sieliszcza, uchody i pasieki jemu przysądził i list swój sądowy na to jemu dał, który że on przed nami pokładał, a wy przedsię w to się wstępujecie, s tego iego wyciskacie, i krzywdy wielkie tam jemu działacie, i wszelakie pożytki stąd na siebie macie, a jemu w tem szkoda nie mała od was dzieje się; przeto, gdyż przed takowym wojewoda Kijowskim było temu prawo i sprawa ta jemu jest przysądzoną, przykazujemy wam, pod zaręką naszą stema kopami groszy, iżebyście w te sieliszcza, i uchody, i pasieki, i wszelakie pożytki jego, wedle sądu i listu sądowego pana wojewody Kijowskiego ni w co się nie wstępowali, i s tego jego nie wyciskali, i żadnych krzywd tak jemu nie czynili, i daliście mu w tem pokój koniecznie; aby to inaczej nie było, żeby on nam o to więcej nie skarżył. Pisan w Wilnie, pod lato Bożego narodzenia 1541, m-ca junii 28, indykla 14.

Сообщено В. Антоновичемъ. /69/

34.

Грамота Сигизмунда I, овруцкому державцѣ Криштофу Кмитичу, предписывающая ему возвратитъ поле, отнятое имъ у овруцкаго землянина Андрея Котяка. 1544, апрѣля 8.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego krolewskiej mości Owruczu, przedemną, Ianem Walewskim-Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału

województwa Kijowskiego, y xięgami ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Bazyli Rapsztyński, Skarbnik Derbski, — praevia manifestatione ten list od najaśniejszego krola, Zygmunta trzeciego, sztylem ruskim pisany, do niegdy zesłego Krzysztofa Kmicica, protunc starosty Owruckiego, zbutwiały et vetustate temporis przy końcach poszarpany y podklejony, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich per oblatam podał y temi iest, z ruskiego na polski wyłożony, inserowany słowy: »Zygmont, Bożą miłością krol polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki y innych; dzierzawcy Owruckiemu, panu Krzysztofowi Kmityczu. Temi czasy żałował nam ziemianin Owrucki, Andrzej Kotiak, z synem swoim Iwanem, o tym, szto dei ktore dworzyszczce Kolesnikowskie tam, w Owruczym, jemu dali, na což on y list, danine nasze, y też list uwiąszczy u siebie ma, iedno ty de tego dworzyszczca, niwy, ku swojemu gumnu własnemu w niego poodymowałeś mocno, gwałtem, y teraz ich ustąpić nie chcesz, a w tym dei im od ciebie krzywda y szkoda wielka dzieje się; przeto, ieśli będzie im tak, iako oni nam żalowali, będą te niwy y dworzyszczca ich y teraz przy nich, przykazujem tobie, ażebyś tych niw za siebe iemu postąpił, y przeto w one się nie wtrącał; koniecznie aby to inaczey nie było, aby nam on w tym więccy nie żalił. Pisan w Warszawie, lata Bożego narodzenia tysiąc pięćset czterdziestego czwartego, miesiąca aprila osmego dnia, indicta wtorego«. U tego listu, przy pieczęci przyciśnionej, podpis ręki w te słowa: Ławryn Naruchowski. Locus sigilli. Który że to list, per oblatam podany, za podaniem y prozbą wyszmianowanego jego mości podawającego, a za moim, urzędowym przyjęciem, słowo w słowo do xiąg ninieyszich iest ingrossowany.

Книга Киевская, городская, 1724 года, № 38, листъ 163. /70/

35.

Грамота Сигизмунда I, овруцкому старостѣ Криштофу Кмитичу, предписывающая ему не отнимать земель у земянъ Гриневичей-Яцковскихъ, выслуженныхъ предками ихъ у князя Александра (Олелька) Владиміровича. 1544, іюня 10.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego krolewskiej mości Żytomirzu, przedemną, Janem Walewskim — Lewkowskim, namiesnikiem podwojewództwa grodzkiego generału województwa Kijowskiego, y xięgami ninieyszemi grodzkiemi, Kijowskiemi comparens personaliter urodzony jego mość pan Heronim Hryniewicz-Jackowski, kopią listu upominalnego od nayjaśniejszego króla jego mości, Zygmunta, w sprawie antecessorum offerentis do wielmożnego niegdy Krzysztofa Niemirycza, starosty Owruckiego, z podpisem ręki jego krolewskiej mości pisanego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich per oblatam podał, de tenore tali: »Zygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski et cetera. Oznamuiemy tym naszym listem wszystkim w obec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć będzie należało: bili nam czołom ziemianie ziemie Kijowskiej: Paweł, Jozyf, Ihnat Wasilewiczowie, Prokop, Ławryn Haponowiczowie, Anton, Illa, Miszko Trochimowiczowie, Hryniewiczowie-Jackowscy, sami od siebie y imieniem braci swoich Hryniewiczow-Jackowskich, zanosząc żałobę swoją na jego mości pana Krysztofa Niemirycza, sprawcę naszego Owruckiego,

co dey krzywdy wielkie czyni, pola, sianożęci, lasy y młyny własne, dziedziczne, ich mościom panom Hryniewiczom-Jackowskim należące, od xiążąt ich mościow nadane, odbiera, y do miasta naszego Owrucza przywłaszcza, ktorzy, wiernie, a prawie krwawie rzeczypośpolitey usługuiąc, to sobie u antecessorów naszych wysłużyli; bijąc nam czołem, pokładali przed nami list, na pargaminie złotemi literami pisany, od xiążenia Alexandra Włodymirowicza Jacku Hryniewiczzu, na ziemie Piętkowskie y bartną, dany, tudzież drugi list xiążenia Jerzego Alexandrowicza, woiewody Litewskiego, temuż Jacku Hryniewiczzu y Semenu Jackiewiczzu na też ziemie Piętkowską y bartną, na wieczne czasy onym samym y potomkom ich potwierdzony, y prosili nas, abyśmy pisali list upominalny do jego mości pana Krzysztofa Niemirycza, żeby krzywdy nie czynił, na ktore ich czołembicie, napisawszy list, /71/ przykazuiemy, żeby dey wasza mość, panie Krzystof e Niemiryczu, żadney a żadney przeszkody ich mościom panom Hryniewiczom-Jackowskim, iako w ich własnym dziedietwie, nie czynił; y na to daliśmy ten nasz list ich mościom panom Hryniewiczom, pod pieczęcią naszą y podpisem ręki króla jego mości. Datum w Krakowie, roku tysiąc pięćset czerdziestego czwartego, miesiąca juni dnia dziesiątego, indykta siedmdziesiątego piątego. U tego listu podpis ręki jego królewskiey mości w te słowu: Sigismundus Rex. Ktory że to list, za podaniem y prozbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, wszystek, z początku aż do końca, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych iest wpisany.

Книга Кіевская городская 1733 года, № 45; листъ 850.

Примѣчаніе. — Какъ изъ предъидущаго акта, такъ и изъ другихъ актовъ, относящихся къ тому времени (см. Арх. Ю. 3. Россіи, часть IV, т. 1, № VIII и IX), явствуется, что въ актѣ этомъ, вслѣдствіе позднѣйшей описки, старостою Овруцкимъ наименованъ Крыштофъ Немиричъ, вмѣсто Криштофа Кмитича, дѣйствительно занимавшаго этотъ постъ въ 1544 году.

Упоминаемый въ текстѣ Юрій Александровичъ названъ также по ошибкѣ воеводою Литовскимъ, вмѣсто «воевода Кіевскій». Литовскаго воеводства не существовало, да и выдавать подтвердительныя грамоты на право землевладѣнія въ Овруцкомъ повѣтѣ могъ только Кіевскій воевода, такъ какъ къ его воеводству принадлежалъ этотъ повѣтъ. Дѣло идетъ вѣроятно о князѣ Юрьѣ Александровичѣ Гольшанскомъ, занимавшемъ Кіевское воеводство съ 1508 по 1511.

36.

Грамота Сигизмунда Августа, приказывающая дворянамъ: князю Матвѣю Четвертинскому, Василю Янковичу, Федору и Гаврилу Бокевичамъ и Ивану Гутору, явиться въ качествѣ третейскихъ судей въ означенный судебный срокъ для разбирательства тяжбы между Ковельскимъ старостою Богданомъ Семашкомъ и княземъ Федоромъ Острожецкимъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Прогорѣлицею. 1548 года, апрѣля 27.

Жикгимонтъ Августъ, Божого милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. /72/

Дворанину нашему, князю Матвею Василевичу Четвертинскому, а державце Красносельскому и Галичанскому, Василю Енковичу, а дворянам нашим: Федору а Гаврилу Бокевичомъ, а Ивану Гугору Рогачовскому. Присылалъ до насъ староста Ковельскій, королевое ея милости, и наивышное великое княгини Боны, пани матки наше, панъ Богданъ Михайловичъ Семашко, жалуючи на князя Федора Петровича Острожецкаго о томъ, ижъ которое именье, на имя Быстриці, онъ купилъ у бояръ: кнегини Илиной, у Ждана Промченковича, а Остафія Янича, ижъ онъ тому имению его, зъ имеия своего Березное, кривды и шкоды великое починилъ и островъ его власный, Быстрыцкій, которого зовуть Прогорѣлицю, уступаетъ, и по колко разъ людей своихъ мощно и кгвалтомъ усылаеть, и бчолы дереть, и деревья бортного о колко сотъ порубати и попалити казалъ, и еще самъ, зъ канцлеромъ наше комисеи, взялъ, за которую ему рокъ положилъ отъ середи, уступивши въ постъ третей недели, за дванадцать недѣль, который рокъ припаднеть по семой суботе въ среду, хотячи зъ нимъ о тотъ островъ Прогорѣлицу право мѣти, и мѣняючи быти его своимъ, и онъ, хотячи зъ нимъ того року вживаты и право мѣти, взялъ в насъ зъ руки своей судьями васъ; прото праказуемъ вамъ, абисте на тотъ рокъ зъ руки его судьями были, и восполокъ и зъ судьями его згодивши, тамъ выехали и о томъ островъ и о шкоды, въ немъ поделаные, межи ними досмотрѣли, и справедловость на конецъ вчинили, подле обычая, права и статуту земского. И мы до князя Федора листъ нашъ писати казали, абы онъ самъ и зъ судьями своими на тотъ рокъ, который самъ зложилъ, тамъ выѣхалъ, и втомъ ся зъ нимъ разправилъ и у права былъ послушонъ во всімъ. Естли жъ бы вы, судьи, который зъ васъ, за некоторыми справами своими, на тотъ рокъ тамъ быти не могли, тогды онъ можетъ на ваше мѣсце кого иныхъ судей взяти, которые будутъ мѣти мощъ тые речи межи нихъ за тою комисеіею нашою справовати и кончити подле обычая, права и статуту земского, такъ яко и вы сами, отъ насъ взятые. Писанъ у Вилни, подъ лѣто Божого нароженія 1548 г., месяца Априлиа 27 дедъ, индикта 6. (М. П.) Валеріапъ.

Сообщено В. Антоновичемъ. /73/

37.

Приказъ Кіевскаго воеводы, князя Фридриха Глебовича Пронского, земянамъ Служкѣ и Стужанковичу о томъ, чтобы они не удерживали слѣдуемой съ ихъ земель медовой дани въ пользу Овруцкой церкви Св. Василия Великаго, такъ какъ воевода убѣдился изъ надписи на древнемъ евангеліи, что право на эту дань дѣйствительно пожаловано церкви Св. Василия княземъ Василиемъ Владиміровичемъ. 1551 года, декабря 3 д.

Относительно медовой дани см. слѣдующіе акты, значащіеся подъ литерами b и c.

а) Року тисеча шестьсотъ деветдесять сегого, месеца октябрьа двадцать второго дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевское милости Овѣруцкомъ, передо мною, Даниелемъ Левѣковскимъ, наместникомъ, на тотъ часъ подстароства и реентомъ кгородскимъ Овѣруцкимъ и книгами нынешними кгородскими Овруцкими, comparans

personaliter przewielebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten ekstrakt authentyce z xiąg jaśnie wielmożnego jego mości pana Frydrycha Hlebowicza Pronskiego, wojewody Kijowskiego, dzierzawcy Czarnobylskiego, z upisaniem w niem daniny, alias funduszu, od kniazia jego mości Wasila Włodymierowicza na cerkiew świętego Bazylego Wielkiego murowaną Owrucką wydany, dla zapisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, ratione introcontentorum per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby ten ekstrakt do xiąg niniejszych wpisany był, a tak ja, urząd, pomieniony ekstrakt ad acticandum przymuiąc, czytałem y tak się w sobie, ruskim pismem napisany, ma: Выпись съ книгъ Фридриха Глебковича Пронского, воеводы Киевского, державцы Чернобыльского. Лѣта Божого Нароженя тисеча петсоть петдесять первого, месеца декабѣря третего дня, индикта десятого а при томъ и на томъ праве былъ его милость панъ Богъданъ Семашко, маршалокъ господарский. Жаловалъ мнѣ богомолецъ господарский Григорей, священникъ Светого Великого Василя, мурованого, протопопа зъ Овручого, на землянь господарскихъ: пана Ждана Служку и Стужинковича и иншимъ, ижъ дей мнѣ; и на церковь Божию Светого Василя, мурованого, дани повинное не дають и да-/74/вать не хочуть не ведати для чого зъ сель и зъ острововъ наданыхъ приходячого меду пресного, и доводилъ того вписомъ евангелиемъ святымъ отъ славное памети небожъчика Володимера наданное и одъ иншихъ такъже вписане на тую церковь; я видечи въ томъ евангелии уписы розные, на разныхъ месцахъ наданые и написаные, казалемъ слово одъ слова съ того евангелия выписать для лепъшое вѣры, которое тыми словы есть написано: »мы Василей Володымеровичъ, князь, придали есмо на церковь Светого Великого Василя мурованого, въ мѣсте Овручу, подъ селомъ Имухоедовскимъ, островъ Тростеницу, обрубный, и зъ оного идетъ десять ведеръ меду, и давать мають у Полохачове зъ земли Петниское чотыри ведръ меду, а у Вербковичахъ — ведро меду, у Гажине — ведро меду, у Павловичахъ — полъведра меду, у Вуглохъ — ведръ меду, съ тыхъ сель уси мають давати не задержуваючи настоятелемъ тое церкви на Покърову Святую въ осень не задерживаючи отдавать ему мають и иншимъ настоятелемъ, и заграблевать за тую дань волно а конечно отдавать мають, и иншихъ доводовъ есть не мало тамъ написано; я теды, выслухавъши и видечи доводы слышныи, старые, изъ тыхъ сель дань повинна есть отдавать и я теды симъ моимъ листомъ напоминаю и розказую вамъ всѣмъ, написаннымъ въ томъ евангелию, абы тому богомолцу, на тую церковь, тые дани сполняли и отдавали, ижъ есть речъ повинная, абы мне о то на васъ болшъ не докучалъ, а где бы давать не хотѣли — грабить васъ кажемо конечно», Писанъ у Вилни; у того екъстракту, при печати притисненой, подпись руки его милости, пана писара, тыми словы: Янъ Дрочевъский писаръ. А такъ тотъ екъстрактъ за поданемъ и прозбою вышъмянованое особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нинешнихъ есть увесь уписанный.

Книга гродская Овруцкая, записовая и поточная, 1697 — 1699 года, № 3219; листъ 60 на оборотѣ.

Примѣчаніе. — Изъ этого акта узнаемъ о существованіи у князя Владиміра Ольгердовича еще одного сына Василя Владимірова (см. примѣчаніе къ акту № 6). Къ удѣлу Василя принадлежалъ г. Овручъ, что даетъ основаніе думать, что удѣлъ Василя былъ въ Полѣсьи. /75/

b) Року тисеча шестьсоть деветдесять сегого, мисяца окътоврыя двадцат второго дня.

На уряде кгородском, в замку его королевское милости Овруцкомъ, передомною Даныелемъ Левьковъскимъ, наместником на тот часъ подстароства и реентомъ кгородским, Овруцкимъ, и книгами нынешними кгородскими, Овруцкими, comparens personaliter, przewielebny w Bogu jegomość ociec Semion Komar protopopa Owrucki, ten zapis assecurationis, od urodzonego jego mości pana Michała Jelca, chorążycy Kijowskiego z podpisem ręki tegoż jego mości, także z podpisami rąk ich mościów panów przyaciół in rem et personam przewielebnego w Bogu jego mości ojca Semiona Komara, protopopy Owruckiego, ratione introcontentorum dany y służący, dla zapisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby do xiąg niniejszych przyięty y wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis assecurationis ad acticandum przymiując, czytałem y temi iest ingrosowany słowy: »Ja, niżej podpisany, znam tym moim scriptem assecurationis wszem wobec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potym zawždy, iż, mając akcją ze mną wielebny ociec Semion Komar, praesbiter cerkwi murowaney świętego Bazylego, instituowaną o niezapłacenie dotąd bez lat cztery z dobr moich Pawłowicz po dwa belcy miodu bez lat cztery y terazniejszy rok, dawnymi prawami antecessorów moich dowiedzionych, które prawo approbando, do rozsądzenia nie przypuszczając prawem pospolitem, temuż jego mości y następcom teyże Bożej cerkwi nie tylko te ośm belcy miodu za lat cztery, ale y co rok napotym idących po sobie, oddawać z successorami memi po dwa belcy miodu, na terminie naświętszey panny Pokrowy święta ruskiego, za naypierwszą rekwisytą tegoż hospodyna mianowanej cerkwi Bożej; oraz hospodyn mianowany, przy odebraniu tych belcy ośmiu nie tylko od daty tey karty, (że wyraznie sprzeciwiać się nie mam y moje successorowie nie będą mieli onych oddaniu), ale y z wszelkiego zaszłego processu kwitować ma, na co, dla tym lepszey wagi y pewności z uproszonymi przyaciółmi podpisuie; działo się w Owruczym, sub securitate judiciorum castrensiuum Kijowiensium miliesimo sexcentesimo octuagesimo octavo anno, miesiąca augusta dwudziestego piatego dnia. A in casu contraventionis forum we wzelakim sądzie naznaczam. Y того запысу ассекураціонисъ подпыси рукъ тыми словы: Michał Jelec; Charążyc Kijowski; † przy krzyżyku własną ręką urodzonego jego mości pana Macieja Ciechanowskiego, użytego w tey sprawie /76/ przyaciela, iako pisać nie umiejącego, swym y iego mości mianowanego własną ręką moją podpisuie: Stanisław Michał Żurkowski manu propria. A такъ тотъзапис ассекураціонис, за поданем и прозбою вышмяпованое особы подаваючое, а за моимъ урядовымъ припятем, до книг нинешнихъ ест увес уписанный.

Книга Овруцкая 1551 года, № 3219; листъ 63 на оборотѢ.

с) Року тисеча шестьсотъ деведесять сегого, месяца октябрья двадцать второго дня.

На уряде кгородскомъ, в замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною Даныелемъ Левьковъским, наместником на тотъ часъ подстароства и реентом кгородским, Овруцкимъ и книгами нынешними, кгородскими, Овруцкими, comparens personaliter przewi lebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten ekstrakt z xiąg grodzkich Owruckich authentyce wydany, z opisaniem w niem posessiey w ostrow, nazwany Trostianicę, cerkwi świętego Bazylego wielkiego murowaney, dla zapisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, którego ekstraktu ruskim pismem text takowy iest: выпись с книгъ кгородскихъ замку Овруцкаго. Лѣта Божого нароженя тисеча шестьсотъ двадцат второго, месяца февраля трыдцатого дня. На вряде его королевское милости кгородскомъ, замку Овруцкомъ, передо мною Мартиномъ Сермескимъ, подстаростым Овруцкимъ, ставши очевисто возный енерал воеводства Киевского, шляхетный Патей Лосинский, ку записаню до книгъ нынешнихъ созналъ

реляцію свою тими словами: »Я Патеї Лосинський, возний енерал воеводства Київського, Волинського і Браславського, чиню явно і визнаю на тій моєй реляції посесій ку записаню до книгъ нинешніх замку Овруцького, иж року теперешнього, тисеча шестсот двадцат второго, місяця феврала двадцат осмого дня, маючи я, возний, при собі сторону людей добрихъ, двохъ шляхтичовъ, пана Семена Кринського а пана Федора Мошенського, з котрою стороною шляхтою, при мені будучою, ездилем за декретом суду земського, Київського, з роковъ земских, Київських, светотреколскихъ, съ року нинешнімъ, тисеча шестсоть двадцат втором, місяця генваря пятогонадцатого дня в Києве отпаво-**/77/**ваних, межі отцем Никифоромъ Лавъровичем, священникомъ Василевським церкви Овруцькое, а велможнымъ его милостю, паном Александром Служкою, старостою Речицькимъ, виданимъ, съ присуженем острога церковного, названого Тростеницы, черезъ трикратное вздане позваного, пана Служку, о забрані дани з менованого острова Тростеницы меду в декрети положоного, а черезъ подданніе Мухоедовские триманого, з наказанем таксы за неодданемъ меду дани слущне належачое, копъ двесте грошей литовских, а за вини першого и второго нестаного — шест копъ грошей литовских, яко о том тот декрет шыре в себе описуе, подлугъ которого декрету земського, Київського, до села Мухоедова приехали, там же заставши урядника его милости пана Служчиного, Мухоедовського, пана Андрея Пахоту, и мужей пры нем Мухоедовськихъ, отдавши ему тот декрет суду земського, Київського в руки для прочитаня и выразуменя, реквироваль, если вы таксу, в декрете положоную, за неоданем дани медовое, такъже и за вини першого и второго нестаного, копъ шести грошей литовскихъ платите, а за тим островъ церковный, менованный Тростеницу, в Обрубе будучый, декретом суду земського, Київського присужоный, церкви Божой светому Василю мурованому уступуете; такъже его настоятелеви теререшньому, вышей писаному, до посессией вечыстого ужываня, ведле прав перших, подаете? Который то пан Андрей Пахота, урядникъ тамошний, з мужами и подданными Мухоедовскими, таксы наказанное и вин правных платит не хотели, толко мене возному и стороне шляхте, при мене на тот час будучой, повелили: же мы острова Тростеницы не бороним, и маем расказане одъ самого его милости, пана Александра Служкы, старосты Речицкого, абысмо тому священнику не боронили и овъшемъ до посессыи и держаня его уступемъ; якожъ я, возний, заховаючи ся во всемъ ведлугъ вряду своего возновського, ехавши там до того острова Тростеницы, яко самъ в себе в положеню, в границах широкости уходит и в обрубе своемъ мает, моцю уряду моего тот островъ церкви Божое святого Василя — Тростеницу, зо всеми на все, яко се самъ в себе маеть, такъ заходамы, полми ореными и не ореными, старыми и новорозроблеными чертежами, дубровами, зарослями, реками, болотами, потоками, з деревом бортным и не бортным, зо бчолами оселыми, в бортяхъ будучими, и зо всими их вшелякими великими и малыми **пожитками**, яко тот островъ Тростенецкий з давныхъ часовъ в себе ся мелъ и тепер мает, **/78/** ин генере пожитками, вышъ-речоному священнику, отцу Никифору Лавъровичу Василевському, попу Овруцькому, и по нимъ его настоятелемъ церкви Божой светого Василя, подаль, завель и у вечыстую посессию его вечными часы интромиссировал; якожъ зараз тот островъ Тростеницу до моцы, владзы, держаня и спокойного вечыстого ужываня своего взявъ и оным диспонуват почал, которое интромиссии мнѣ возному и шляхте, при мене на тот час будучой, и тому свещеныку ниhto не борониль, а на се з жаднымъ правомъ ниhto не приповедалъ, ани при книгахъ не отъзываль, и на том далъ тую мою реляцію, с печатю и с подписом руки моее власное, ку записаню до книгъ врядовыхъ. Которое очевистое сознание возного до книгъ нинешніх ест принято и записано, съ которого и сей выпис с книгъ под печатю врядовою ест выданъ. Пысанъ у в Овручомъ, корикговаль Думынский; у того екстракту, при печати притисненой, подпис руки его милости, пана писара, тими

слова: Григорий Добошинский, писарь. А такъ тотъ екстрактъ, за поданем и прозбою вышмянованое особы подавающее, а за моим урядовым принятемъ, до книгъ нынешнихъ з початку ажъ до коньца ест увесъ уписаный.

Книга Овручская 1551 года, № 3219; листъ 62.

38.

Грамота Сигизмунда-Августа, мѣщанамъ Кіевскимъ, на право исключительной торговли горячими напитками, подѣ условіемъ платы въ казну ежегодной пошлины — »капцизны« на 800 копѣ грошей. 1558 года, мая 5.

Подтвержденіе той же грамоты королемъ Стефаномъ 1576, ноября 22.

Стефанъ, Божою мылостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жимойскій, Киевскій, Волинскій, Подляскій, Инфляндскій, панъ и княжа Семигородское.

Ознаймѹемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ в обещъ и каждому зособна, кому того вѣдати належилъ, иж оказывали передъ нами мещане места нашего, Киевского, листъ — аренду, наяснѣйшого Жикги-/79/монта-Августа короля, продка нашего, на паргамини писанній, съ подписомъ властное руки его и печатю великого князства Литовского, которымъ листомъ своимъ всѣ корчми места Киевского поступити, дати и арендовати имъ рачилъ, за певную суму пенязей; осмъ сотъ копѣ грошей Литовскихъ, которую суму пенязей в кождій годъ на две рати до скарбу королевского отдавати повинни, яко то все ширей и достаточней на томъ листе аренды продка нашего ест описано, которій слово отъ слова такъ се в себе маеть: »Жикгмонтъ-Августъ, Божією милостію король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жімойтскій, Мазовецкій и иннихъ. Ознаймѹемъ симъ нашимъ листомъ: приехали тихъ часовъ до насъ войтъ, бурмистри и радци места нашего Киевского, сами отъ себе и ото всехъ мещанъ тамошнихъ о томъ, штож надани и впривилеевани имъ суть отъ продковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, и отъ насъ, господара, вси корчми у месте Киевскомъ ку пожитку ихъ месцкому, чого они за таковыми волностями отъ немалого часу вживали; нижли иж мы, перво сего, тіе вси корчми в месте Киевскомъ, з моци и владности ихъ винемши, дали и поступили были в справу воеводе Киевскому, подкоморому нашему, державци Кормяловскому, пану Григору Александровичу Ходкевичу; ино до насъ, господара, утеклися и листы, привилія наши господарскіе, передъ нами оказывали, бючи намъ чоломъ, абисьмо таковое шкоди и втисненя месту тамошнему и имъ, подданнымъ нашимъ, не чинили и зася то ку пожитку ихъ местцкому имъ привернули, обовязуючи се давати намъ за то до скарбу нашего суму пенязей — осмъ сотъ копѣ грошей каждого году, которихто листовъ ихъ, передъ нами черезъ нихъ на то покладанихъ, огледити велели есмо воеводе Виленскому, маршалку земскому, канцлеру великого князства Литовского, старосте Берестецкому, державци Борисовскому и Ишавленскому, пану Миколаю Радивилу; ино в томъ листе описано, що мещаномъ корчми держати, а капѣцизну давати на замекъ нашъ и, ачѣколвекъ за тіе корчми иншіе никоторіе подданніе наши большую

суму пенязей намъ подвишали и дванадцать сотъ копъ грошей на годъ до скарбу нашего давати хотели, нижили ми, чинячи в томъ ласку нашу имъ, яко людямъ украинимъ, и не хотячи наданіе листи и привилія наши господарскіе, черезъ нихъ передъ нами покладанніе, уближеня нѣкоторого в пожиткахъ ихъ местцкихъ имъ чинити, на тое суме пенязей, на осми сотъ ко-/80/пахъ грошей, всѣ корчми места Киевского имъ есмо поступили и дали; и вжо въ семъ году нинешномъ, пятьдесятъ осмомъ, на певній часъ, тоестъ на день святого Семіона, месяца сентября первого дня, маеть панъ воевода Киевскій тіе вси корчми Киевскіе мещаномъ пустити и ихъ черезъ то к рокамъ своимъ не держати, а они, взявши тіе корчми на себе, будутъ повинни отдати половину тоей суми помененное, тоестъ чотириста копъ грошей отъ того часу и року, отъ дня святого Семеона, за полгода на громницю, то есть на Стретеніе Господне, а другую, чотириста копъ грошей, у годъ на той же день святого Семеона, которій будетъ в году пришломъ, пятьдесятъ девятомъ, и также каждого году на две рати тіе пинези, осмъ сотъ копъ грошей, и на тіе роки за копщину корчмъ Киевскихъ отдавати они до скарбу нашего повинни будутъ; а панъ воевода Киевскій теперешній и потомъ будучіи воеводове в тіе корчми ничимся вступовати и переказы нѣкоторое дѣлати имъ не мають; такъ тежъ панове воеводы и ротмистрове наши и тежъ десятники и товарищи ротъ ихъ и митрополіи, бискупы, архимандричи — люди сами, ани на пановъ своихъ, и всякій, перемешкиваючій въ месте и монастыру Киевскомъ, корчомъ ку пожитку своему установляти, яко в месте за замкомъ, такъ и в замку, у кляшторе и в монастырехъ жаднаго шинку на продажу держати не мають кромъ ихъ, мещанъ Киевскихъ, або кому они позволяютъ; а хто бы хотель черезъ сей заказъ и уставу нашу корчми на себе встановляти и шинкъ ку пожитку своему мети, тогди они з дворяниномъ нашимъ который отъ насъ, господаря, будетъ на томъ приданъ, тіи корчми забирати мають, в чомъ панъ воевода нинешній и потомъ будучіе воеводове мають помочь имъ чинити и половицу трунковъ и судовъ забраннихъ корчомнихъ мають на замакъ брати, а другую при нихъ зоставляти, а в томъ никто не маеть имъ спротивлятися под закладомъ нашимъ — стома рублями грошей на каждого такового, хто бы в томъ противность оказалъ; а если бы ротмистрове и десятники ротъ ихъ, о таковій заказъ и вставу нашу господарскую не дбаючи, хотели собе шинкъ установляти якимижъ колвекъ трунками, и тимъ бы в пожиткахъ нашихъ шкода намъ се дѣла, тогди то все, штобыхмо на томъ шкодовали, маеть таковому витрочоно бити с пенезей, которіе би за службу ихъ з скарбу нашего дани имъ бити мели; одножъ ротмистрамъ волно будетъ в замку для себе трунокъ держати, а збудовати имъ броваръ свой подле тогожъ местцкого бровара и яко меди /81/ ситити, такъ и пива варити в томъ броваре и котле своемъ, а в местцкій броваръ, которій мещане в моци и владности своей держати будутъ, ничимъ не мають уступоватися, а мимо тіе бровари местцкихъ и ротмистровскихъ, которіе сподле побудовани будутъ, не маеть никто иныхъ броваровъ мети и ихъ установляти, а тежъ медовъ и пивъ у нихъ варити для того, аби никоторіе шинки нигде, окромъ месткихъ корчомъ, не били установливани за пенези; и на то дали есмо имъ сей нашъ листъ, до которого печать нашу приложити казали. Писанъ в Вилнѣ, лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ пятьдесятъ осмого, мисяця мая пятого дня Жикгмонтъ-Августъ король подписалъ. Остафей маршалокъ, писаръ». И били намъ челомъ предречоніе мещане места нашего Киевского, абихъмо тотъ листъ на аренду корчомъ Киевскихъ, имъ от продка нашего данній, подтвердили и умоцнили и на то имъ нашъ листъ дати велели; а такъ, прихилиючися подтверженю, всемъ вобецъ на коронаціи нашей учиненному, а прозбе ихъ ласкаве ся прихиливши, звлаща если то были и суть в уживаню и слушне то вишло, а не есть противно праву посполитому, з ласки нашей господарское, тотъ листъ, аренду, имъ от продка нашего на корчми Киевскіе данній, а в томъ листе нашомъ описани, и вси речи, артикулы и обовязки, в немъ описанніе, подтверждами и умоцнями тимъ листомъ нашимъ,

такъ, ижъ впродречоніе мещане места нашего Киевского, водле листу аренды продка нашего, вси корчми в месте нашомъ Киевскомъ на себе держати мають, а с тихъ корчомъ, водле тогожъ листу и аренды више описанное, за капщизну на каждій годъ по семи сотъ копъ грошей Литовскихъ на рати, в томъ листе аренды продка нашего описаніе, до скарбу нашего платити и отдавати будуть повинни; а воевода Киевскій теперешній и на потомъ будучіе воеводове в тіе корчми ничимъ ся вступовати и перевази иикоторіе делати имъ не мають, такъ тежъ воеводове, ротмистрове, наши, и ихъ десятники, и товарищи, и митрополи, и бискупы, и архимандричи люди, сами, ани на пановъ своихъ, корчомъ ку пожитку своему установляти и яко въ месте, такъ и въ замку, в кляшторе и в монастырехъ жадного шинку на продажу держати не мають кромъ ихъ, мещанъ Киевскихъ, албо кому они позволять; а хто бы хотель над тое право ихъ и постановенье продка нашего корчми на себе установляти и шинкъ ку пожитку своему мети, тогди они в томъ заховатисе и поступовати мають противъ всимъ таковымъ водле листу /82/ продка нашего вписанного, въ чемъ воевода Киевскій теперешній и на потомъ будучіе воеводове мають имъ помочь чинити, такъ яко бы ся в томъ шкода скарбу нашему деяла, а на сведецтво того всего, више писанного, тотъ листъ рукою нашею властною подписалисьми и печать нашу коронную до него привѣсити рассказали есмо. Данъ в Торуню, на сейме вашомъ коронномъ, дня двадцять второго мисяца ноября, року по нароженія Сына Божія тысяча пятьсотъ семдесятъ шестого, а королевана нашего року первого. У подленного привилею подпись руки таковой: Стефанъ Король.

мѣсто печати к сему привилею приложенной.

Іоакимъ Висецкій писарь.

Книга Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542 — 1608; стр. 42

39.

Жалованная грамота Сигизмунда Августа, Федору Каменецкому, на урочища въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ: Петровую Луку и Морозовку и на домъ въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ Король освобождаетъ пожалованныя имѣнія отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи 20 лѣтъ, подъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ заселилъ ихъ въ продолженіи этого времени. 1558, іюля 1.

Feria sexta in crastino festi sacralissimi Въ пятницу послѣ праздника тѣла Corporis Christi Domini, anno millesimo Христова (30 мая), 1714 года. /83/ septingentesimo decimo quarto.

Ad officium et acta praesentia, castrensia, Явившись лично передъ урядомъ и capitanealia, latyczoviensia, personaliter актами нынѣшними, гродскими, veniens generosus Josephus Cherszewski, старостинскими, летичевскими, благородный obtulit officio praesenti et ad acticandum Іосифъ Хершевскій, предъявилъ уряду и

porrexit privilegium, per serenissimum предложилъ внести въ актовыя книги Sigismundum Augustum, regem Poloniae, грамоту, милостиво пожалованную super bona villarum deserta: Piotrowa Łąka, свѣтлѣйшимъ королемъ польскимъ, Morozowka et domum Łukianonski, in oppido Сигизмундомъ, благородному Федору Chmielnicensi con sistentem, in rem et Каменецкому на пустыя селища: Петровую personam generosi Fedoryj Kamieniecki Луку и Морозовку и на домъ, называемый benigniter prolatus et sigillo cancellariae regni Лукьяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ cera rubra in appenso communitum, cujus Хмѣльникѣ, снабженную привѣшенною tenor sequens continetur taliter. In nomine печатью королевской канцеляріи, Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam, оттиснутою на красномъ воскѣ. Содержаніе Sigismundus Augustus, Dei gratia rex Poloniae, этой грамоты слѣдующее. Во имя Господа magnus dux Lithuaniae, nec non terrarum: аминь. Дано для вѣчной сего дѣла памяти. Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lancoviae, Сигизмундъ Августъ, милостию Божіею Cujaviae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, король Польскій, великій князь Литовскій, а Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae, также государь и дѣдичъ земель: Samogithiae quo etc. dominus et haeres. Sign Краковской, Сandomирской, Сѣрадзкой, ficamus tenore praesentium, quibus expedit, Ленчицкой (?), Куявской, Русской, Прусской, universis et singulis, praesentibus et futuris, Мазовецкой, Хелминской, Эльблингской, harum notitiam habituris: quia cum magnificus Померанской, Жмудской и пр. Объявляемъ Joannes de Mielesz, palatinus Podoliae, regni симъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать nostri marszalkus, ac Grodcensis надлежитъ, нынѣшнему и грядущимъ Chmielnicensisque capitaneus, sincere nobis поколѣніямъ, всякому, кто о сей грамотѣ dilectus, singularem fidem studiumque nobilis услышитъ. Такъ какъ сіятельный Іоаннъ изъ Fedoryj Kamieniecki commendasset, quod in Мѣлча, воевода подольскій, маршалокъ praestandis tolerandisque castri nostri нашего королевства, староста городецкій и Chmielnicensis servitiis declaravit et хмѣльницкій, искренно на-/84/

hucusque, juxta exigentiam necessitatis, ич уважаемый, одобрилъ передъ нами declarare non negligit, petitis-setque a nobis примѣрную вѣрность благороднаго Федора una cum certis consiliariis nostris, ut ipse Каменецкаго, которую онъ оказалъ въ actionem habere, cundemque possessionibus отправленіи службы въ замкѣ нашемъ alienibus augere dignaremur; nos, petitionibus Хмѣльницкомъ, и которую онъ ejusmodi adducti, tum etiam intelligentes ex re безпрестанно заявляетъ, смотря по nostra et reipublicae, regni castrique nostri надобности, и понынѣ; и просилъ насъ, Chmielnicensis futurum, ut terrae illae, совмѣстно съ нѣкоторыми совѣтниками depredationi hostili opportuna et in locis нашими, чтобы мы, обративъ вниманіе на pluribus desolatae, atque latissime (vastatae), его заслуги, пожаловали ему въ ленъ (?) habitatoribus incolantur; de certa scientia et имѣнія; мы, внимая просьбѣ ихъ, и speciali gratia nostra atque assensu усматривая изъ обстоятельствъ нашихъ и consiliariorum nostrorum, nobiscum hic речи-посполитой на сколько полезно будетъ existentium, nobili praefato et ipsius legitimis королевству и замку нашему Хмельницкому, successoribus, pro tempore futuris, bona если тѣ области, подверженныя nostra, loci habitatoribus vacui, alias pustynia, непріятельскимъ грабежамъ, въ Piotrowa Łąka dictam, in fluvio Snivotha, circa значительной части разоренныя, и на ostium fluvii Berezniczka, incidentis in большомъ пространствѣ опустѣвшія, будутъ Snivotham et duo lute, Morozowki nuncipata, заселяться; вслѣдствіе такого убѣжденія in districtu Chmielnicensi, preterea etiam нашего и по особенной нашей милости, а domum Łukianowski, in oppido Chmielnicensi также по согласію совѣтниковъ нашихъ, consistentem, cum omni jure, dominio et здѣсь при насъ находящихся, даемъ въ proprietate, fructibusque, proventibus et вѣчное и ненарушимое владѣніе, въ полное

generaliter eventionibus utilitatibusque господство и собственность, universis, ad haec ipsa bona spectantibus, quae вышеупомянутому Федору Каменецкому и nunc sunt, aut in futurum humana industria его будущимъ законнымъ наслѣдникамъ quomodolibet excogitabuntur et specialiter ненаселенныя имѣнія наши: пустырь, generalium in nullo deroget, damus perpetuo называемую Петрова Лука, при устьи рѣчки et irrrevocabiler donamus ea lege et conditio Березнички въ рѣку Сниводу. и два болота, называемыя Морозовки, лежащія въ Хмельниц-/85/

ne, ut idem nobilis Fedoryj Kamieniecki et комъ повѣтъ, кромѣ того домъ ipsius suceessores in bonis praedictis, villam, Лукъяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ Piotrova Łąka nuncupandam, smethonibus et Хмѣльникѣ, со всѣми вообще доходами, aliis incolis quoad commodius poterit locare et приходами, плодами и произведеніями, habitabilem intra viginti annos, a data какъ нынѣ получаемыми изъ этихъ имѣній, praesentium computandos, efficere teneatur. такъ и впредѣ могущими получаться Per nobilem Fedoryj praedictum et ipsius вслѣдствіе какого-бы то ни было successores legitimos villam praescriptam, человѣческаго труда или postquam candem locaverint, cum domo предприимчивости..... Жалуемъ-же ему эти bonisque praefatis atlinentiisque et pertinentiis имѣнія подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы universis, tenendam, habendam, благородный Федоръ Каменецкій и его uusufructuendam, pacificeque et quiete perpetuis наслѣдники обязаны были заселить въ temporibus possidendam, nec non dandam, вышеупомянутыхъ имѣніяхъ село, donandam, aliena commutandam, ac in alios называемое Петрова Лука, кметями или quosvis usus suos et suorum successorum иными жителями, смотря по возможности, beneplacito convertendam citra tamen въ теченіе 20-ти лѣтъ со времени выдачи diminutionem iurium, nobis et castro nostro настоящей грамоты. Благородный Федоръ и Chmielniecensi debitorum. Et, ut eadem villa его законные наслѣдники, заселивши citius locari et coalescere hominum frequentia вышеупомянутое село, будутъ въ правѣ possit, tam nobili praedicto, quam et incolis, in оное, равно какъ всѣ другія, eisdem bonis locandis, libertatem, ad вышеупомянутыя, къ нему прилежащія и decursum viginti annorum duraturam, ab принадлежащія имѣнія, держать, имѣть, omnibus datis, contributionibus, oneribus et оными пользоваться и владѣть покойно и servitiis, institutis jam et deinceps instituendis, невозмутимо въ вѣчныя времена, а также impartimur; ita, ut ad tolerationem quorumvis дать ихъ, подарить, обмѣнять или обратить onerum et dationum contributionumque, tam въ любое другое, по своему или publice quam privatim institu tarum наслѣдниковъ своихъ усмотрѣнію, instituendarumque, solutionem non prius sint употребленіе, не сопряженное однако съ astricti, quam viginti anni libertatis, litteris нарушеніемъ правъ нашихъ или замка praesentibus нашего Хмѣльницкаго. Для того-же, чтобы это село мо-/86/

concessae, plenarie expiraverint; quibus гло скорѣе заселиться и усилить число tandem elapsis, ad jura, servitia, oneraque, своего народонаселенія, освобождаемъ на more aliorum nobilium, in distrctu Cmielnicensi 20 лѣтъ впередъ какъ вышеупомянутаго bona haereditaria possidentium, toleranda, владѣльца, такъ и жителей, которые въ obligatos esse volumus horum testimonio ономъ селѣ водворятся, отъ всякихъ даней, litterarum, quibus sigillum nostrum est податей, повинностей и службъ, какъ subappensum. Datum in Krasnistaw, feria sexta существующихъ уже, такъ и отъ тѣхъ, in vigilia visitationis beatae virginis Mariae которыя будутъ учреждены въ теченіи этого proxima, anno Domini millesimo времени; такимъ образомъ они обязаны

quingentesimo quinquagesimo octavo, regni будутъ отбывать какую-либо повинность или nostri vigesimo nono, praesentibus уплачивать дань или подать, какъ reverendissimis in Christo patribus, dominis: установленную такъ и могущую быть Jacobo Uchański, Wladislaviensi, Joanne установленною, какъ вообще, такъ и въ Przerembski, Chelmensi, nominatis episcopis, частности, не прежде какъ по совершенномъ nec non magnificis, venerabilibus et generosis: истечении 20-ти лѣтъ свободы, Joanne Mielecz, palatino Podoliae, regni nostri пожалованной имъ сею грамотою; по marszalco, ac Grodecensi Chmielnicensique; прошествіи-же сихъ льготныхъ годовъ, мы Stanislaŏ a Tharnov, castellano Zavichostensi, желаемъ, чтобы они обязаны были къ ac Siradiens, Krzeczoviensi, несенію обязанностей, службъ и Ostrzeschoviensisque; Joanne de Oczyschino, повинностей, наравнѣ съ другими regni nostri ccancelario, Cracoviensi generali, дворянами, которые владѣютъ имѣніями въ ac Oswieczimensi, Zatoriensi, Sandecensisque — Хмѣльницкомъ повѣтъ; въ подтвержденіе capitaneis; et succamerario Cracoviensi, чего, мы къ сей грамотѣ печать нашу Rafael Vargawski; praeposito Philippo Pad- привѣситъ повѣтъ. Дана въ Красноставѣ, въ пятницу, на канунѣ праздника Посѣщенія Богородицы (1 іюля), въ лѣто Господне 1558-е, царствованія-же нашего 29-е, въ присутствіи преподобныхъ отцевъ, господъ: Якова Уханскаго — Владиславскаго, Іоанна Пржерембскаго — Холмскаго, наре-/87/

niewski, archidiacono ecclesiae cathedralis ченныхъ епископовъ, а также Cracoviensis; Stanislaŏ Carnowski, gnesnensi сіятельныхъ, почитаемыхъ и благородныхъ: canonico, ac curiae nostrae referendario, Іоанна изъ Мѣлча, воеводы подольскаго, secretariis nostris; Nicolao Trzebuchowski, маршалка нашего королевства, гродецкаго и succamerario nosito, burgrabio arcis nostrae хмѣльницкаго старосты, Станислава изъ Cracoviensis, ac Brestensis, Leloviensis Тарнова, кастеллана Завихостскаго, Rogosnensisque; Stanislaŏ Mischcowski, Сирадскаго, Кршешовскаго и Остшешовскаго incisore nostro, ac Marienburgensi — старосты; Іоанна изъ Очишина (Оцѣскаго), capitaneis et aliis quam plurimis dignitariis, канцлера королевства нашего, краковскаго officialibus et aulicis nostris. Datum per manus гродоваго, также освецимскаго, заторскаго praefati magnifici Joannis de Oczyschino, и сандецкаго старосты; подкоморія regni nostri cancellarii, Cracoviensis generalis, краковскаго, Михаила Варгавскаго; при ac Oswieczimensis, Zatoriensis, Sandecensis, секретаряхъ нашихъ: Филиппѣ Olsztynensisque capitanei, succamerarii Падневскомъ, архидіаконѣ Краковскаго Cracoviensis, sincere nobis dilecti. Joannes собора, и Станиславѣ Карнковскомъ, Ocieski, manu propria, cancellarius regni. гнезненскомъ каноникѣ и рефендаріѣ Magnifici Joannis de Ocziechino, regni нашего двора; также въ присутствіи: Poloniae cancellarii, Cracoviensis generalis ac Николая Тржебуховскаго, подкоморія Oswieczimensis, Zathoriensis, Sandecensis, нашего, бурграбія замка нашего Краковскаго Olsztynensisque capitanei et succamerarii и старосты Брестенскаго, Леловскаго и Cracoviensis locus sigilli, cera rubra in appenso Рогозненскаго; Станислава Мышковскаго, insignalі. Cancellariae regni. Thomas Pszonka. крайчегו нашего и старосты маріенбургскаго Post ingrossationem vero, idem gene- и многихъ другихъ сановниковъ, урядниковъ и придворныхъ нашихъ. Выдана черезъ руки вышеупомянутаго сіятельнаго Іоанна изъ Оцѣшина, канцлера нашего королевства, краковскаго гродоваго, освецимскаго, заторскаго, сандецкаго и ольштинскаго

старосты, подкоморія краковскаго, /88/

rosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Lectum cum originali.

искренно нами уважаемаго Іоаннь Оцѣскій, канцлеръ коронный, собственноручно. Мѣсто привѣщенной, оттиснутой на красномъ воскѣ, печати сіятельнаго Іоанна изъ Оцѣшина, канцлера польскаго королевства, краковскаго городского, Осьвецимскаго, Заторскаго, Сандецкаго и Ольштинскаго старосты, подкоморія Краковскаго. Въ канцеляріи королевства. Оома Пшонка. Явивши въ акты сію привилегію, тотъ-же благородный предъявитель получилъ обратно под тинникъ оной, и, въ полученіи его, уряду нынѣшнему выдалъ квитанцію. Считано съ подлинникомъ.

Книга гродская, Летичевская, 1714-го года, № 5353; листъ 110 на оборотѣ.

40.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ панамъ, урядникамъ, дворянамъ и магистратамъ земли Волынской, запрещающая имъ подчинять своему суду писарей, отправленныхъ для сбора королевскихъ ѣ пошлинъ мытникомъ великаго княжества литовскаго, евреемъ Менделемъ Изаковичемъ, 1560, ноября 28.

Лѣта Божого нароженія 1569 года, декабря 12 дня.

Пришедши на врьд его королевское милости, в замокъ Луцкій, перед мене, Петра Хомяка, подстаростого Луцкого, писаря коморы Луцкое, Давыдъ Марковичъ, покладалъ передомною на врьде листъ его королевское милости, просячи, абы былъ вычитанъ и въ книги кгородские записанъ, который листъ такъ ся въ себе маеть: »Жикгимонтъ /89/ Августъ, Божю милостю король Полскій, великий князь Литовскій, Русскій, Прускій, Мазовецкій, Жомоитскій, Ифлянскій панъ и дедичъ, всимъ вовець и кождому з особна, такъ духовного, яко и светского стану и заволянъ людемъ, велможнымъ, врожонымъ, шляхетнымъ княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, маршалкомъ, вдовамъ, врьдникамъ земскимъ и дворнымъ, земянамъ и дворянамъ нашимъ, войтамъ, бурмистрамъ, радцамъ и инымъ всимъ станомъ и врьдникомъ нашимъ господарьскимъ и тежъ князьскимъ, панскимъ и шляхетскимъ, въ панствахъ нашихъ корунныхъ, въ земли Волынской, верне намъ милымъ — ласку нашу королевскую. Верные, намъ милые! Далъ намъ того справу Мендель Изаковичъ, жидъ, мытникъ нашъ великаго князьства Литовскаго, ижъ вы писаровъ и справецъ, на коморахъ и прикоморкахъ, тамъ отъ него уставленныхъ на мыте нашомъ, не ведати для которое причины, не маючи до нихъ ничего надъ постановене наше, до суду своего, которому

намней ни в чомъ не подлегли, притягае и великие трудности имъ задае, а не будучи вы имъ въ речахъ мытныхъ, яко нашихъ властныхъ, водлугъ росказаня нашего помочни, еще сами о шкоды въ мыте тымъ ихъ приправуете; а то дей (жадали) быхмо, абы вы того больше надъ ними вживати се не допустили, не мель бы на томъ скарбъ нашъ шкодовали мусиль, якожь дей и теперъ вжо, школу тую мы мети не хотячи, приказуемъ вамъ, ажъбы есте тыхъ то справецъ и писаровъ менъделевыхъ мытнинныхъ до жадного суду своего передъ себе не притягали, кгдажь они не передъ кимъ инымъ въ каждой речи, хто бы што до нихъ мель, справоватися не суть повинни, только передъ велможнымъ подскарбимъ нашимъ; и трудностей некоторыхъ имъ бы есте не задавали, а, заховываючи се ведле росказаня нашего, въ речахъ мытныхъ имъ помочными были и пожитковъ скарбу нашего постерегали, иначе того чинити не смеючи для ласки наше королевское конечно. Писанъ въ Кнышине; дня двадцать осмого мѣсяца ноября, лета Божого нароженя тысяча пятьсотъ шестьдесятого, панованя нашего четырьдесятого (sic). Подпись руки пана канцлировы на властное росказанье короля его милости». А такъ я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова съ початку ажъ до конца до книгъ кгородскихъ записати казалъ.

Книга гродская, Луцкая, поточная, № 2043, стр. 571, на об. /90/

41.

Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая уступку имѣній, лежащихъ въ Киевскомъ и Звенигородскомъ повѣтахъ, Анною Гриньковою, зятю ея Ивану Жубрику. 1562, мая 10.

Wypis z xiąg głównych trybunalskich wojewodswa Kijowskiego.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału Lubelskiego, na rok terazniejszy, 1602, ze wszystkich województw Korony Polskiej obranymi i wysadzonymi, gdy toczyła się sprawa za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego jejmością panią Krystyną Żubrykową — powodową, a wielmożnymi ich mościami: Xiążęciem Joachimem Koreckim, wojewodzie Wołyńskim a małżonką jego jejmością panią Anną Chodkiewiczówną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw listu i zapisu Hryńkowej Anny, Inoki (sio), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Żubrykowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jegomości Zygmunta na potwierdzenie tego zapisu danego, trzeciego listu króla jegomości Zygmunta Augusta potwierdzenia tego zapisu Hryńkowej Żubrykowi danego. I s kontrowersii obudwu w tej sprawie stron, sąd niniejszy, główny, trybunalski, gdy te prawa przywileje pozwanym nakazał do aktykowania w xięgi oddać, tedy, stojący u sądu niniejszego pozwani, oddali te sprawy do ksiąg, które sąd niniejszy, główny, trybunalski, dla wpisywania do ksiąg przyjmujący, przed sobą czytać kazał, które były czytane: list króla Zygmunta Augusta tak się w sobie ma: Zygmunt August z Bożej łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Buskie, Pruskie, Zmudzkie, Mazowieckie, Inflanskie i innych. Oznajmujem tym listem naszym niniejszym i na potem będącym, komu będzie potrzeba tego wiedzieć. Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Wasil Iwanowicz Żubryk i pokładał przed nami list babki swojej Hryńkowej Inoki (sic) Anny, w którym stoi opisano, iż ona z dozwoleń wojewody Kijowskiego, pana Andrzeja Jakubowicza Niemirowicza, zapisała na wieczność i od wszystkich blizkich swoich zięciowi swemu i ojcu jego, Iwanowi Żubrykowi, a córce swej, żonie jego Bohdanie, i matce jego i ich dzieciom, na potem będącym, i s częstką połowicą sieliszcz swych w powiecie Kijowskim: Buchlawców, a Ostapkowców, a Lesunowców, a Nowostawków część

swoje, która na nie od bliskich jej przyjść miała i te zapisała także wiecznie jemu i żonie jego dziewczę swej, część sieliszczu swego, ojczyznę w Zwinohorodczyźnie, nazwane Michlijewo, Orłowice, Ilinczyńce i błota Rdeńskie s pasiekami, /91/ z rzekami, z rzeczkami, z lasami, z łowy zwierzynnami i ptaszynnami i bobrowami gony i ze wszystkim, jako się ta część jej sieliszczu w powiecie Kijowskim i w Zwinohorodczyźnie same w sobie i w granicach swych mają, i bił nam czołem, abychmy na to jemu dali nasz list i te sieliszczu listem naszym potwierdzili jemu na wieczność, tedy my, tego zapisu babki jego oglądawszy, rozkazaliśmy słowo w słowo w ten nasz list wpisać, który się tak w sobie ma: Ja, Hryńkowa Inoka (sic) Anna, wyznawam sama na siebie tym listem moim każdemu dobremu, komu będzie potrzeba wiedzieć, albo czytający jego słyszeć, iż stanowszy ja etc. etc. Z łaski naszej hospodarskiej, na czołembicie jego, tośmy uczynili; na to jemu ten nasz list dajemy i te sieliszczu potwierdzamy jemu tym naszym listem, ma on sam, i żona jego, i dzieci, i potom będących szczadki te sieliszczu pomienione w powiecie Kijowskim i Zwinohorodczyźnie, ze wszystkim, jako się w sobie mają, dzierżeć i używać wiecznie, podług zapisania onej Hrińkowej listu, a na twierdzą tego ię, i pieczęć naszą przyłożyliśmy (kazali) k temu naszemu listowi. Pisan w Wilnie, lata Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 10 dnia. U tego listu podpis ręki własny J. K. M-ci temi słowy: Sigismundus Augustus Rex, i pieczęć zawieszona koronna, tak też podpis ręki pisarskiej temi słowy: Ostapi Wołowicz, marszałek dworny, podskarbi ziemski, pisarz koronny — ten list do ksiąg głównych trybunałskich województwa Kijowskiego zapisać kazali i jest zapisano, s których i ten wypis jest wydany. Pisan w Lublinie.

Сообщено В. Антоновичемъ.

42.

Грамота короля Сигизмунда, предписывающая старостѣ Черкасскому и Каневскому, князю Михайлу Вишневецкому, разобрать споръ, возникшій вслѣдствіе жалобы землянина Василя Ивановича Жубрика на Ждана Повитку. 1562, мая 11.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski etc.

Staroście Czerkaskiemu i Kaniowskiemu, kniaziowi Michałowi Wisznicwiockiemu. Przyjeżdżał do nas ziemianin nasz Czerkaski, Wasylj Iwanowicz Żubryk, żałujący o tem, że poddany nasz Czerkaski, Żdan Powitka, roku przeszłego, sześćdziesiąt wtórego, wstąpiwszy w post terazniejszy, przeszedł /92/ pierwszej niedzieli i s pomocnikami swymi mocno gwałtem na rzece jego Rdenie gony bobrowe pogonił, ku niemałej krzywdzie i szkodzie ego i bił nam czołem, abyśmy sprawiedliwość w temu jemu z nim czynić kazali; a tak przykazujemy tobie, iżbyś, temu poddanemu naszemu, Zdanowi, przed sobą stać kazawszy, sprawiedliwość o to jemu z nim uczynił i sprawa, w czem on przeciwko jemu winien zostanie, tedy jemu płacić i za to dosyć uczynić kazał i przez to gon bobrowych gonić i w te rzeki wstępować się nie ośmielił, żeby on w tem sobie nie szkodził i nam powtórna żalobą swą nagabania o to nie czynił. Pisan w Wilnie, lato Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 11.

(L. S.) Ostafey Wołowicz.

43.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая мѣщанъ города Любеча отъ уплаты торговыхъ пошлинъ во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1562, августа 5.

Року 1670, февраля 15-го дня.

Пришедши на врьдъ королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене, Петра Хомека, подстаростего Луцкого, мещане господарские Любечские, найме — Гришко Гридковичъ, а Митко Мартиновичъ, покладали передомною на врьде копию зъ листу его королевское милости, подъ печатю его милости пана Павла Ивановича Сопиги, каштеляна Киевскаго, старосты Любечского, съ подписомъ властное руки господарское и тежъ съ подписомъ руки писаря его королевское милости, пана Остафя Воловича, на вольность имъ данное, и просили сами отъ себе, именемъ товаришовъ своихъ, всихъ мещанъ Любечскихъ, абы была вычитана и въ книги кгородские вписана, которая копия такъ ся въ себе маеть: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, а великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтський, Мазовецкий, Инфлянский и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, паниямъ, вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ врьдникомъ и мытникомъ нашимъ господарскимъ и тежъ князьскимъ, /93/ панскимъ и духовнымъ въ великомъ князьстве Литовскомъ, а особливе дворяномъ нашимъ господарскимъ, на выбране поборовъ уставленнымъ: кгда бояре и мещане замку нашего Любецкого, съ которыми колвекъ товары, набираючи занижъ живности на потребу свою, сухимъ путемъ або воденнымъ поедутъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте отъ тыхъ товаровъ ихъ и живностей, што на свою потребу до места тамошнего Любечского попровадятъ, мыта звыклого и побору новоустановленного на мытахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ и духовныхъ не брали, и везде доброволне, нигде ничимъ не гамуючи, ихъ пропускали, конечно абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни, лета Божого нароженя тысяча пятьсотъ шестьдесятъ второго, месеца августа пятого дня. Подпись руки господарское и тежъ подпись писара его королевское милости Остафя Воловича«. А такъ я, тую копию зъ листу господарского, слово отъ слова, с початку ажъ до конца, до книгъ кгородскихъ записати казаль.

Книга Луцкая, гродская, поточная, 1570 года, № 2044-й, стр. 86 на оборотѣ.

44.

Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, содержащія постановленіе о томъ, чтобы обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей подкрѣплялись непремѣнно показаніями свидѣтелей (въ томъ числѣ 3 евреевъ) и чтобы дѣла, возникающія по поводу сихъ обвиненій, судились самимъ королемъ въ присутствіи сейма. Первая грамота издана, по поводу обвиненія въ убіеніи христіанскаго ребенка въ городѣ Нарви мытниками королевскими, евреями: Давидомъ и Ицкомъ Бородавкою, 1564 августа 9. Вторая грамота издана по поводу обвиненія въ томъ же преступленіи еврея Нахима въ городѣ Росошѣ, 1566 мая 20.

Року 1567, февраля 24.

Приходилъ на врьдъ замку господарского, Володимерского, до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимирского, дворенинь господарскій, панъ Янъ Нилскій, зъ листомъ его королевское милости господарское, съ подписю руки и печатю его королевское милости, sprawy пана Матыса Савицкого, писара и секретара его королевское /94/ милости, до всихъ князей и пановъ, воеводъ, каштеляновъ, старость, кнегинь, паней, вдовъ, державецъ и всихъ врадниковъ земскихъ, поветовыхъ, земяновъ и дворанъ его королевское милости, войтовъ, бурмистровъ и радецъ, въ местахъ и селахъ его милости господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ по всему панству его милости господарскомъ, великомъ князстве Литовскомъ, писанымъ листомъ его милости господарское, мнѣ оказывалъ и ку читаню давалъ; въ которомъ листе его кролевская милость рачиль розказать, писать, ознаймуючи всимъ, што первой того у местехъ его милости господарскихъ: Нарви и Белску, была помова на жида, которые отъ справецъ поборовъ и мытъ его королевское милости: Давида Шеперлевича а Изака Бородавки, жидовъ Берестецкихъ, которые на прикоморкахъ коморы подляшское мытъ и поборовъ скарбу его милости господарское престерегали, якобы мели тамъ дѣтя хрестіанское зарезати, злосливый учинокъ надъ народомъ хрестіанскимъ пополняячи; ино, кгда ся тая речъ передъ его милость господаря была приточила, тогды зъ доводовъ светого писма, же крви хрестіанское жидове николи не потребуютъ, але причины звазненя на нихъ покладаны зъ стороны нѣкоторыхъ подданныхъ его милости господарскихъ, абы могли жидовъ зъ мѣсть выкореныти, и зъ иныхъ нѣкоторыхъ явныхъ выводовъ жидовскихъ, передъ его милостью господаремъ на онъ часъ оказанныхъ, вчинити рачиль его королевская милость вырокомъ своимъ господарскимъ отъ того обвиненя волными; а, обезпечаючи ихъ, абы черезъ то неслушными помовами о резане дѣтей и о сакраментѣ не было пренагабаня, дати рачиль ку мешканю ихъ свободному, водле привилевъ предковъ своихъ господарскихъ, королей и великихъ князей ихъ милости, знову привилей свой господарскій, вызволяючи въ таковой речи о резане дѣтей и о сакраментѣ, еслибы где въ панствахъ его милости господарскихъ мела тая помова объявитися на нихъ, отъ всякого квалту, насильства, и моци судовное, отъ всихъ воеводъ, старость и державецъ, будучи то на власный судъ свой господарскій, на которомъ привили який доводъ на жида въ таковомъ обвинени маеть быты чинень, и иные артикулы достаточне суть описаны, который привелей мели они дати вездѣ на врьдехъ его милости господарскихъ, замковыхъ и мѣстскихъ до книгъ вписати и выволати вездѣ по торгахъ и селахъ, абы, о томъ ведаючи, не важился никто съ такими помовами дила втекаться до его милости господаря и до врьдовъ его /95/ милости господарскихъ, хиба ижъбы явными доводы, въ привилю его милости господарскомъ описанями, могъ коли хто на жида довесты. Алежъ, ижъ собе того привилія его милости господарского нигде на врьдехъ не вписали и обволати не дали, прото знову въ местечку Росошскомъ тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, на слугу тогожъ Бородавки, справцы поборовъ и мытъ его милости господарскихъ, таковаяжъ помова о зарезане дитяти хрестіанского

вынурилася была, которое справы з розказане его милости господарского подканцлерий великаго князства Литовского, маршалокъ дворный, староста Берестецкий и Могилевский, панъ Остафей Воловичъ, будучи въ Берести, яко тотъ, въ которого старостве тая речъ помовилася, судовне смотрель, где очевисто отъ Росошского врядника и мещанъ пана тивуновыхъ, жалоба на жида того учинку незбожного доходячи доводы, але голыми и отменными въ словехъ светками попирано, што все панъ подканцлерий на писме и устне его милости господару ознаймыль, с которого господарь его милость достаточне выразумевши, же не мели правныхъ и слушныхъ, водле привилевъ жидовскихъ, доводовъ Росошане, вчинити рачиль жидовъ отъ такового обвиненя волными, на што и вырокъ его милости господарское имъ есть далъ, ижъ и первшого привилея его милости господарского, въ той речи имъ узыченого, нигде на врядахъ не оказали, и до книгъ не вписали и не выволано того по торгахъ, у ведомость всимъ посполите доносячи, зачимъ-бы не важичся никто голыми повестми кидатися на жида, тогды ижъ ся то въ Росошу за недбалостю ихъ надъ ними показало, его королевская милость зъ ласки своей господарской, имъ, яко инымъ народомъ и иновѣрцамъ, въ панствахъ его милости господарскихъ волно перемешкивающимъ, поживення слушного вживати, также и жидомъ, которые за привилеями предковъ его милости господарскихъ и самого господаря его милости, въ панствахъ его милости господарскихъ перемешкивають, ведле звыклости своей господарской, не хотечи нарушать права ихъ, яко привилей на белскую помову такъ и вырокъ на Росошанъ обвинене, которымъ его королевская милость о зарезане детей зъ неслушныхъ сведецтвъ рачиль ихъ дозволить волными вчинити, допускаючи имъ везде до книгъ замковыхъ, и земскихъ, и местныхъ, по всему панству его милости господарскомъ великомъ князстве Литовскомъ, такъ въ местехъ и замцахъ его милости господарскихъ, яко князскихъ и панскихъ, светскихъ и духовныхъ вписати и /96/ обволати по торгамъ всимъ у ведомость людемъ всякого стану донести, якобы ся черезъ то позагамовали изъ такими непевными речми до его милости господаря и до врядовъ его милости господарскихъ втекаты, ажъбы такое обвинене слушне, доводы такими, яко въ привиляхъ его милости господарскихъ суть описаны, передъ его милостю самымъ господаремъ, то есть: трома жида а чотырма християны, людьми добрыми и оселыми, досветчено и оказано и явне переведено было; о чомъ ведаючи и ведле розказання его милости господарского заховываючися, книгъ врядовыхъ на вписане тихъ привилеевъ и листовъ его милости господарскихъ жидомъ не боронили, и обволати везде по торгамъ допускали тотъ артикулъ зъ статуту правъ земскихъ, абы таковыя помовцы на бачности мели, ижъ хто на кого ведетъ, а не доведетъ, тымъ самымъ маеть быти каранъ, а въ якихъ речахъ яко ширей на листе его королевское милости описано есть, при которомъ же оказываню и даваню того листу господарского мне ку читаню, тотъ дворенинъ господарский подалъ мнѣ двѣ копѣи въ речи жидовской, подъ печатю своею, до уписаня до книгъ замковыхъ, поведаючи быть, одну копѣю съ привилею его милости господарского справы Белское, а другую копѣю зъ выроку его королевское милости на Росошане, и тые копѣи на вряде читаны были, и при вряде зостали, которые такъ ся въ собе мають:

Жигимонтъ Августъ, Божю милостю король полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский, и иныхъ, ознаймуемъ всимъ симъ нашимъ листомъ нынешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ били намъ чоломъ подданные наши, жидове великаго князства Литовского, и жаловали передъ нами о томъ, што-жъ дей урядники наши ихъ, неведлугъ правъ, которые мають наданые отъ предковъ нашихъ славное памяти и тежъ отъ пана отца нашего, судять и заховывають и, звазнившись на нихъ, приправують о горла и о маетности ихъ; о чомъ до насъ втеклися зъ великими жалобами своими, ижъ дей великие кривды и шкоды и мордерства терпятъ

противъ правамъ своимъ, которые мають наданые, и просили насъ, абыхъмо ихъ осмотрели, абы-ся имъ такие кривды большей надъ право не деяли, и къ тому тежъ намъ били чоломъ, абыхъмо ихъ обваровали и взычили тогожъ права, которого есмо взычили братіи ихъ, жидомъ коруннымъ, а звлаща о тые два артикулы, што ся тычетъ о мордоване детей хрестіянскихъ и о сакраментѣ; и такъ ся намъ видели прозбы тыхъ /97/ жидовъ великого князства Литовского быти слушныя, поневажъ и мы повинни кождо зъ подданихъ нашихъ, якогжъ колвекъ рожаю въ покою а справедливости заховати, абы ся надъ право никому не дѣяло и тожъ видели есмо права, имъ наданые отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашего славное памяти, и надто видели есмо папежа хрестіянского свидетельства, въ которомъ описуеъ, ижъ они тому невинни и того не потребують, тогды есмо призоулили на тое жедаие ихъ и даемъ имъ на вечныя часы тое, што ся стало теперъ въ Белску о мордоване дѣтати хрестіянского обвинене на никоторого жида; и где-бы южъ колвекъ въ князстве Литовскомъ который жидъ былъ обвиненъ о мордоване детей хрестіянскихъ, або о сакраментѣ, тогды приказуемы своимъ врядникамъ, нашимъ княземъ, паномъ, старостомъ войтомъ, бурмистромъ и всимъ инымъ, такъ духовнымъ, яко и светскимъ, абы жаденъ такого жида въ той мери не судилъ, але жебы былъ на поруку выданъ на два жида съ того-жъ места, або еслибы въ томъ месте жидовъ не было, тогды зъ другого места близкого до розсудку нашего и то нигде инде не маемъ судити, одно на валномъ сойме, где будемъ зъ зуполною радою нашою седети, а где-бы тотъ жидъ по себе такъ борзо поруки не далъ, тоды маеъ быти осаженъ до вязеня и то не до тяжкого, але на месце почтливое; а скоро бы по себе поруку далъ, тогды маеъ быти воленъ отъ везеня, а где бы тая речъ передъ насъ пришла, где мы будемо зуполною радою нашою на валномъ сойме седѣти, тогды мземъ тымъ правомъ судити, то естъ, хто бы жида обвинилъ о замордоване детей, або о сакраментѣ, тогды маеъ на него доводиы чотырма хрестіяне добре оселыми а не подозреными а трема жида, такожъ неподозреными, а где бы того не довелъ ведлугъ обвиненя таковыми светками, таковой маеъ быти каранъ горломъ и маетностью; а если бы якие листы отъ насъ, або съ канцелярей наше вышли, тому то привилееви противныя, тогды мы, господарь, симъ нашимъ листомъ тые листы касуемо, и тые привилія въ целости зо всеми артикулы зоставуемо, што маеъ вечно и непорушне трвати; а еслибъ который зъ врядниковъ нашихъ сему росказаню нашему противитися мелъ, тогды мы приказуемо, подъ ласкою нашою и подъ зарукою десяти тысячьма копами грошей, абы иначе того не чинили, а для лепшей сведомости печать нашу казали есмо завесити и руку есмо нашу подписали. Данъ у Парцеве, року Божого нароженя тысяча пятьсотъ шесдесять четвертого, месяца августа /98/ девятого дня. Жигимонтъ Августъ король. Миколай Радивилъ, воевода Виленскій.

Жигимонтъ Августъ, Божою милостю король Полскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифлянский и инныхъ, ознаймуетъ симъ листомъ нашимъ всимъ посполите, што тыхъ прошлыхъ часовъ дошла насъ жалоба отъ поданныхъ нашихъ, жидовъ Берестецкихъ, же мещане Росошские, тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, звазнывшися, безвинне помовили одного жида, именемъ Нахима, служебника справцы поборовъ и мытъ нашихъ, Изаака Бродавки, который въ Росошу поборовъ и мытъ нашихъ; перестерегалъ на прикоморку Берестейскомъ, якобы дей онъ мелъ дитя хрестіянское одное невесты, мещанки Росошское, окрутне замордовати, беручи себе Росошские мещане съ того прикладъ, што ся было передъ тымъ два годы въ месте нашомъ, Нарви, стало, и якую трудность о то, будучи обвинени также о зарезане дѣтати хрестіянского черезъ слуги того-жъ Бродавки, вси жидови мели, где господарь, за выведенемъ слушнымъ, ижъ крови детей хрестіянскихъ жидове не потребують и въ законе ихъ зменки жадное о томъ нетъ, гдыжъ доводы слушными не

было то на нихъ доведено съ такового обвиненя и помовы, в Нарви на нихъ вчиненое, привилеемъ нашимъ господарскимъ на вечные часы есмо ихъ вызволили, хйба-бы таковой злый учинокъ слушне на жида, водле ихъ права, отъ продковъ нашихъ королей и великихъ князей ихъ милости наданого, трема жида а чотырма хрестияне, вери годными и оселыми, было переведено, тожъ злочинца жидъ и таковой мордеръ ма быти каранъ, на которомъ привилею нашомъ, жидомъ всимъ недавно даномъ, тые артикулы о резане детей и о сакраментъ суть достаточне выписаны, который передъ нами, господаремъ, покладали, где особливе на немъ и того доложено, же о таковые зъ завасненя помовы о дети и о сакраментъ, где бы ся колвекъ въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, притрафило на жида, ничто иной, одно ми сами, господарь, съ паны радами нашими ихъ милостю того дела на сойме валномъ маемъ досмотревати и судити, нижли на сей часъ, не ждучи жидове въ той речи сойму пришлого ку справедливеню своему, яко на привилею нашомъ есть описано, але хотечи невинность свою сказати, доброволне вдавшись на прислухане тое sprawy подканцлерого нашего великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского, /99/ и Могилевского, пана Остафъя Воловича, яко того, въ которого старостве, въ местечку тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, Росошскомъ, тая речъ теперъ на нихъ о зарезане детяти взновилася, а такъ панъ подканцлерый, будучи въ Берести, жалобы врьдника пана тивуна Виленского, Росошскаго, Онушка и мещанъ Росошскихъ, прислухавши того дела достаточне, а приехавши до насъ, господаря, на сеймъ Любельский, всю тую справу устне и на писме оказъ передъ нами вчиниль, который весь нашъ листъ короткими словы вписаты росказалы. Найпервый оный жидъ Нахимъ, на которого помова о зарезане детяти учинена была, выручонъ зъ везеня Росошского черезъ поручниковъ, жидовъ тамошнихъ же Росошскихъ — наймя: Ицка Крутка, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминова, а Песаха и Давида Хемичовъ, Мошка Зубка, Езифа Майка — Якушевичовъ, Ицка Долгошию, Майра Абрамовича, Якуша Малого и зятя его Абрама Шмарка, а Ицка Кураковича, а потомъ, ижъ зъ боязни втекъ, про то панъ подканцлерый, за жалобою врьдника, Росошского, яко въ речи крвавой, которая суду и врьду замковому належала, маючи мнимане окою зарезаня того дитяти, хотечи ся певностью справити, посылалъ до Росоша на доведане тое речи служебника своего Чернского, росказавши, доводне людей тамошнихъ опытывати и сведецтва слухати, который, въ Росоше бывши, чого ся доведало и што передъ нимъ мужики и жонки светчили, яко тотъ Нахимъ, зъ Городыща едучи, дитя, которое шло за матерью въ поле, у возъ взявши, до дому своего везъ; ведже не въ одно слово и не згожались, але розни; одны голову, другие руки дитяти видевши у возе у жида Нахима, повелили; яко то и коня жида оного следъ, коли зъ Городыща ехалъ, черезъ врьдника городышскаго Онушка былъ вымерень, знакъ съ того беручи — ижъ дей трехъ подковъ у коня не было, одна четвертая зостала, для чого и конь тотъ былъ взятъ на врьдъ, а то болшая, на чомъ всю речъ, певности приводячи, садили, жебы светкове въ месте пана подканцлерого помененые Росошские мещане, мещанки и наймыти, для широкости оныхъ тутъ именъ не вписуючи, передъ Чернскимъ, служебникомъ и посланцомъ пана его милости, сознавали и светчили, яко-бы тая ведомость вышла отъ девчины жидовское, дочки доманиное (sic) некое Лиханки, которой можетъ быть семъ летъ, тая де, вышедши зъ дому своего за наймичкою до води, хусты прала, а взявши у реки, шла ся треть до бровару, где пиво варили, тамъ пять светковъ мужчизнь, а /100/ две белыхъ головъ слышали отъ тое девчины жидовское, передъ нами поведаючи, же Нахимъ жидъ, до ихъ дому дитя привезши, три дни въ печи светличной ховалъ, кормячи пирогами, горелкою и медомъ поячи, а потомъ дей тотъ Нахимъ зъ Рабеемъ, другимъ жидомъ, въ ночи тое дитя зарезали, а братъ ее, Ицка, за руки держалъ, чого ся дей девчина злякнула, мнимаючи, жебы брата ее, Зелка, режутъ, а по зарезаню лупили и,

серца вынявши, лизали, а такъ пана подканцлерого посланецъ Чернский, досветчаючи правды, по одному тыхъ светковъ пыталъ, которые дей передъ нимъ въ одно слово не згожалыся: одны поведелы: — слышали отъ девчины, же, сердце вынүвши, спекли и зъели, а другие — толко лизали, даючи того причину, же у броваре негораздъ дослышели у нее, што съ тымъ сердцемъ учинено, где оный Чернский, доходечи речи певнейшее, тую девчину помененую передъ собою поставивши, яко посланца врядовый, пыталъ, которымъ обычаемъ, — а хто тое дѣтя замордовалъ? она дей згола до жадное речи не зналася, же о томъ ничего не ведаеть. И то все тотъ Черньский, чого ся выведалъ, на писме до пана своего принесъ, яко ся вышей написано; за чимъ вранникъ пана тивонувъ городыщскпй, Григорей Онушко, въ той речи крвавой, которая суду замковому звлаща зъ слугами мытными належить, знову постановившися на вряде на томъ въ Берести передъ его милостю паномъ подканцлерымъ поручниковъ, которые по ономъ Нахиме ручили, подданую пана своего мещанку, матку оного замурдованого дитяти, жалобу чинилъ и выпись съ книгъ врядовыхъ покладалъ, на которыхъ обвожене вижами того дитяти, яко есть замордовано и якие раны на немъ огледено, ино панъ подканцлерый, хотячи самъ обо всемъ взяти ведомость надъ опытыване служебника своего Чернскаго, и гды вси тые светки на врядъ его милости были поставлены зъ Росоша, яко Чернский имени на своемъ листе выписалъ, вызываючи по одному ку собе, выведане делалъ и слухалъ свидетельства ихъ, ино светки вси розно светчили передъ его милостю, придаючи и уменшаючи словъ, и не потому, яко передъ Чернскимъ сознавали, также въ болшомъ свидетельстве, на чомъ речь свою садили Росошский вранникъ съ подданными пана своего, слышевши светкове отъ девчины жидовское въ шести або въ семи лѣтахъ: одни поведали, же-бы сердце, виневши, спекли и зъели, а другие — лизали и лупили тело, и на свидетельство, передъ Чернскимъ чиненое, дни, коли ся то стало, чого передъ нимъ не сознавали, кгда-жъ на писме Чернскаго вызнане /101/ каждого слова были описаны, передъ паномъ подканцлерымъ речь свою зменили, про то жидове Берестейские зо всимъ зборомъ своимъ, а звлаща именемъ: — Абрамъ Длукгачъ, Мошей Липчинъ, Мендель Изаковичъ, Изакъ Бродавка, Рабей, Мордушъ, Лазаръ Песаховичъ, а Липманъ Шмерлевичъ оныхъ жидовъ Росошскихъ, наймя: Ицка Крутка, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминога, а Песаха и Давида Хемичовъ, Мошка Зубка, Езыфа Майка — Якушевичовъ, Ицка Долгошыего, Майка Абрамовича, Якуша Малого, и зятя его Абрама Шмарка, и Ицка Кураковича, которые на свое рукоемство жида Нахима обвиненого были взяли, беручи тежъ ихъ на рукоемство свое, водле привилля нашего, имъ даного, взяли собе до насъ, господаря, то хотечи, зъ выроку нашего того умерити, што быхъ-мо розсудкомъ нашимъ господарскимъ въ той речи найти и застановити мели. Которое-ж тое справы пана подканцлерого на писме и устне передъ нами вчиненое; а, намовившися зъ его милостю въ томъ достаточне, не могли есмо во всихъ тыхъ свидетельствахъ обачити, чимъ-бы около того дитяти замордованого мели мети зъ стороны пана тивуна Виленского подданныхъ слүшный приступъ, за такими розными доводы и мененемъ речи не въ одно слово сознавающихъ, ку поконаню присягами або долшимъ поступкомъ правнымъ на оныхъ жидовъ Росошскихъ, кгда-жъ еще къ тому отъ предковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, а потомъ вже отъ насъ, господаря, по помове въ Нарви и въ Белску на жяды о такое жъ замордоване дитяти, привилля наши суть имъ выданы, въ которыхъ меновите около того есть написано, же ажбы чотырма хрестыянми а трема жидами о таковую речь дѣтей мордованя або о сакраментъ было слүшне переведено, прото, якъ суть жидове отъ всякое моцы воеводъ, старость, державецъ нашихъ и отъ суду ихъ въ таковыхъ двухъ речахъ привиллями нашими вызволенные а нашому власному господарскому суду належать, тогды, водле оказаня явного тое справы, которую панъ подканцлерый нашъ, въ Берестю будучи, всякую пилность вчинивши, и свидетельства, чимъ вранникъ и подданные пана тивуна

Виленского Росошские того замордованя дитяти доходили, прислухивалъ, доводы такие и свидетельства голые, на сторону есмо отложивши, вырокомъ нашимъ господарскимъ оныхъ жидовъ Росошскихъ — Нахима и жидовку Арабею и иныхъ, на которыхъ помова тая была взнята и поручниковъ по нихъ, такъ жидовъ Берестейскихъ яко и Росошскихъ, которые въ листе пана подканцле-/102/рого имени суть описаны, волными есмо вчинили, вскладаючи еще меновите въ сей нашъ листъ такой варунокъ жидомъ панства нашего великого князства Литовского на семь листе нашомъ водле первшого привилія нашего, перве сего имъ даного, ижъ о такую речъ и помову резаня детей и о сакраментъ ниhto иный, одно мы сами, господарь, съ паны радами нашими ихъ милостю, жидовъ судити маемо, где бы ся въ которыхъ поветехъ або местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскмхъ, въ панстве нашомъ велмкомъ князстве Литовскомъ помова явная и таемная зъ причинъ завасненихъ на жида стала, а што ся тычетъ свидетельства о такую речъ, ино, ведле привилевъ давныхъ и нашего привилія по Белской справѣ, въ таковой же речи и отъ насъ даного, — инакъ не маеть быти на жида переведено, только трема жида а чотырма хрестыяны, людьми добрыми и оселыми а неподозренными, а ижъ-бы такие помовы, непотребные въ ихъ законе, на жида уступали и гдыжъ въ панствахъ нашихъ розные народы, зъ ласки наше господарское доброволне мешкаючи, обыште свое мають, тогды и жидомъ, водле привилевъ продковъ нашихъ, зъ ласки господарское вшелякого обыштыя и того артикулу, въ статуте правъ земскихъ описаного, узычземъ вживати, ижъ, хто бы на кого у суду што велъ и не довелъ, тымъ самъ маеть быти каранъ, и на то дали есмо всимъ жидомъ въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, сей нашъ листъ, до которого на твердость тое речи и печать нашу притиснути есмо казали. Писанъ въ Люблине, лета Божого нароженя тысяча пять сотъ шестдесятъ шестого, месяца мая двадцатого дня. Жигимонтъ Августъ, король полский. Матысь Савицкий, писарь и секретарь. И просили мене жидове места господарского, Володимерского, абыхъ я тые копѣи зъ привилея и выроку господарского въ книги замковые записати казалъ и то на рынку у Володимери в торгу обволати допустилъ; я, заховываючися въ томъ ведлугъ росказаня и листу его милости господарского, тые копѣи первопомененные съ привилея его милости господарского на Белскую помову, такъ тежъ зъ выроку на Росошанъ отъ дворянина его королевское милости, подъ печатью его мне данные, слово отъ слова въ книги замковые записати казалъ и то на рынку у Володимери въ торгу обволати допустилъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1567 года, № 934, листъ 27-й, /103/

45.

Грамота старосты Овруцкого, князя Андрея Тимофеевича Капусты, жалующая землянину Исааку Онуфріевичу землю Ходотовщину, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1565 г. августа 2.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w miescie jego królewskiej mości Owruclu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału wojewodztwa Kijowskiego y xięgami ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Bazyli Rapsztynski, skarbnik Derbski, oryginał listu, od niegdy wielmożnego jego mości pana Andrzeja Tymofeiowicza Kapusty, starosty Owruckiego, niegdy urodzonemu jego mości panu Onufreju Iwanowiczu, przy pieczęci przycisnioney, na ziemie Chodotowszczyzne danego y służącego, stylem ruskim pisany, zbutwiały et vertustate temporis przy końcach poszarpany, praevia manifestatione, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, facta, podał per oblatam y temi iest, z ruskiego na polskie wyłożony, inserowany słowy: Ja, Andrzej Tymofijewicz Kapusta, starosta Owrucki. Dali mnie sprawę poddani hospodarscy Owruccy na ziemianina hospodarskiego, Onofreja Iwanowicza, iakoby on ziemie Chodolowszczyzne, która się nazywa Kochanowszczyzną, w zastawiu bez żadney daniny trzymać miał, gdzie ja, za sprawą poddanych hospodarskich, tę ziemie wziąć chiał y ku zamku hospodarskiemu Owruckiemu przywrocić, niżeli syn Onofrijow Isak list bywszego starosty Owruckiego, pana Jesyfa Michajłowicza Chaleckiego, na te ziemie mnie pokazywał, w którym napisano iest, że oycu jego Onufrejowi y dzieciom tę ziemie na służbę hospodarską dał dowoli y prosił mnie Isak Onofrejewicz, abyśmy jego przy tej ziemi wyszpomienioney zachowali, a tak ia, wejrzawszy w list pana Chaleckiego y rozumiejąc to, iż iest lepsza służba hospodarskiej ziemi, aniżeli by miała pusto leżeć, a widząc to, iż on zawždy, nie omieszkiwając nigdy służby hospodarskiej, z tey ziemi tę ziemie Chodotowszczyzne, mianowano Kochanowszczyzne, w zastawiu według listu pana Chaleckiego, z siedliskiem, z niwami, y z sianożęciami, y z drzewem bartnym do rąk podającego y ze wszystkim, iako się ta ziemia z dawna w sobie ma, Isaku Onofrejewiczu na służbę hospodarską ziemską dał, do woli a łaski hospodarskiej; ma on tę ziemie na siebie trzymać y wżywac y służbę wespuł z inszemi ziemiany /104/ Owruckimi zawsze z niey służyć hospodarowi jego miłosti, a podatkov y powinności zamkowych żadnych niema z niey pełnić; y na to jemu dał ten mój lisi pod moją pieczęcią. Pisan w Możeykowie, roku Bozego tysiąc pięćset sześćdziesiąt piątego, miesiąca Augusta wtórego dnia. (Locus sigili) Który ze to list, za podaniem y prozbą wysz mianowanego jego mości podawającego, a za moim urzędowym przyjęciem, słowo w słowo, iako się w sobie ma, do xiąg ninieyszych, grodzkich generału wojewodztwa Kijowskiego iest ingrossowanny.

Книга Кіевская городская, 1734 года, листъ 163 на обор. № 38.

46.

Грамота Сигизмунда-Августа, содержащая въ себѣ распоряженіе о томъ, чтобы купцы-евреи, понесшіе убытки отъ сборщиковъ королевскихъ пошлинь, евреевъ: Исаака Бородавки и Менделя Исааковича, требовали-бы удовлетворенія немедленно, а не ожидали окончанія срока ихъ должности, такъ какъ выжиданіемъ и угрозами они приводятъ сборщиковъ въ смятеніе и причиняютъ убытки королевской казнѣ, 1567 года, мая 27.

Лѣта Божого нароженя 1567, месяца Іюля 26.

Приходили до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимірского, писари мытные и поборовые коморы володимірское, жидове: Маиръ Изаляшевичъ и Майръ Докторовичъ за листомъ его королевское милости до всихъ подданныхъ его милости господарскихъ, жидов тых, которые перемешкивают в замцах, дворех, местах и селех, его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству его милости господарскому, великому князству Литовскому, за данем справки его королевское милости отъ справецъ мытъ и поборовъ его милости господарскихъ: Изака Бродавки а Мензеля Изаковича, писаннымъ о росправу, еслибы кто до нихъ самыхъ або писаровъ ихъ въ справе мытной и поборовой мель якую кривду а, по выдержаню аренды ихъ, хотели того на нихъ поискивати, абы теперъ до выйтъя аренды зъ ними въ той справе передъ господаремъ /105/ его милости росправилися, для постереження того, абы шкода въ пожиткахъ скарбу его милости господарскому не делалася, чего причина меновите на томъ листе его милости господарскомъ доложона и описана, и тотъ листъ его милости господарский они на вряде передомною показывали, который-же читанъ былъ увесь достаточне, почавши с початку ажъ до конца, итакъ ся въ себе маеть: »Жигимонтъ Августъ, Божою милостью король Польский, Белский, князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ, по всимъ подданнымъ нашимъ и жидамъ тымъ, которые перемешкиваютъ въ замцахъ, въ дворехъ, въ местахъ и селахъ нашихъ господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству нашему, великому князству Литовскому. Дали намъ того справу справцы мытъ и поборовъ нашихъ: Изакъ Бродавка а Мендель Изаковичъ о томъ, иж дей вы слугомъ и писаромъ ихъ, на коморахъ и прикоморкахъ мытныхъ и поборовыхъ уставленнымъ, которые на васъ отъ товаровъ вашихъ, водле уфалы и постановеня соймоваго, мытъ и поборъ звыклые берутъ и, за невыданемъ отъ васъ мыта и поборовъ, товары ваши въ промыте забирають, отповеди и пофалки чините, хотячи того на ихъ самыхъ и на тыхъ справцахъ нашихъ, по выдержаню аренды ихъ, поискивати и ото зъ ними право вести, меняче, якобы они неслушне и неведлугъ постановеня соймоваго зъ вами поступовати мели, зачимъ-дей они на васъ мыта и поборовъ отъ товаровъ вашихъ и безпечне и сполне выбирати не могутъ, а затымъ ся скарбу нашему великая шкода дееть; а прото мы, господарь, постерегаючи того, якобы за тими споры и незгодами вашими, шкода въ пожиткахъ скарбу нашего не дѣялася для тогожъ, еслибы есте собе отъ нихъ въ той справе мытной кривду якую мели, а до выштъя аренды ихъ откладали, тогды приказуемъ вамъ, ажбы есте теперъ заразъ въ томъ зъ ними передъ нами, господаремъ, яко въ речи поборовой, расправилися, а заочне некоторыхъ пофалокъ имъ самимъ и справцамъ ихъ не чинили, а кгда вы есте, теперъ зъ ними не росправившися, на иншій часъ откладали, тогды потомъ, кеды они тую справу мытную и поборовую зъ рукъ своихъ пустятъ, зъ ними в то некоторого права мети, а жадныхъ, презысковъ на нихъ доходити не будете мочи. — Писанъ у Петрикове, лѣта Божего нароженя тысяча пятьсотъ шесдесять сегомо, месяца Мая двадцать сегомо дня. Матысь Савицкій писарь«. И просилн мене тые писари мытные и поборовые коморы Володимірское, первопомененные Маиروه, абы я тотъ /106/ листъ его королевское милости въ книги замковые вписати казалъ, и то въ месте Володимірскомъ на рынку имъ дати обволати допустилъ. Я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые казавши вписати, и на рынку въ месте Володимірскомъ имъ то дать обволать допустилъ.

47.

Грамота Сигизмунда-Августа къ жителямъ воеводства Волынского о томъ, чтобы они не препятствовали сбору пошлинъ съ рыбы, вывозимой за границу изъ прудовъ волынскихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи рыбы въ пользу королевской казны. 1567 года, ноября 10

Лѣта Божого нароженя 1567, Месаца Декабря 9 дня.

Пришедши на врьдъ замку господарского, Володимірского, передъ мене, Михайла Привередовского, подстаростего Влодимирского, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірское, Іюда Агроновичъ, показоваль мне листь его кролевское милости, подъ печатю его милости господарскою а подписю руки его милости, господарское и писарское, пана Матыса Савицкого, до князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старость, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, земяновъ и дворанъ его милости господарскихъ, и всихъ тихъ, которые имена и оселости свои въ земли Волынской мають, писаный, иж дей, делаючи постановене и торгъ съ купцами заграничными, ставы въ именяхъ своихъ на Волыню спускаючи и купцомъ заграничнымъ, рыбы солёные въ бочкахъ продаючи, подводами своими до Лвова, индей за границу, до коруны полское, а Волыня не даючи и не поступаючи отъ того мыта и побору, выпроваживають, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ, которые, мыта и побору заступючи, и дорожше имъ рыбы продаючи, то, штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу его милости господарского прійти мело на себе берутъ, приказуючи, ижбы всихъ купцовъ, торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаютъ, отъ мыта и побору не заступо-**/107/**вали, и не закрываючи ихъ, того собе не привлащали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и, хто-бы колвекъ зъ ставовъ ихъ за границу проводить хотель, брати не забороняли, яко ширей на томъ листе его кролевское милости написано есть, и тотъ листь его кролевское милости читанъ былъ увесь достаточне, почавъши съ початку ажъ до конца, который такъ ся въ собе маеть: »Жигимонтъ-Августъ, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, княгинямъ, панеямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивуномъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, и всимъ тымъ, которые имена и оселости свои въ земли Волынской мають, маемъ того ведомость, — ижъдей вы, делаючи постановене и торги съ купцами заграничными, ставы въ именяхъ своихъ тамъ на Волыню спускаючи и купцомъ заграничнымъ рыбы солёные въ бочкахъ продаючи, подводами дей своими до Лвова и индей за границу, да коруны полское, отъ толь зъ Волыня не даючи и поступаючи и отъ того мыта и побору выпроваживаєте, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ нѣкоторые зъ васъ, отъ мыта и побору заступючи и дорожшей имъ рыбы продаючи, то штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу нашего прійти мело, на себе берете, въ чомъ ся шкода скарбу нашему немалая отъ васъ дееть, што намъ не-помалу отъ васъ дивно есть, и зъ ласкою нашою того отъ васъ пріймовати не можемъ, ижъ вы таковыми участниками скарбу нашего за впоромъ и непослушенствомъ листовъ нашихъ господарскихъ, не поедно-кrotь о томъ до васъ писаныхъ, быти хочете; якожъ, не хотечи болшей шкоды скарбу нашего терпети, посылаемъ тамъ дворенина нашего, Мартина Кобылскаго, и приказуемъ вамъ, ажъ-бы есте всихъ купцовъ и торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаете, отъ

мыта и побору не заступовали и, не закрываючи ихъ, того собе не привлащали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ старосты Жомоитского, маршалка земского великаго князства Литовского, администратора и Гетмана въ землѣ Лифлянской, державцы Плотелского и Телшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а отъ подканцлерого великаго князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского а Кобрынского, пана Остафія Воловича, тамъ уставленнымъ, мыта и побору отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и хто бы колвекъ /108/ зъ ставовъ вашихъ за границу впровадити хотель, брати не забороняли, если-жъ-бы есте на сее расказанье наше, ничего не дбаючи, мыта и побору справцамъ поборовымъ волынскимъ, которые за границу проважаны будутъ, сами не давали и на купцовъ брати забороняли, мы рассказали тому дворенину нашему, абы онъ, посполъ зъ справцами поборовыми, волынскими, купцовъ и всѣхъ зъ таковыми рыбами, хто бы одно за границу кромъ побору и мыта провадити хотель, у промыту на насъ, господара, забирати, вы бы о томъ ведаючи, тому дворенину нашему въ томъ противни не были и никоторое небезпечности ему учинити не смели, подъ закладомъ на насъ, господаря, на каждого зъ васъ особу, петнасты копами грошей. Писанъ у Лебедеве, лѣта Божого нароженя тысяча патсотъ шесдесять сегого, месеца ноября десятого дня. »Жикгмонтъ-Августъ, рексъ е цетера, Матысъ Савицкій, писаръ«. И просилъ мене Юда Агроновичъ, абы тотъ листъ его королевское милости въ книги замковые вписанъ былъ, я за прозбою его тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые вписати казалъ.

Книга Владимірская гродская, 1567 года, № 934, листъ 202.

Прамѣчаніе. — Такая-же грамота была издана Сигизмундомъ-Августомъ и въ слѣдующемъ 1568 году, ноября 20. (См. киига гродская Луцкая, поточная, 1568 года, № 2042, стр 397).

48.

Грамота Сигизмунда-Августа къ мѣщанамъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 копъ грошей, не принимать въ дома свои проѣзжихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока товары ихъ не будутъ освидѣтельствованы сборщиками таможенныхъ пошлинь. 1567 года, ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1567, мѣсяца Декабря 9 дня.

Пришедши на врадъ замку господарского, Володимірского, перед мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимірского, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірское, Юда Агроно-/109/вич, показовал мне лист его королевское милости, под печатю его милости господарскою и подписю руки писара его милости господарского, пана Матыса Савицкаго, до войтовъ, бурмистров, радец, и всихъ мѣщан мест его милости господарских и теж князских, панских, и духовных, в панстве его милости господарском, великом князстве Литовском, писаный, приказуючи: абы всихъ таковыхъ купцов, хто-бы кольвек съ товары своими до мест приездил, первой на поборехъ справцамъ мытным и поборовымъ оповедавши, тогдыж на господахъ в домехъ своихъ

становиш, яко ширей на том листе его милости господарскомъ описано есть; и тот лист его милости господарский читан был увесь достаточне, почавши с початку аж до конца, который так ся в себе мает:

»Жикгимонт Август, Божю милостью корол Полскій, великий князь Литовский, Руский, Прусский, Жомойтский, Мазовецкий, Ифлянтский и иныхъ. Войтом, бурмистром, радцам, и всим мѣщанам мѣсть нашихъ господарских и теж — князским, панским и духовным, в панстве нашомъ у великом князстве Литовском. Дал нам того справу поборца и мытник наш Мендел Изакович: иж-дей вы гостей, купцов, чужеземцов, и тубылцов, которые с товары своими до мѣсть приежчаютъ, не оповедавши справцамъ поборовым и мытным на поборе, кром ведомости, ихъ в домех своих на господах ставите, и за тым-дей они, товары свои розвязываючи, зъ возов выкладывают и втаиваютъ, — а в том ся не малая шкода скарбу нашому в поборах деет. А так приказуем вам, ажбы есте всих таковых купцов, хтобы колвек с товары своими до мест приездил, первой на поборах справцам мытнымъ и поборовымъ оповедавши, тогды-жъ на господах в домех своихъ становили; а того абы есте чинити не смели, под закладомъ на насъ господара, на каждого з васъ особу петма сты копами грошей. Писанъ у Лебедеви, лета Божого нароженя, тысяча пятсотъ шестдесятъ семого, месеца Ноябра третегонадцать дня. Матысь Савицкій писарь». И просилъ мене Юда Агроновичъ, абы тотъ листъ его королевское милости в книги замковые вписанъ быть; я, за прозбою его, тотъ листъ его королевское милости слово от слова в книги замковые вписати казалъ.

Книга Владимирская гродская, 1567 года, № 934, листъ 201 на об. /110/

49.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ судиться съ сборщиками таможенныхъ пошлинъ исключительно въ королевскомъ судѣ. 1567 г., ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1558 года, месеца Юня 8 дня.

Пришедчи на врьдъ замку господарского, Володимерского, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, жидове Володимерские, писары поборовые и мытные коморы Володымерское, Маир Изаевичъ, а Юда Агроновичъ, отъ жида Берестейского Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленные, показали передомною листъ его королевское милости, писаный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старость, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, землянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врьдниковъ его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, въ панстве его королевское милости, великомъ князстве Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листъ его милости господарский, до книгъ врьдовыхъ замку его милости господарского, Володимерского, уписати велелъ; я того листу его королевское милости оглядавши и достаточне его вычитавши за прозьбою его слово отъ слова въ книги замковые вписати велелъ, которыйжъ листъ такъ ся в собе маетъ:

»Жикгимоать-Августъ, Божю милостю король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий , Лифлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земляномъ и дворяномъ нашимъ господарскимъ и тежъ князскимъ, паскимъ и духовнымъ, въ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, што которые поборы въ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, арендовали есмо старосте Жомоитскому, маршалку земскому великого князства Литовскаго, администратору и Гетману въ земли Лифлянтской , державцы Плотелскому и Телшовскому, пану Яну Яронимовичу Ходкевичу, а подканцлерому великого князства Литовскаго, маршалку дворному, старосте Берестейскому и Кобрынскому, пану Остафію Воловичу, а ихъ милость тые вси поборы поручили въ моцъ и въ справу мытнику нашему, жиду Берестейскому, Менделю /111/ Изаковичу, яко сведомому, который далъ намъ справу, ижъ дей вы сами и врадники ваши справецъ его мытныхъ и поборовыхъ, которыхъ онъ по всихъ коморахъ и прикоморкахъ нашихъ для отбирания и перестерегания мыта и побору установилъ, и суду передъ себе притягаючи, такъ въ справахъ мытныхъ и поборовыхъ, яко и в ыншихъ речахъ, даючи имъ леда якие причины, кгвалтомъ ихъ судите и трудности имъ, надъ обычаемъ давнымъ, и надъ постановене нашо господарское въ томъ делаете; а такъ, ижъ кождый мытникъ и поборца, albo арендаръ, хто бы одно колвекъ якимъ пожиткомъ скарбу нашего шафовалъ, водле постановеня нашего, не повиненъ ни передъ кимъ инымъ, толко передъ нами, господаремъ, або паномъ подскарбимъ земскимъ, або тежъ, кому быхмо мы злецыли, становитися и отказовати; про то всимъ верхоменнымъ вовецъ приказуемъ, ажъ бы есте всихъ справецъ и слугъ его поборовыхъ и мытныхъ, везде на коморахъ и прикоморкахъ от него уставленныхъ, што бы ся дотыкало речи побороное и мытное, и тежъ и в ыныхъ всихъ речахъ, кромъ права горячого и иного злочинства, сами не судили и врядникомъ своимъ судити не казали, и кгвалтомъ ихъ до того не примушали, трудностей ни которыхъ надъ росказанье и постановене нашо не чинечи, але если бы кому якая потреба до нихъ была, тогды нехай бы ихъ передъ нами, господаремъ, albo кому быхмо мы поручили, правомъ уживали, такъ же тежъ, если бы они помочи отъ васъ потребовали, абы есте имъ во всемъ въ справахъ поборовыхъ и мытныхъ помочь зъ урядовъ своихъ давали и отъ всякихъ кривдъ, отколъ бы ся имъ деяти мели, боронили. Писанъ у Лебедеве, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ шестьдесятъ сегого, месяца ноября третегонадцать дня. Матысь Савицкій писарь«.

Книга Владимірская гродская, 1568 года, № 935, листъ 62, на об.

50.

Грамота Сигизмунда-Августа къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ прекратитъ угрозы и оскорбленія, наносимыя евреямъ, сборщикамъ таможенныхъ пошлинь. 1567 г. ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1568, июня 8 дня. /112/

Пришедчи на врьдъ замку господарьского володимирского, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего володимерского, Жидове володимерские, писары поборовые и мытныя коморы володимерское, Маиръ Изаевичъ, а Июда Агроновичъ, отъ жида Берестейскаго Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленные, показали передо мною листь его Кролевское милости, писаный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старость, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ земянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врьдниковъ его милости господарьскихъ, и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, в панстве его кролевское милости, великомъ князствѣ Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листь его милости господарьский, до книгъ врьдovýchъ замку его милости господарьского володимерского вписаты велель; я того листу его кролевское милости огледавши и достаточне его вычитавши, за прозбою ихъ, слово отъ слова, в книги замковые вписати велель, который жъ листь так ся в себе маеть: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский, и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земянномъ и двораномъ нашимъ, войтомъ, бумистромъ, радцамъ и всимъ врьдникомъ нашимъ господарьскимъ, и тежъ князскимъ, панскимъ и духовнымъ, в панстве нашемъ великомъ князстве Литовскомъ. Дать намъ справу поборца и мытнись нашъ Мендель Изаковичъ, ижъ дей вы, безвинне зваснившись на него и на справецъ его мытныхъ и поборовыхъ, от него на коморахъ для справъ поборовыхъ уставленныхъ, отповеди и пофалки имъ чините и на здоровье ихъ стоите, хотечи ихъ здоровья позбавить, для которыхъ они отповедей и пофалокъ вашихъ, такъ здоровья своего, яко мыта и побору на коморахъ и прикоморкахъ звыклыхъ, и тежъ за листы нашими новоуставленныхъ перестерегати не безпечность; а втомъ ся не малая шкода скарбу нашему отъ васъ дееть; а такъ мы, не хотечи, абы для того скарбъ нашъ шкоды отъ васъ не приимоваль, приказуемъ вамъ под закладомъ на насъ господаря, на кожного з васъ особу тисечма копами грошей, жебы есте вжо черезъ то никоторыхъ отповедей и пофалокъ тымъ справцамъ нашимъ поборовымъ и мытнымъ и слугамъ ихъ сами не чинили, врьдникомъ, бояромъ, и слугамъ и людемъ своимъ того чинити /113/ не казали, и на здоровье ихъ ничимъ не стояли, словы неуцтивыми, а ни рукою на нихъ не сегали и во всемъ бы ся есте ку нимъ спокойне заховали, такъ яко бы они мыта и побору перестерегати отъ васъ безпечни были; ведже еслибы кому з васъ была до нихъ которая потреба, вы бы ся в томъ з ними правомъ обходили. Писанъ у Лебедеве, Лета Божего нароченя тысяча пятсотъ шестьдесятъ сегого, месяца ноября третегонадцать дня. Матысь Савицкий писарь«.

Книга Владимірская гродская, 1568 года, № 935, листъ 63.

51.

Грамота Сигизмунда-Августа, утверждающая привилегію, данную епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, Маркомъ Журавлицкимъ, боярину Григорію Сестршану, по которой отдается ему за службу во владѣніе церковное село Точивѣки. 1568 года, января 22 дня.

Zygmónt trzeci etc.

Oznajmujem tym Listem naszym komu to wiedzieć należy; pokładał przed nami
Żądał od nas dworzanin nasz urodzony Mikolay Fronckiewicz-Radzyński, starosta Wasilisky, abyśmy z metrik Cancellarii naszej W. X. L. vidimusem wydać rozkazali sprawę w tym liście niżej opisaną, która w ten nasz list, nazwany vidimus, słowo w słowo wpisaćemy kazali i tak się w sobie ma:

»Zygmunt-August, Bożą miłością król Polski, wielki książę Litewski, Ruski, Pruski, Żomoidsky, Mazowiecky, Inflancky, y innych. Oznajmujem tym listem naszym niniejszym y na potym będącym: bił nam czołem bojarzyn episkopstwa Łuckiego i Ostrońskiego, Hryhory Siestrzan, y powiedział przed nami, iż bywszy episkop Łucky i Ostroński Josif, za służby iego, które on w sprawach y w niemałych potrzebach cerkiewnych episkopu Łuckiego y Ostrońskiego, imieniczko nazwane *Toczywieki*, z dworcem, z ludźmi, z stawy, z młyny, z lasy i ze wszystkimi grunty, płaty, dochody y pożytki iako się to imianiczko samo w sobie ma, w granicach y obchodziech swoich niczego na sobie nie zostawując; a potem y terazniejszy episkop Łucky Ostroński, Marko Żorawnicki, widząc iego także być czoło-/114/wieka godnego y potrzebnego w każdych sprawach cerkiewnych, wedle daniny przodka swojego, episkopa Józefa, przy tem ymieniezku Toczywiekach jego zostawiwszy, na to iemu list swój dali, który list przed nami pokładał, biał czołem, abysmo my, gospodar, zwierchności naszej gospodarskiej, iako podawca one iemu dali, na list iemu stwierdzili naszym listem na wieczność, który list ieśmo, oglądawszy, kazaliśmy słowo od słowa w ten nasz list wypisać y tak się w sobie ma:

»Miłością Bożą y przeczystey jego macierzy y Świętego apostoła ewangelista, Chrystozoma Joanna Bohosłowa, my, Marko, episkop Łucki y Ostroński, czynim iawnem tym naszym listem niniejszym y na potem będącym, komu będzie tego wiedzieć potrzeba okazywała, iż z łaski Bożej y gospodarskiej będąc nam obdarzonym miejscem tym stolicą Episkopii Łuckiej y Ostrońskiej ieszcze narzeczonym Episkopem, pokładał przed nami list, daninę przodka naszego episkopa Łuckiego y Ostrońskiego, nieboszczyka Józefa z podpisem własney ręki iego, bojarzyn nasz cerkiewny, Hrehory Siestrzan, któremu dał y opatrzenie udziału za służby iego y nakłady, które on od niemałego czasu czynił, iędząc do dworu gospodarskiego y dowodząc praw w krzywdach y doległościach cerkiewnych, przyjmując trudności y nakłady nie małe, w tem iemu nagrodę y opatrzenie czyniąc y rozumiejąc y naprzód iego być potrzebnym y godnym sługą Cerkwi Bożej, dał iemu imienie cerkiewne pod Ostrogiem, *Toczywicki*, które leż izdawna bojarze dzierżywali i służbu Cerkwi Bożej z niego służyli, i bił nam czołem, abyśmo iego przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny i listu przodka naszego, nieboszczyka Józefa, zostawili y z tego jego nie ruszyli; a tak my onego listu daniny przodka naszego oglądawszy y dostatecznie z niego wyrozumiawsy, wziawszy s tego wiadomość, iż on w posługach Cerkwi Bożej do dworu gospodarskiego trudności y nakłady nie małe przyjmował, a naiwięcej też y ia rozumiejąc jego być potrzebnym y pożytecznym sługą Cerkwi Bożej, ni w czym nie naruszając daniny przodka naszego, nieboszczyka Józefa, a wiedząc, iż też z dawnych czasów te imienie cerkiewne bojarze dzierżywali, na czołembicie iego tośmy uczynili y przy tym imieniu Toczywiekach według daniny przodka naszego zostawili; a tak teraz, gdy nas prosił y bił nam czołem, abychmo iemu na to imienie Toczywieki list nasz pod pieczęcią stolicy naszej episkopskiej dali y to iemu potwierdzili, gdzie będąc nam w tym mieście episkopskim czas niemały, bacząc ochotne y pilne służby iego ku sobie y Cerkwi Bożej, y za prozbą y czołem biciem iego, tośmy udzielali i tym listem naszym to imienie Toczywieki iemu dajem i potwierdzamy, — ma on sam, żona, dzieci /115/ y potomki iego, to imienie z ludźmi y ich robotami, y podaczkami, y z ziemiemi naszymi, y z dąbrowami, a lesy, zarosłami, y z pasiekami, y sianozęciami, z stawy, które w siele Toczywiekach, y ze wszystkim, a wszystkim, tak iako się to imienie Toczywieki z dawnych czasów w sobie y granicach y obchodziech y pożytkach swoich ma, potem iako y pierwsze bojarze przód te imienie Toczywifki y używali iednego młyna na rzece Lubuci, który Siestrzan

dzierżał, ma na nas do imienia naszego Tuszczu dzierżan być. A on wolen będzie w tym imieniu Toczywiekach dwór sobie zbudować y wszystkie pożytki, według woli y zdania swego, iako chcąc ku swemu dobremu y pożytecznemu przywłaszcząć y iego dzierżać wiecznie y używać, a z tego służbę bojarską, iako pirsze boiarze szlachta cerkwi Bożej służą, y on ma nam y potomkom naszym ku cerkwi Bożej służyć; a my sami y potom będący Episkopi Łuckie i Ostrogskie z ludzi iego żadnych płać y wołowszczyzn na siebie brać, y iego samego, żony, dzieci y potomki iego niektórymi przyczynami z tego imienia Toczywieków, y oni sami y niektóre krzywdy y przekazy iemu w tym imieniu czynić nie mają y natośmy dali temu boiarzynu naszem i Sestrzanu, żonie y potomkom iego, ten nasz list pod pieczęcią y s podpisem ręki mey. Pisan w Żorawnikach. Roku pańskiego 1567, miesiąca Januaria 12 dnia. — I gdyż imienia kościelne, iako własność nasza hospodarska, w podaniu i szafowaniu naszym iest; my z zwierzchności naszej łaskawey na to pozwoliwszy, przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny episkopów Łuckich, iego zostawili, y tym listem naszym zosławuiem y utwierdzamy to na wieczne czasy ma Hrehory Sestrzan sam y iego żona, dzieci y potomkowie ich one imieniczko w episkopii Łuckiey i Ostrożskiey Toczywieki, z dworem, z ludźmi, stawy, z lesy i ze wszystkimi grunty, płać, y dochody, y pożytki, y ze wszystkim, iako się imieniczko samo w sobie w szerokości gruntu, w granicach y obychodziech swoich ma, dzierżać y używać wieczno y na wieki nieporuszo, będąc wolny w tym imieniu Toczywiekach przybawić, rozszerzać y wszelakie pożytki jakiegokolwiek imienie nazwane abo mianowane być mają, przymnażać y przyczyniać, sprawując y zachowując się we wszystkim po temu według listu terażniejszego episkopa Łuckiego Marka Żorawnickiego, na to imieniczko danego, y s tego imieniezka Toczywiek będzie powinien on y potomki iego episkopii terażnieysze Łuckicy y Ostrożskiey y potom będącym episkopom Łuckim y Ostrożskim ku episkopii Łuckiey służyć y podarek y płać niakiego z tego imieniczka on sam y potomki iego dawać mają. A na twierdost tego ten nasz list ręką naszą hospodarską podpisawszy y pieczęć naszą k niemu /116/ przywiesić ieśmy kazali. Pisan w Wołożynie. Roku 1568, miesiąca Januaria 22 dnia.

Podpis ręki Hospodarskiey. Michayło Haraburda, pisarz. — Którey sprawy ten nasz list nazwany vidimus, pod pieczęcią naszą wielka W. X. L. dworzaninu naszemu urodzonemu Michałowi Fronckiewiczza Radzymińskiemu staroście Wasiliskiemu wydan iest. Pisan w Wołożynie na Sejmie Walnym. Roku panskiego 1605, miesiąca marca 2 dnia. U tego vidimusa pieczęć hospodarska W. X. L, a podpis ręki — Lew Sapieha. Cancell. W. X. L. Jan Duksza. A tak my k prozbie, iako słuszney, łaskawie się przichilaiąc, listy wysze pomienione, iako się w sobie mają, kazawszy do xiąg Cancellarii naszej przyiąć y wpisać; a na większą twardość do tego listu naszego pieczęć koronną przycisnąć ieśmy kazali. Pisan w Warszawie, roku 1619, miesiąca Marca 2 dnia. Panowania naszego polskiego 32, a świedzkiego 26 roku. Stanisław Żółkiewskius Regni poloniae Cancellarii, Sprawa Jaśnie wielmożnego JS. M. pana Stanisława Żółkiewskiego kanclerza i hetmana naywyższego koronnego. Floryan Oleszko, woyski Włodzimirski, sekretarz y pisarz iego królewskiej mości.

Pieczęć
Wielka Coronna.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Уступка протоіереемъ овруцкой церкви св. Василя Великаго, Григоріемъ Василевскимъ, урочища Трыстеницкого въ потомственное владѣніе крестьянамъ села Мухомѣдъ, Даниловичамъ, подѣ условіемъ отдачи ежегодной дани въ пользу церкви по 10 ведеръ меду. 1568, марта 9.

Року тисеча шестьсотъ деветдесять сего, месеца октябрьа двадцать второго дня.

/117/

На уряде кгородскомъ, в замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною, Даниелемъ Левковскимъ, намесником на тот час подстароства и реентом кгородским Овруцкимъ и книгамы нынешними кгородскими Овруцкими comparens personaliter prze wielebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten zapis, od Jakowa, Hrynja, Kalenika y Kondrata Daniłowiczow, poddanych Muchoiedowskich, przy pieczęciach dwóch przycisnionych, wielebnemu w Bogu jego mości oycu Hrehoremu Wasylewskiemu, protopopie Owruckiemu, ratione intro contentorum dany y służący, dla zapisania do xiąg ninipysznych grodzkich Owruckich per oblalam podał, prosząc mnie, urzędu, aby ten zapis do xiąg niniejszych wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis ad acticandum przymuiąc, z początku aż do koncz czytać przed sobą kazałem, ktorego iest russkim pismem tenor takowy: »Я Яковъ весполъ з братією моею: Грынемъ, а Каленыкомъ, а Кондратомъ Даныловычы, подданные ее милости панее Ивановое Служъчиное, Пани Богъданы, Мухоедовские, сознаваемы и явѣно чынымъ тымъ лыстомъ нашимъ, кому буде потреба того вѣдаты, такъ теперешнымъ, яко и на потомъ будучымъ, ижъ которая земля звечыстая, никому ничымъ непенная, храму святого Велького Василя Овруцкого, на имя Трыстеницкая, островъ Обрубный, ино мы братя вышейреченая всѣ сполечне били есмо чоломъ отцу Грыгорию Василевскому, протопопе Овруцкому, абы его милость той островъ нам вес далъ на даныны десеты ведрехъ меду пресного мѣры Овруцкое на вѣчность; ино его милост то на наше чоломбытье вчынил и той остров вышепысанный намъ вес на даныны десеты ведрехъ меду мѣры Овруцкое далъ, маем его милосты, отцу Грыгорию, або потомком его в кождый год с того острова вышемененого дани давати десет вѣдер меду пресного, доброго, мѣры Овруцкое; а если быхмо его милости не мѣли той даны десеты вѣдеръ меду сполняти, або гранъ земли сказити, або иншее знамя в тот остров Церковный вносити и якую кольвекъ шкоду земли вчинити, тогды повинни будемъ за то отцу Грыгорию, або потомку его, ведле права посполитого и статуту земского, всю шкоду платити, а вины се милости паней своей двадцат копъ грошей маемъ заплатити, а отцу Грыгорию, або потомку его, вины десеть копъ грошей маемъ заплатити, а потомъ отецъ Грыгорей, або потомокъ его, волень будет тот остров вышереченый Святого Василя от нас отнявъши, кому хотя дати, а его милост то шкодыти. /118/ не будет, а для лепшого сведомя и болшее твердосты сего нашего лысту о приложене печатей били есмо чоломъ ихъ милости: пану Богуфалу Михайловычу Павши, писару земскому, бирчому господарскому повѣту Киевского, а пану Ивану Грыгоревичу Шысце Ставецкому; ихъ милостей за прозбою нашею то вчинили и печати свои приложити рачылы. Пысанъ ув Овручомъ, под лето Божего нароженя тисеча пятьсотъ шестьдесятъ осмого, месеца марта девятого дня; у того запысу печатей две прытысненые«. Который-же то запыс за поданем и прозбою вышмянованое особы подавающее, а за моим урядовымъ прынятемъ, до кныгъ нынешныхъ естъ упысанный.

Книга Овруцкая гродская, 1697 — 1699 г. № 3319, листъ 61, на обор.

53.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая дворянина Ивана Борзобогатого-Красенского отъ отвѣтственности за неисполненіе военной повинности, такъ какъ онъ во время похода занять былъ господарскою службою. 1568, Апрѣля 25.

Року 1569, месяца ноября 23 дня.

Пришедши на врьдъ его королевской милости, до мене, Яроша Паликиевского, воротного замкового, в тотъ часъ будучого на местцу пана Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, панъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, мостовничий Луцкий, покладалъ передо мною листъ его королевской милости, подъ печатью и с подписью властное руки его милости господарское, и тежъ с подписанемъ руки писара его королевское милости, пана Матиса Савицкого, писаный до его милости пана Василя Петровича Загоровского, а до пана Кирдея Мнишинского, и просилъ панъ Иванъ Борзобогатый, абы тотъ листъ его королевское милости вычитанъ и в книги кгородские былъ записанъ, который листъ такъ ся в себе маеть: »Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский и иныхъ, городничому володимерскому, Василю Загоровскому, дворенину нашему Ивану Кирдею Мнишинскому, што есте /119/ отправлены до поветовъ Луцкого и Кремянецкого на увязоване в ыймена князские, панские, шляхетские и земянские, которыхъ, водле повинности своее шляхетское, уфалы сойму городенского, на сей часъ войны не служили; ино ижъ мостовничий Луцкий, дворенинъ нашъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, который будучи презъ лето и зиму на послузе нашей, выправуючи розную спижу з Волыни до обозу нашего и до Борисова, не былъ спешонъ войны служити зъ именей, который онъ жоны своее Ганны и сестры ее Марьи Семашковне, тежъ сестры своее Ганны Боговитиновое в держаню и въ опеце маеть и чотыри дей кони ку службе з нихъ ставити повиненъ; для чого приказуемъ вамъ, ижъ бы есте именямъ тымъ, которыхъ онъ войну служити и чотыри кони ставити повиненъ былъ, дали покой и увязованя жадного не чинили, бо онъ, будучи на таковой послузе нашей земской, не могъ и не повиненъ былъ войны служити и таковыхъ чотырохъ коней, с повинности свое шляхетское, ку службе военной ставити, и будете ли ся увязали, вы бы за се ему чинили, яко бы онъ в той мери безъ вины и причины шкоды не терпелъ. Писанъ у Кнышине, лета Божого нароженя тысяча пятьсотъ шестьдесятъ осмого, месяца априля двадцать пятого дня. Подпись руки его королевское милости, и тежъ писара его милости господарского пана Матыса Савицкого«. А такъ я, за прозбою пана Ивана Борзобогатого Красенского тотъ листъ его королевское милости с початьку ажъ до конца в книги кгородские записати казалъ.

Книга гродская, Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 561.

Увяжчий листъ, выданный Сигизмундомъ-Августомъ князю Богушу Федоровичу Корецкому, старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, въ имѣнія Серадскаго воеводы, Ольбрыхта Ласкаго и жены его, княжны Беаты Острожской. Король присудилъ ихъ имѣнія князю Корецкому за сумму 47,407 копѣ грошей, которые Ласкіе должны были, вслѣдствіе королевскаго приговора, уплатить ему въ удовлетвореніе за 35 наѣздовъ и грабежей, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Корецкаго. 1568 года, іюля 10.

Лѣта Божіея нароженія 1568, августа 2 дня. /120/

Присылалъ на врьдъ его кролевское милости замку Луцкого, до мене, Петра Хомяка, подстаростега Луцкого, вельможный панъ его милость, князь Богушъ Федоровичъ Корецкий, староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, з листомъ господарскимъ увяжчимъ, которого его милость одержалъ з дворениномъ его милости господарскимъ, паномъ Иваномъ Семеновичомъ, съ канцлереи его кролевское милости до вельможного пана его милости пана Олбрыхта Ласкаго, воеводы Сирадскаго, и до малжонки его милости панее Бияты съ Костелца, княгини Острожское, на сумму пенязей, на увязане до права во ймемъ ихъ милости, черезъ вырокъ его королевское милости, князю старосте его милости, на сойме Виленскомъ, валномъ, указаную, даный, просячи, абы тотъ листъ его кролевское милости на врьде былъ вычитанъ и в книги кгородские для певнейшого хованья уписанъ, который листъ господарский такса въ себе маеть:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянскій и иныхъ. Воеводе Сирадскому, пану Олбрыхту Ласкому и малжонце его, паней Бияте съ Костелца княгинѣ Острожской, што первой сего, въ року минувшомъ, тисеча пятьсотъ шестдѣсятъ шостомъ, будучи намъ господару у Вилни, на сойме великомъ, валномъ съ панами радами нашими ихъ милостю, жаловалъ намъ староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, князь Богушъ Федоровичъ Корецкий, за чотырма мандаты нашими, водлугъ уфалы сойму великого, валного, Виленскаго, минулого, в року шестдѣсятъ третемъ съ канцеляреи наше выданными, о томъ, штожь дей, будучи ему за росказанемъ нашимъ господарскимъ въ року прошломъ шестдѣсятъ четвертомъ, службе нашей и земской военной часъ немалый, дошла до его тая ведомость отъ врьдниковъ его з Воляня, ижь дей вы, невѣдомо для которое причины в ономъ року, шестдѣсятъ четвертомъ, месяца сентебрия девятого дня, наславши мощно квалтомъ на власные именья и кгрунты его, то есть на Криловъ и на Черницу, боярина своего Острожскаго, Федора Вербовецкаго, зъ многими слугами, бояры и подданными своими Острожскими, Клепачовскими, и к тому дей есте росказали дать помочь отъ врьдниковое Берездовское, Сокоровое, всѣхъ Берездовцовъ, которыхъ дей было околко сотъ чоловековъ, з бронями, з гаковницами, з ручницами, з сагайдаки, з луки, з рогатинами и з ыншимъ оружемъ, и в онже часъ тотъ Вербовецкий с тыми верху /121/ писаными помочниками своими, по трикротъ наежаючи на тые именья его верхуписаные, первый дей разъ в томъ року минуломъ, шестдѣсятъ четвертомъ, месяца сентебрия девятого дня, в субботу, на властные дей кгрунты и на именья его, то есть на Криловъ и на Черницу, — збожя, въ оныхъ поляхъ стоячыє, колко тысячь копѣ жита и ярины его властного и подданныхъ его одно побрали, другое попалили; а потомъ де, того месяца сентебрия третего и четвертого дня, тотъ же дей бояринъ вашъ, Вербовецкій, з многими слугами, бояры и подданными вашими Острожскими и Берездовскими, наехавши мощно, квалтомъ — на власные кгрунты тыхъ вышепомененныхъ — Крылова и Черницы и к тому дей иншихъ сель его: на Киликиевское, Богдановское и на Печиbodское, перешедчи чрезъ границу военную,

которую дей онъ от ыменей вашихъ Клепачовъ и Снытокъ и Плоское, волости Острозское, почавши отъ границы Русивлское пановъ Чапличовъ, черезъ певный дей знакъ кграни, ажъ до руды Полское, которая впадаетъ в рѣчку Жеревъ, подданныхъ дей его тыхъ верхуписанныхъ селъ о колко тысячъ возъ сѣна одно побрати, а иное попалили, — а подданныхъ дей его познаходивши, самихъ побили и поранили; кони, з возы, з сокиры, з нихъ сермяги, шапки, кожухи, поясы с калитами и з мошнами, в которыхъ дей в тотчасъ пенязи были, побрали; а потомъ дей тогожъ року прошлого, шестдесять четвертого, месяца ноябра первогонадцать дня, наславши дей вы врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Берездовскими и Полонскими, в зброяхъ, з бронями, яко на одного неприятеля, мощно, кгвалтомъ на властный кгрунтъ его Корецкий в селе Правотине, рудныковъ дей жиди Ратненского, Жилмѣновыхъ, о колко десять чоловековъ побили и поранили; з самыхъ сукни, сермяги, кожухи, поясы с калитами и с пенязьми готовыми, и иншие многие речи, што при нихъ были, и сокиры а многіе речи на тотъ часъ въ нихъ были тогожъ мѣсяца ноябра шостогонадцать дня, наславши того-ж врядника своего Берездовского, Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими и Берездовскими мощно, кгвалтомъ, также на властный дей кгрунтъ — се що Горбиковский, Жолобовский, Правотинский, Горицкий и Бабинский, перешедчи дей черезъ границу звечистую, почовши отъ Гаврикова ставу, на реце Царели, отъ шляху великого Киевского, ажъ до реки /122/ Сетчи, который делит кгрунтъ его отъ именей вашихъ Броздовскихъ и Хлыпатскихъ, сена дей властные бояръ и подданныхъ его тыхъ вышеймененныхъ селъ, презъ колко тисечъ возовъ — одно побрали, а другое огнемъ попалили; людей, которыхъ дей на онъ часъ при тыхъ селахъ находили, позбивали и помордовали; кони, з возы, и зъ самыхъ сермяги, кожухи, поясы с калитами, и пенязьми готовыми и иншие многие речи, што колвекъ на тотъ часъ при собѣ мѣли, то все побрали; и ктому дей вы, на томъ мало маючи, наславши врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а боярина вашего Острозского, Ивана Сокуру, з ыншими многими, слугами, бояры и подданными вашими, волости Острозское и Берездовское, которые дей вжо в року минуломъ, шестдесять пятомъ, месяца февраля девятого дня, наехавши мощно, кгвалтомъ, на именье его Печыбоды, подданныхъ его шести чоловековъ на ймя: Опанаса отамана, Гурина, Устина, Ивана, Игнатца а Хурса побили и поранили и праве за вмерлыхъ полишили, а чотырохъ чоловековъ на ймя: Дмитра, Тимофея, Ивана а Моисея поймали и з собою повели и всю маетность ихъ, што в нихъ в домахъ было, то все побрали; а отътоль дей едучи, на дубровѣ чотиры стоги жита, в которыхъ было по шестдесять копъ, огнемъ спалили; и въ тотъ же дей часъ в селѣ его, Киликиевскомъ, шестнадцатеры бчолы з дерева бартного подрали, а дерева попалили, — и в тотъ же дей часъ, поткавши чотырохъ подданныхъ его Киликиевскихъ, наймя: Мирона, Дениса а Олизара, которые ехали до волости Жеславское збожя куповати, а четвертый дей чоловикъ, на ймя Трохимъ, ехалъ з жоною и съ дѣтятемъ своимъ до волости до Жеславское, посполъ с тыми-жъ людми до приятелей своихъ, тыхъ, дей они, перенемши на добровольной дорозе, якъ самыхъ, такъ и тую невѣсту, которая з ними ехала, побила и помордовали; и зо всего, што колвекъ при нихъ было, поотбирали, и праве за вмерлыхъ полишити, олижъ де ихъ другіе поде, едучы по нихъ дорогою, нашли ихъ мало не померлыхъ, а тое де дѣтя того подданого его Трохима на смерть замордовано; и к тому дей еще, на томъ мало маючи, въ тотъ же де часъ, тотъ жо врядникъ Берездовский. Подоский, перенемши на добровольной дорозе подданныхъ его Корецкихъ, на ймя: Марка, Андрея а Лукъяна зъ ихъ товаришми, едучихъ с Коломыи зъ солю двадцать чотыри возы с коньми, з возы и зо всимъ тымъ, што колвекъ при нихъ было, побрали, а самыхъ збивши, змордовавши, и зо всего, што при нихъ было, отобравши, такъ-ще за

мерлыхъ полишили, и многие, /123/ а незные кривды в тотъ часъ тымъ подданнымъ его поделали. За другимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, што-жъ дей вы, подъ часомъ заказаня на службу нашу господарскую и земскую военную, року прошлого шестьдесятъ пятого, месяца мая десятого дня наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, з иншими многими слугами, бояры и подданными своими мощно, кгвалтомъ на имене его Крыловъ, на властный кгрунтъ его, на поляхъ плуговъ двадцать семь, з возы и железами побрали, другие плуги порубали, а подданные его, которые на тотъ часъ при тыхъ плугахъ были, о колко десять человековъ побили и поранили, кони з возы, с хомутами, з самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми, к тому сокиры и иншие многие речы, што колвекъ на тотъ часъ при нихъ было, то дей все побрали; а потомъ дей тогожъ месяца мая сегонадцать дня тыхъ же бояръ своихъ острозскихъ Хведора Вербовецкого а Ивана Сокура з ыншими слугами, врядниками, бояры и подданными вашими Острозскими и Берездовскими, наславши дей вы, мощно, кгвалтомъ, на властивый кгрунтъ имения его Русивлского, на поли воловъ три плуги, одны с плугами и з железами побрали, а иншие плуги порубали, а подданныхъ дей его тамошнихъ, Русивлскихъ, которые при тыхъ плугахъ были, иныхъ многихъ находячы на поляхъ, побили и поранили, и што дей колвекъ на тотъ часъ при нихъ было — кони з возы, сокиры, а зъ самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми такъже побрали. Надъ то дей того-жъ месяца мая двадцать девятого дня, наславши врядниковъ своихъ — Острозского Франца Круша а Берездовского Томаша Подоского а Юрья Зарубу, и к тому з ыними многими врядниками, слугами, бояры и подданными вашими Острозскими и Берездовскими, обычаемъ военнымъ, а праве неприятелскимъ, маючи з собою колко сотъ человековъ, з сагайдаками, з ручницами, з рогатинами и з ыншими многими а розьмаитыми бронями, мощно, кгвалтомъ, на имения его Корецкие, то есть на Зусивлю, на Осташовку, на Саножинь, и на Криловъ, бояръ и подданныхъ его тыхъ вышемененыхъ сель жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ ворота и въ клете двери повыбивали, всю маетьность ихъ, то есть: сукни, сермяги, кожухи, шапки, сорочки, полотна, пенязи готовые, мяса старые, масла. сыры и иншие многие речи з домовъ ихъ, также и на поляхъ кони, волы, коровы, овцы, козы, свиньи и всякое быдло с чередами оныхъ, впередречоныхъ сель подданныхъ его побрали, /124/ имъ многие а незные дей кривды и шкоды на тотъ часъ тымъ подданнымъ его починили: а потомъ дей тогожъ месяца мая тридцать первого для, наславши дей вы врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ — Хведора Вербовецкого а Ивана Сокуру а многими слугами, бояры и подданными своими не зъбруяжъ, яко на одного неприятеля, мощно, кгвалтомъ, на властивые имения его волости Корецкое, на Селичовъ, на Горицю и на Чернокалы, людей подданныхъ его тыхъ вышемененыхъ сель его жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ, в некоторыхъ — ворота и в клетей двери поодбивавши, маетность ихъ, то есть: сукни, сермяги, кожухи, пенязи готовые, сорочки, полотна и иншие многие речы, а на поли кони и быдло с чередами, в Чоряокалахъ, побрали и многие дей кривды и шкоды тымъ подданнымъ его на тотъ часъ, в побранью маетности, поделали; к тому дей тогожъ року прошлого шестьдесятъ пятого месяца июля другого дня, такъ-же дей, наславши вы бояръ своихъ Острозскихъ, — Хведора Вербовецкого, а Ивана Сокура з ыншими бояры и подданными своими Берездовскими, мощно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ его волости Корецкое — Крыловский, Киликиевский и Русивлский, людей подданныхъ его тыхъ верхумененныхъ сель на поляхъ и на дубровахъ находячы, одныхъ людей и жонъ ихъ побили и поранити, а другихъ многихъ, поймавши и позъбивавши, зъ собою у везенье повели, а маетности ихъ: кони з возы; зъ самыхъ сермяги, шапки, сорочки, сокиры, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали. Еще дей тогожъ месяца июля пятого дня, наславши дей вы врядника

своего Берездовского, Томаша Подоского, а боярь Острозскихъ, тогожъ Федора Вербовецкого и Ивана Сокура, з ыншими многими слугами, бояры и поддаными своими Острозскими и Берездовскими, мощно, кгвалтомъ, по другой разъ, натыежъ именья его властные Корецкие — на Селичово, на Куты и на Горицу, людей и подданныхъ его, жонъ и детей побили и поранили, а другихъ пятнадцати чоловековъ, поймавши и позбивавши, у везенье зъ собою повели, а въ домехъ ихъ ворота и въ клете двери поотбивавши, а на поли кони и быдло с чередами, в тыхъ вышемененыхъ селехъ его Селичове а в Горицы, заняли, а особливе дей кони служебниковъ его, которые дей в тыхъ жо селехъ его — в Селичове и в Кутахъ, на власномъ кгрунъте его пасены были, всихъ сто двадцать и пять коней, тыежъ дей врядники, слуги, бояре и подъданные ваши взяли, и то все, посполъ с конми и счередами, которые в подданныхъ его в тыхъ /125/ же селехъ побрали. И к тому жъ оными жъ дей конми служебниковъ его, такжо и быдломъ подданныхъ его, которые тотъ врядникъ и бояре ваши заняли, проводячи ихъ до замку вашего, Берездова, збожъя о колко сотъ копъ, на поляхъ лежачого, на властномъ кгрунте его жита и яринъ потоптали. Потомъ дей тогожъ месяца июля сегого дня, в субботу, врядникъ вашъ Берездовский, Томашъ Подоский, а бояре ваши Острозские: Федоръ Вербовецкий а Иванъ Сокуръ, з многими помочниками своими, перенявши мещанъ его Корецкихъ сорокъ чоловековъ, которые с Коломыи зъ солью ехали, на доброволной дорозе близко замку вашего Берездовского, тыхъ всихъ людей сорока чоловековъ побили и поранили, возы с конъми, и з солью, и зо всема речами, што у возехъ было, а з нихъ сукни, сермяги, гроши готовые побрали, а самыхъ, повезавши, до замку вашего Берездовского приведши, у в окрутное везенье посадили; а того жъ дей дня отаманъ вашъ Сусмецкий, на ймя Юрко, с помочниками своими, такъ жо перенявши пахоля его, на ймя Остафья Мокренского, на доброволной дорозе в селе Сусмецкомъ, который дей ехалъ в потребахъ его самого зъ староствъ его, з Бряславля и з Веницы, безъвинъне збили и, поймавши, до врядника вашего Берездовского, до Подоского, привели, и такъ же у в окрутное везенье осадили, и гроши, што при немъ были, до него посланные, коня зъ седломъ и инъшие многие речы въ него побрали; потомъ дей тогожъ месяца июля осмого дня, наславши дей есте врядниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, а боярь Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, з ыншими многими слугами, бояры и поддаными своими Острозскими и Берездовскими, на домъ служебника его, Бориса Совы, на Селичовъ, самого дей того служебника его, Бориса Сову, збили, зранили и змордоваля, слугъ и челядь его такъ же дей побили и поранили, и шкоды дей немалые оному служебнику его в побраню маетности его поделали; за тымъ дей на завтрѣ, в понеделокъ, тогожъ месяца июля девятого дня, наславши дей вы справцу своего, Юря Зарубу, и тыхъ же врядниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, и оныхъ боярь своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, и иныхъ многихъ слугъ, боярь и подданныхъ своихъ Острозскихъ и Берездовскихъ о колко сотъ коней, мощно, кгвалтомъ, на йменье его Куты, служебниковъ его, которые дей въ ономъ селе его *мужали* для постерегания правды, подданныхъ его, одныхъ тамжо побили /126/ и поранили, а которые дей, видячи, ижъ ся не могутъ имъ в томъ селѣ оборонить, и оборонъною рукою до другого именья его, до Печибодъ, входили, они дей, и за тыми гонячи, на тое другое именье его, на Печибоды, также мощно, кгвалтомъ, з немалымъ войскомъ и якъ оныхъ слугъ, которые дей, передъ ними входячи, до того именья его пришли, также боярь и подданныхъ его, мешкающихъ въ томъ селе Печибодехъ, самихъ побили и поранили, ажъ дей некоторые з нихъ ледве водою отплыли, а инъшие повтекали, а маетность дей, якъ оныхъ служебниковъ его, которые на тотъ часъ при нихъ были, и которыхъ, в ономъ селе его, в Кутахъ, входечи передъ ними, селе, такъ тежъ боярь и подданныхъ Печибодскихъ маетности, з домовъ ихъ, а на

поле быдло, побрали и многие а незъносные кривды тымъ слугамъ и подданымъ его поделали; и к тому дей тыежъ бояре ваши: Хведоръ Вербовецкий а Иванъ Сокоръ, тогожъ месяца июля двадцать шостого дня, в понеделокъ, вночы, собравшись з многими слугами и помочниками своими, и тежъ с поддаными вашими Острозскими, подехавши, мощно, кгвалтомъ, подъ место его Корецкое, двоухъ неволниковъ его Татаръ, пойманцовъ, на ймя: Ахмата а Шабана, а швачку малжонки его, татарку, на ймя Татьяну, и з нею челяди Московское пятеро, которые при тойже швацце для науки оставлены были, выпроводили и на возехъ своихъ до замку Острозского отвезли, которая дей швачка Татьяна, маючи ключи отъ кнегини малжонки его до всякого схованья, не маю речей, то есть: шать, перел, клейнотовъ, грошей; покрала и зъ собою побрала; якожъ дей князь Корецкий до приятеля вашего, который отъ васъ тамъ у в Острозе на тотъ часъ былъ, до пана Юря Зарубы, о то жалуючы и права просячи, посылалъ, онъ дей, якъ права дать, такъ и тыхъ неволниковъ его выдать не хотелъ. За третимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, штожъ дей, вжо выехавши ему на службу нашу господарьскую и земьскую военную з ыменей его до Ракова, в року минуломъ шестдесятъ пятомъ, и будучи ему вжо в дорозе, дошла его ведомость одъ врядниковъ его з Воляня, ижъ дей вы, неведомо для которое причины, наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкого а Ивана Сокура, з многими поддаными вашими Острозскими и Берездовскими, мощно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ именья его Крыловского, вночѣ, сена кошеного в копахъ, подданныхъ его Крыловскихъ: Степана Тишевича, Данила Протасовича а Грица Рожка, сто двадцать два возы спалили, а потомъ дей въ томъ же року /127/ шестдесятъ пятомъ, месяца августа третего дня, такжо в небытности его, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкого, а Ивана Сокура, с поддаными вашими Острозскими, повторе мощно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ того жъ именья его Крылова, сеножати его дворные на триста и на тридцать возъ покосили и сено побрати казали; ктому дей, в томъ же року и тогожъ месяца августа девятого дня, в четверьгъ, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Федора Вербовецкого а Ивана Сокура третий разъ мощно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ именья его Черницкое, на сеножати подданого его Черницкого Хведора Воробья и трехъ сыновъ его: Ивана, Дмитра а Якова, збили, изранили и четверо коней взяли, а з самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали и многие кривды и шкоды ему самому и подданымъ его, в покошенью сенъ, в побраню маетностей ихъ, подѣлали; за четвертымъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, штожъ дей вжо по тыхъ всихъ першихъ кривдахъ и кгвалтехъ, боехъ, грабежахъ и наежчкахъ ему отъ васъ самыхъ, врядниковъ и слугъ, бояръ вашихъ поделанныхъ, вышей в семь листе нашомъ описанныхъ, будучи дей ему у Вилни при насъ, господари, на сойме валномъ, всимъ землямъ нынешнего панства нашего великого князства Литовского зложономъ, в року прошломъ шестдесятъ пятомъ, месяца ноября первого дня, наславши дей есте бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура з ыншими многими слугами, бояры и поддаными вашими, а помочниками ихъ, кгвалтомъ на именье его Киликиевъ, которые дей, наехавши на тое именье его, подданныхъ Каликиевьскихъ нашедчы на гребли Киликиевской, побили и поранили и чотырохъ чоловековъ, на ймя: Зенца, Ивашка, Василя, а Бориса, поймавши и позбивавши, зъ собою повели, а кони, быдла остатокъ, што вжо небожята люде, после первшихъ кгвалтехъ были здобыли, то все побрали, а потомъ дей у тымъ дне, тогожъ месяца ноября десятого дня, наславши дей есте другого боярина своего Острозского, Федора Колоденьского, такжо з многими слугами, бояры и поддаными вашими, мощно, кгвалтомъ на именье его Русивль, на домъ боярина его, Ивана Лозицкого, — самого того боярина Лозицкого збили, змордовали, а сына его Грицка изранили и шкоды не малые в тотъ часъ, в побраню остатку маетности, ему самому и подданнымъ его поделали; которыхъ жо дей кривдъ и шкодъ зо всеми

тыми квалтовными посылками вашими от тыхъ всихъ /128/ верху писаныхъ бояръ, слугъ и людей вашихъ в ыйменяхъ, селехъ и на кгрунтехъ его первопомененыхъ, ему самому, слугамъ, боярамъ и подданымъ его поделаныхъ, князь староста реестръ меновите написаный передъ нами, оказовалъ. И на онъ часъ, по вычитаню мандату, поведаль князь Корецкий, же за тими мандаты принялъ былъ рокъ вашъ передъ нами, ку росправе з нимъ стати за трема мандаты месяца декабря сегонадцать дня, в году минуломъ шестдесятъ пятомъ, а за четвертымъ тогожъ месяца декабря двадцать четвертого дня; на которые то обадва роки князь староста передъ нами оповеданье и пилность ку праву чинилъ, и по рокахъ, черезъ немалый часъ будучи, онъ zde у Вилни, на соймѣ, при насъ, господари, частокротне прозъбами своими о учиненье ему з вами в тыхъ речахъ справедливости усиловалъ; нижи передъ инъшими болшими и важнейшими справами нашими и земскими, не будучи дей намъ доспешнымъ тое речи ваши слухати и судовне отпраовати, за прикладаньемъ и помынаньемъ по колко кротъ роковъ, стягнулася тая справа ваша ажъ до дня месяца генваря осмого, в году минуломъ, шестдесятъ шостомъ, гдеж, будучи намъ на суде с паны радами нашими ихъ милостю, по вчиненю жалобы черезъ князя Корецкого за оными мандатами, веръху описаными, отъ твоей милости пане Лаский служебъникъ твой, Якубъ Кресинский, менячися быть умоцованымъ твоимъ, sprawy противъ князя Корецкого домовялся, абы князь староста первой того довелъ, если тебе тими мандаты позваль, а князь Корецкий не хотель того мовенья его у права приймовати, абы первой Кресинский моцъ отъ обудвухъ васъ в той речи показаль. Кресинский положилъ листь вмоцованый одного твоей милости, пане воеводо, с печатю и с подписью руки твоее властное, который былъ вычитанъ передъ нами и слово отъ слова такъ ся в себе метъ: я, Лаский Олбрыхтъ, воевода Сирацкий, визнаваю тымъ моимъ листомъ, ижъ што воевода Киевский, маршалокъ Волынское земли, староста Володимерский, князь Костентинъ Костентинович Острозский, позваль мене и малжонку мою паню Беяту с Костелца Княжну Острозскую мандатомъ его кролевское милости о насланье квалтовное подчасомъ военнымъ на имене Славенское и о шкоды в томъ имену поделаные, которое собе на мандате от неякого Павла Итшолды быти менилъ; особливе тежъ, што староста Луцкий, Бряславский и Вѣницкий, князь Богушъ Хведоровичъ Корецкий позваль мене и малжонку мою мандаты двѣма о квалтовные наезды, бои, грабежи и о попаленья сѣна, /129/ которые собѣ отъ земянъ моихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого, а Ивана Сокора быти менилъ; яко тая вся справа ширей и достаточней на тыхъ мандатехъ есть доложона, где ся, отъежаючи на пилные а важные потребности его кролевское милости и корунъные, имъ за тими мандаты на року собѣ назначономъ стати и в отказе быти не могу, про то в томъ отъеханю своемъ, давши зуполную моцъ служебнику моему, Якубу Кресинскому, на томъ року, за тими мандаты припаломъ, на зъбите тыхъ мандатовъ причинами слушными и у права передъ его королевскою милостю а ихъ милостю паны радами, которого тымъ мандатомъ в томъ, яко и во всихъ справахъ моихъ, передъ его королевскою милостю припалыхъ, на томъ соймѣ теперешнемъ и по розъеханью соймовомъ моцно чиню, вирючи и змоцаючи ему вся поступки правные тые зыски и страты во всихъ потребахъ моихъ справовати. И на то есмь ему даль сей мой листь подъ моею печатю и с подписомъ властное руки моее. Писанъ у Вилни, лета Божого нароженя тисеча пятьсотъ шестдесятъ пятого, месяца декабря пятогонадцать дня. Князь, староста Луцкий, выслухавши того листу умоцованого и заховавши впередъ всѣ причины правные к тому листу умоцованому мовити, на онъ часъ тую толко одну причину, розумеючи ее быти головнейшою, поведиль, ижъ в томъ листе поручономъ твоимъ, пане Лаский, не дана дей была Кресинскому моцъ ку отказу и розправе з нимъ судовной о самые речи, о што онъ васъ позваль, але дей толко дана ему моцъ ку збиваню мандатовъ, зыскъ и страту в томъ поручаючи, к тому повѣдиль князь

староста, ижъ онъ тыми мандаты позвалъ твою милость, пане Лаский, и малжонку твою, пани Беяту с Костелца, княгиню Острозскую, а моць тая была дана толко от самого тебе, пане воеводо, и не до правного мовенья, одно до збиванья мандатовъ, и докладаль того, же дей тые именья не такъ много суть твое, пане Лаский, хотяжъ в держаню ахъ есте-сь, яко твоя, пани воеводина; и с тыхъ дей причинъ онъ Крестинского за мощного ку мовеню правному в той справѣ приимовати не могъ, и домовлялся, абы Кресинскій моць отъ самое . твоей милости, пани Лаская, если бы мѣлъ, оказалъ. Кресинскій повѣдилъ, ижъ ему моць отъ тебе не есть потребно покладати, а жебы досыть мело ему быти ку праву моцы самого твоей милости, пане воеводо, тыми причинами то выводячи, ижъ ты, пане Лаский, на мандатехъ в головахъ чрезу князя старосту описанъ и обжалованъ естесь, и в тому, будучи малжонкомъ, головою старшого, яко самую малжонку /130/ свою, такъ и имения ее въ моцы, опеце и обороне своей маешь, и яко бысь ты мелъ быти о именья ее самъ одинъ, кромъ ее порученя чинити, и в прага мовити; князь староста поведилъ: ачъколвекъ онъ на мандатахъ в головахъ самого тебе, пане воеводо, яко старшого, а молжонка княгини Острозское описалъ, але тые именья, с которыхъ ся ему тые квалты, кривды в забираню кгрунтовъ и иньшихъ шкодахъ стали, суть самое тебе, пани Лаская, и для того потребовалъ видети моцы самое твоее милости. Кресинский, попереючи першое повести свое, ижъ волно тобѣ, пане Лаский, самому, яко головѣ, именья малжонки своею правомъ чинити, докладаль и того, же дей ты, пани Лаская, ему, малжонку своему, вси именья свои записала и в моць поступила. Князь Корецкий поведилъ, ижъ онъ о тыхъ записяхъ ни чого не ведаеть; Кресинский припушалъ то памети нашої господарьской, яко бы ся то з ведомьстю нашою дѣяти мало быти, же пани Лаская, будучи въ Петриковѣ, на Соймѣ, пану Ласкому, малжонку своему, вси именья свои записала, где жъ за тымъ пытати есьмо казали Кресинского, естлибы то на писме мелъ, ку праву оказалъ, же ты, пани Лаская, малонку своему именья свои записала, — не показалъ и ничимъ того ведле права не довелъ; гдежъ мы, обмовившись о томъ с паны радами нашими ихъ милостью, нашли то, абы Кресинский моць отъ самое тебе, пани Лаская, указалъ; нижли Кресинский и моцы жадное не положилъ, а такъ мы. господарь, на онъ часъ того мовенья ихъ з обу сторонъ достаточне выслухавши а оглядавши, ктому листовъ вызнанныхъ дворень нашихъ: Григоря Кацевича а Миколая Войдена, черезъ князя Корецкого передъ нами покладаныхъ, съ печатью и с подписомъ рукъ ихъ властныхъ, которые дворене наши тебе, пане Лаский, тыми мандаты нашими отъ князя Корецкого позывали, гдежъ созване оныхъ дворянъ нашихъ на тыхъ листехъ ихъ посведчило и оказало то, же ты, пане Лаский, очевисто черезъ нихъ тыми мандаты естесь позванъ, а на листе одного з нихъ, Воденевомъ, и того доложено, же ся твоя милость обещалъ передъ нами стати и во всемъ ся князю старосте усправедливити, а около року, за тыми мандаты зложеного, згодилося созване ихъ с повестью князя старостиною, верхучиненою, и повторе, обмовивши мы около того зъ ихъ милостью паны радами нашими, а видечи то, кгдажъ князь староста Луцкий позвалъ былъ тыми манъдаты нашими обеѣхъ васъ сполне, зъвлаща о квалты, утиски, и кривды поделанные з именей самое твоей милости, пани воеводина, /131/ в забраню кгрунтовъ его и починеню иньшихъ шкодъ, а служебникъ милости твоей, пане воеводо, передречоный Якубъ Кресинский, толко отъ одного твоей милости моць положилъ и то одно ку збиванѣ мандатовъ а не ку судовной справе отъ самое тебе, пани воеводина, моцы жадной не показалъ ани тежъ того ничимъ ся з стороны твоей, пане Лаский, подпиралъ, жебы. малжонка твоя мела тобѣ имения свои записати тутъ, у суду нашего, за пытаньемъ нашимъ не довелъ и тыхъ записовъ не показалъ, а за мандатомъ, ижъ рокъ кождый есть певный, яко завитый, кгдажъ таковыя мандаты уфалены были на сойме валномъ для прудкое сараведливости людское; с тыхъ причинъ знашли есьмо то вырокомъ нашимъ, же князь староста Луцкий за тыми чотырма мандаты нашими в онъ

часъ року противъ васъ обудвухъ усталъ и за таковымъ непослушенствомъ и нестанеъмъ вашимъ ку праву, заховываючи мы князя старосту Луцкого в томъ водлугъ обычаю права посполитого, статуту земского, сказали есмо вырокомъ нашимъ господарскимъ кгрунты тые, и мандатехъ и вышей в семь нашимъ листе менованые, описаные, князю старосте Луцкому в держане до права, а за кгвалты головщину, навезки и шкоды, при тыхъ кгвалтовныхъ наездахъ поделаные, свазали есмо на васъ, также до права суму пенязей водле реестру, черезъ князя Корецкого положоного, который, з росказаня нашего, для певности тое речи впередъ, запечатанъ есть печатю нашою господарскою и рукою писара нашего подписанъ, казавши тое все с канцлереи наше ошатовати, подле статуту з навезкою некоторые шацункомъ, в статуте описаномъ, а чого в статуте не описано, то ведле повести под даныхъ его, яко ихъ што кошовало, водлугъ которого реестру учинило такову суму пенязей: за тридцать пять кгвалтовъ — за каждый кгваль водлугъ статуту по дванадцати рублевъ грошей, чинить семсотъ копъ грошей, а за одну головщину чоловека тяглого а навязки слугъ, бояръ, шлячтичовъ, слугъ путныхъ, отамановъ, рикуней, будниковъ, бортниковъ, невестъ, людей тяглыхъ, кладучи каждую навязку водлугъ статута, чинить тысячу сто пятнадцать копъ грошей за каждый при тыхъ кгвалтовныхъ наездахъ и боехъ, поделаные, чинить двадцать две тысячи семьсотъ девядеся . шесть копъ грошей и пенязей девять, а навязки шкодамъ, водлугъ статуту такъ жо много кладучи, чинить шкодъ з навезкою сорокъ пять тысячъ пять сотъ девядеся две копы и одынь грошъ, пенязей осмъ; того въсего за кгвалты, навязки, головщину, за шкоды, и навязву шкодамъ, головною /132/ сумою — чинить сорокъ семь тысячъ, чотыреста семь копъ, одинъ грошъ, и пенязей осмъ. И за тую суму сказали есмо князю старосте Луцкому увязанье до права в люди именей властныхъ самое твое милости, пани Лаская, с которыхъ собѣ князь староста тые кгвалты, кривды и шкоды менишь быти почыненые, водлугъ статуту, за кождую десять копъ грошей в службу людей, то есть два дыми людей Волынскихъ, а где бы в тыхъ именьяхъ твоихъ, с которыхъ ся князю Корецкому кгвалты и шкоды стали, такъ много людей не было, штобы тую суму, за шкоды ввязаную, вынесло, тогды и з иншихъ имений вашихъ, люди по тому жъ ведле статуту, штобы за тую суму, вышей описаную стояло, яко и ввязати есмо в то князя старосту послали были заразомъ з оногo-жъ сойму виленского дворенина нашего; нижли борздо а по томъ выроку нашомъ з некоторыхъ певныхъ причинъ, а для лепшого вашего, росказали есмо листъ нашъ писати до князя старосты луцкого, и с подписомъ властное руки наше к нему послали, уживаючи и ожедаючи его милости в томъ, абы онъ того увязанья позанехалъ и задержался с тымъ до сойму Берестейского прошлого в ономъ жо году, шестьдесять шостомъ, маючи волю то промежду васъ на ономъ соймѣ Берестейскомъ, постановити и цомерковати, гдежъ князь Корецкий, на писане нашо, а чинячи досить воля и жадливости нашей господарской, оногo увязанья позанехалъ и не уживалъ его противъ васъ, подле выроку сказаня и листу нашего увязчого, одножъ, про небытность нашу господарскую на ономъ соймѣ Берестейскомъ, в той речи, на которое ся застановене промежду васъ нестало, а князь Корецкий, будучи от насъ ужить, абы ся с тымъ увязанемъ не сквапиль, терпѣливымъ в томъ былъ, не увязывался во имена ваши ажъ и до сихъ местъ; лечъ ижъ твоя милость, пане воеводо Сирацкий, вѣдаючи о таковымъ выроку нашомъ, противъ себе вделаномъ, так жо и о томъ, же есмо тое увязанье, яко верху поменено, для вашего лепшого и спокойнейшого, уживши в томъ кнзя Корецкого, жаданемъ нашимъ задержали, а будучи потомъ колкокротъ у насъ, господаря, не хотечи ся въ томъ чути, и жадного застановенья въ тыхъ речахъ съ княземъ Корецкимъ вчинити, а князь Корецкий, будучи zde при насъ, господари, на теперешнемъ сойме Городенскомъ, просиль насъ, абыхмо ему в томъ далее того надъ право посполитое вырокъ нашъ шкоды приймавати не узычали, але вжо того увязанья водле оногo выроку нашего, верху припоминаного, ему

призволили и дворенина нашего увяжчимъ ему на /133/ то придали; а такъ мы, заховываючи князя старосту ведле оногo выроку нашего, на сойме Виленскомъ вчиненогo, и водлугъ листу нашего увяжчогo, на онъ же часъ ему в той речи до васъ даногo, послати до васъ дворенина нашего Ивана Семеновича и рассказали ему князя старосту, яко в кгрунты на выписе выроку нашего и в семъ нашомъ листе вышей меновите описаные, князю Корецкому до права прислужоны, и за суму пенязей, и за головщину, кгвалты, навезки и шкоды на насъ сказаную сорокъ семъ тысячь чотыриста семъ конъ, одень грошъ, пенязей осмъ, в люди именей самое твоеи милости пани воеводина, и тежъ хотя будешъ ли твоя милость, пане Лаский, которое право записы до тыхъ именей мѣти, с которыхъ онъ тые кгвалты, кривды и шкоды мениць быти почыненые, водлугъ статуту, за кождую десять копъ грошей в службу людей, то есть в два дымы людей волынскихъ, а гдебы в тыхъ именахъ вашихъ, с которыхъ ся Князю Корецкому кгвалты и шкоды стали, такъ много людей не было, што бы тую суму за шкоды сказаную вынесло, тогды у в ыншихъ именахъ вашихъ люди, по тому жъ ведле статуту, што бы за тую суму, вышей описаную, стояла, до права увязати и в держане ему подати; про то приказуемъ вамъ, абы есте, о томъ вѣдаючи, тому дворенину нашему в томъ противни не были, яко увязованя в кгрунты, верху описаные, князю Корецкому в держанье до права сказане, и в суме пенязей, за шкоды сказаной, перво помененой, в люди именей вашихъ сами черезъ врядниковъ, слугъ и подданныхъ своихъ не боронили, такъ и по ввязанью нычимъся у в оные кгрунты, вышей выображоные, и тежъ в люди черезъ того дворенина нашего ему поданые, до права не вступовали, и з моцы его не выймовали, подъ закладомъ нашимъ сорока тысячами копами грошей, а о безъпечность здоровья того дворенина нашего абы ся ему, будучи на той справе, никоторая не безъпечность здоровья его от васъ самыхъ, врядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ вашихъ не деяла, покладаемъ на васъ особливый закладъ нашъ две тысящи копъ грошей. Писанъ у Городни, лета Божого нароженья тысяча пятсотъ шесдесять осмого, месяца июля десятого дня».

Книга Луцкая гродская поточная 1567 года, № 2042, листъ 241. /134/

55

Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, извѣщающія объ отдачѣ на откупъ; на годъ, таможенныхъ пошлинъ великаго княжества литовскаго жмудскому старостѣ Яну Еронимовичу Ходкевичу, подканцлеру литовскому Остафію Воловичу, и еврею Менделю Изаковичу. 1568 года, сентября 5 и 8.

Лѣта Божого нароженя 1567, ноября 2-го дня, въ неделю.

Пришедши на врьдъ замку господарского. Вододимірского, передъ мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимірского, дворенинъ господарский, панъ Павелъ Оранский, то отповедилъ и тыми словы до книгъ вызналъ, ижъ, и что первой сего и при старосте Жомоитскомъ, маршалку земскомъ великаго князства Литовского, справцы и гетману его королевское милости земли Лифланское, державцы Плотелскому и Телшовскому, пану Яну Еронимовичу Ходкевича, а при подканцлеромъ его королевское милости великаго князства литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскомъ и

Кобрынскомъ, пану Остафью Воловичу, Исакъ Бродавка и дети небожчика Давида Шмерлевича: Шмерль и Лазарь, поборы у великомъ князстве литовскомъ и на Волыни отъ его королевское милости, на оранде до певного часу, до дня всихъ святыхъ, въ року теперешнемъ, шесдесять семомъ, которое свято дня вчорашнего въ субботу минуло, держали; а такъ его кролевская милость знову тые вси поборы, на пришлый годъ, шесдесять осмый, также пану старосте Жомоитскому и пану подканцлерому, а при ихъ милостяхъ жиду берестейскому, Менделю Исаковичу и товаришом его арендовать, и мне, sluze своему господарскому, черезъ листъ свой господарский росказати рачить, абыхъ я печать, скрынки, ключи, и всю справу поборовую на коморахъ и прикоморахъ поборовыхъ, на тее свято всихъ святыхъ, отъ Изака Бродавки и детей небожчика Давыда Шмерлевича-Шмерли и Лазара, слугъ и сцравецъ ихъ, взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого и Менделю Исаковичу съ товариши его слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ, въ моцъ и справу подалъ; ино я, водле листу и росказаня его милости господарского, на коморе тутошней Володимірской, печать, скрынку, ключи и всю справу поборовую у справцы /135/ Изака Бродавки и детей небожчика Давыда Шмерлевича — Шмерли а Лазара, въ Маира Аврамовича взявши, справцы поборовому его милости пана подканцлерого, пану Михайлу Василевичу Дубницкому на имя его милости пана старосты Жомоитского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Юде Агроновичу, въ моцъ подалъ, при которомъ оповеданю и вызнаню своемъ выпись съ книгъ врьдовыхъ замку господарского Берестейского записаня въ книги листу его кролевское милости въ той справе поборовой до Изака Бродавки а детей небожчика Давыда Шмерлевича Шмерли и Лазара писаного, и Менделю даного, и на врьде замку Берестецкого отъ оного Менделя показованого, и к тому особливе листъ его кролевское милости, съ подписанемъ руки и печатю его милости господарскою, справы писара его милости господарского, пана Матыса Савицкого до кнезей, пановъ, воеводъ кашталяновъ, старость и всихъ вобецъ обывателей земли Волынское, въ той же справе поборовой писаный, передо мною на врьде показоваль и просиль мене абы тое оповедане и вызнане его взяты печати, скрынки, ключовъ и всея справы поборовое коморы Володимірское отъ справцы Изака Бродавки и детей небожчика Давыда Шмерлевича — Шмерли и Лазара въ Маира Аврамовича, и подане справцы поборовому пана подканцлерого, его милости пану Михайлу Дубницкому, на имя пана старосты его милости Жомоитского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Юде Агроновичу, и выпись с книгъ замку Берестейского, листъ его кролевское милости перво помененый, въ книги замку Володимірского записано было; я того выпису съ книгъ замку Берестецкого и листу его кролевское милости въ справе поборовой писаныхъ, оглядевши и вычитавши, яко тое оповедане и вызнане его, такъ тотъ выпись съ книгъ замку Берестецкого и листъ его кролевское милости слово отъ слова въ книги замковые записати казалъ, которые такъ ся въ себе мають:

»Выпись съ книгъ врьдовыхъ замку господарского Берестецкого. Лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ шесдесять семого, месяца октебра пятогонадцать дня, въ среду. Пришедши облычне до врьду господарского замку Берестецкого, передъ мене Дмитрего Сапеги, подстаростего Берестейского, жидъ Берестецкій, Мендедь Исаковичъ, передо мною на врьде листъ его кролевское милости, съ подписанемъ власное руки его милости господарское и съ подписанемъ руки пи-/136/сара его милости господарского, пана Матыса Савицкого, писаный справцамъ мытъ и поборовъ господаря, короля его милости, въ великомъ князстве Литовскомъ, Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича — Шмерли а Лазару, о который листъ просиль Мендель, абымъ его до книгъ

врядовыхъ замку господарского Берестейского вписати велель, которого листу короля его милости я, подстароста, огледавши, за прозбою Менделевою, велель есми тотъ листъ его до книгъ врядовыхъ уписать, который слово отъ слова такъ ся въ себе маеть:

»Жикгимонтъ-Августъ . Божого милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянский и иныхъ. Справцамъ мыть и поборовъ нашихъ у великомъ князстве Литовскомъ: Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича — Шмерлу и Лазару. Ознаймуемъ вамъ, што на сей часъ маете и держите тые поборы при старосте Жомоитскомъ, маршалку земскому великого князства Литовского справцы и гетману нашому земли Инфлянское, державцы Плотелскому и Телшовскому, пану Еронимовичу Ходкевича, а при подканцлеромъ нашомъ великого князства Литовскаго, маршалку дворномъ, старосте Берестейскомъ и Кобрынскомъ, пану Остафию Воловичу, отъ насъ господара на аренде до певного часу, которой аренде вашей рокъ выйти маеть на день свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестьдесятъ сегомъ, близко пришлого; а такъ мы, господарь, знову тыи вси поборы на пришлый годъ, шестьдесятъ осмый, также пану старосте Жомоитскому и пану подканцлерому, а при ихъ милости подданому нашому, жиду Берестейскому, Менделю Исаковичу, яко сведомому и беглому у справахъ поборовыхъ, и товаришомъ его, которыхъ онъ къ себе приметъ, арендовали, почавши от того свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестьдесятъ сегомъ, пришлого, коли ваша аренда выходить, ажъ до другого такового свята всихъ, святыхъ, которое в року шестьдесятъ осмомъ быти маеть, для чого до коморъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ, то есть, до Виленское, до Жомоитское, до Ковелское, до Волынскихъ, Подляшскихъ, Городенское, и до всихъ прикоморковъ, к тымъ коморамъ приналежащихъ, послали есмо дворенина нашего Павла Оранского, которому рассказали есмо, аж бы онъ печать, скринки, ключи и всю справу поборовую на тыхъ всихъ коморахъ и прикоморкахъ, на тое свято близко пришлое всихъ святыхъ, от васъ самыхъ, отъ слугъ и справецъ вашихъ взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомоитского, и пана подканцлерого, /137/ и Менделю Исаковичу с товариши его, и слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ в моць и справу подаль, вы бы о томъ ведали, а противеня и непослушенства никоторого противъ сему розказаню нашому господарскому чинити не смеючи, на часъ помененый всихъ святыхъ, на сконченю тое аренды своее, печать, скринки, ключи и вси справы поборовые, которые на сей часъ в заведеню своемъ маете, слугамъ пана старосты Жомоитского, и пана подканцлерого, и Менделю Исаковичу с товариши его, слугамъ и справцамъ ихъ, передъ тымъ дворениномъ нашимъ в моць и справу нашихъ коморахъ головныхъ и на всихъ прикоморкахъ, к нимъ приналежащихъ, подали, а черезъ то, сами, в тую справу поборовую не вступуючися, имъ в ней переказы никоторые не чинили конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Кнышине, лета Божего нароженя тисеча пятсотъ шестьдесятъ сегомо, месяца сентебря осмого дня. Которыйжъ листъ его кролевское милости Мендель, давши до книгъ вядовыхъ замку господарского Берестейского записать, и выпись с книгъ взялъ себе под моею печатю. Писанъ у Берести. Василей Григоревичъ«.

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ и княгинямъ, панямъ, старостамъ, державцамъ, вдовамъ, земянамъ и дворанамъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и купцомъ, местъ и сель нашихъ господарскихъ и князскихъ, панскихъ, духовныхъ, светскихъ, во всей земли волынской лежащихъ. Ознаймуемъ вамъ, ижъ под теперешнимъ тягненемъ особою нашею господарскою обозомъ до войскъ нашихъ, на оборону панства нашего, великого князства Литовского, противко неприятелеви нашему, великому князю Московскому, взяли есмо в скарбъ нашъ на заплату людемъ служебнымъ и на выправу

двору и обозу нашего певную суму пенязей у старосты Жомоитского, маршалка земского великого князства Литовского, справцы и гетмана нашего земли Лифлянского, державцы Плотелского и Телшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а у подканцлерого нашего великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестецкого и Кобринского, пана Остафия Воловича, у подданого нашего, жида Берестейского, Менделя Изаковича, и у товаришовъ его, которого ихъ милость ку собе, яко сведомого sprawy поборовое, припустили; якоже ще на раты розложоные мают въ скарб наш немалое сумы пе-/138/незей дати, а иж-бы были певни заплаты своеи, панъ староста жомоитский и панъ подканцлерый, а при ихъ милости Мендель жидъ, тогды завели есмо имъ арендою поборы великого князства Литовского, якъ давные, яко и на сойме Берестейскомъ прошломъ уфаленые, отъ товаровъ всякихъ, которые съ панства нашего, великого князства Литовского, за границу, и з-за граничья до панства нашего проважоны бывають, на цалый годъ, почавши отъ дня всихъ святыхъ, пришлого свята, въ року теперешнемъ, шестдесятъ семомъ ажъ до того року всихъ святыхъ въ року пришломъ, шестдесятъ осмомъ, яко то на аренде нашей есть описано, о чомъ бы есте ведали, и на коморахъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ и всихъ прикоморкахъ, къ нимъ прислухающихъ, въ земли Волынской лежачихъ, у воеводствахъ, старостахъ, державахъ и тивонствахъ своихъ, где колвекъ, передъ тымъ и сего году, коморы и прикоморки сторожа тыхъ поборовъ нашихъ бывала и знову уставлена, такъ въ местехъ нашихъ господарскихъ, яко и въ вашихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ слугамъ пана старосты жомоитского, и пана подканцлерого, и Менделю Изаковичу съ товариши его, слугамъ и справцамъ ихъ и жидовскимъ, которые за симъ листомъ нашимъ до коморъ головныхъ и прикоморковъ ихъ, въ земли волынской лежачихъ, приедутъ, отъ всякого товару съ купцовъ нашихъ господарскихъ и своихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, из за граничя переежчихъ, поборовъ, першихъ и на Берестейскомъ сойме прошломъ уфаленыхъ, выбирати с коморъ и прикоморковъ, где здавна мытные суть, и еще, где бы ихъ для устрєженя прекрадающихъ съ товары причинити потреба, допустили и помочъ зъ урадовъ нашихъ и зъ ыменей своихъ, на промыту, хто бы сваволне, або потаемне проехалъ, укрившися, о потребу, яко въ речи нашей господарской и земской, давали, спротивеня ниякого зъ себе не показуючи и инымъ чинити не допускаючи, конечно. Писанъ у Кнышине, лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ сегого, месяца сентебра пятого дня. Подпись руки его милости господарское. Матысь Савицкій писарь».

Книга Владимирская гродская. записовая и поточная, 1567 года, № 934, листъ 183.
/139/

56.

Грамота Сигизмунда-Августа, князю Андрею Михайловичу Курбскому, о томъ, что назначается новый судебный срокъ, по дѣлу его съ Судомирскою каштеляншею. Анною Мацеевскою, впредь до выздоровленія ея повѣреннаго, Магнушевскаго; кромѣ того, грамота предписываетъ Курбскому возвратитъ Мацеевской 200 овецъ, похищенныхъ въ ея имѣніи, 1568 года, сентября 17.

Лѣта Божего нароженя 1568, месяца октября третего дня.

Пришедчи на враль замку господарьского володимерского, до мене, Якима Василевича, будучи мне на тотъ часъ на мѣстѣцу пана Михайла Павловича, подстаростего володимерского, градникъ каштеляновое Судомирское, паней Станиславовой Мацеевское, панее Анны зъ Стоянецъ Мацеевской, панъ янъ Некгошевский, показаль листь его королевское милости, в справе панее своее, еи милости панее Мацеевское, до князя Андрея Михайловича Курпского писаный, о одложенье року для фороби пана Войтеха Макгнушевского, на зоставене заштий и розниць межи их милостями, через пана Магнушевского, до выздоровеня его, до светого Мартына, свята рымского, близко пришлого, о двесте овецъ, которые дей у подданных ее милости, панее моеи взяты, абы князь Курпскій подданнымъ ее милости вернути велел, яко ширей на томъ листе его королевское милости описано есть, и просиль мене, абы тотъ листь его королевской милости в книги замковые заведенъ и вписанъ былъ; я, того листу королевское милости огледавши и достаточне его вычитавши, слово отъ слова в книги замковые вписати казалъ, который так ся в себе маеть:

»Жыкгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтский и иныхъ. Старосте Кревскому, князю Андрею Михайловичу Курпскому. Присылала до насъ каштеляновая Судомирская, пани Ганна з Стоянец, оповедаючи, иж што умоцованый приятель ее, Войтехъ Макгнушевский, именемъ ее постановиль с тобою, на томъ прошломъ сойме в Городне, передъ паномъ Виленскимъ, гетманомъ навышшимъ великого князства Литовского, старостою Городенскимъ, державцою Могилевскимъ, паномъ Грегоремъ Александровичомъ Ходкевича, а пе-/140/редъ секретаромъ нашимъ, войтомъ Виленскимъ, державцею Стоклишскимъ, дикторомъ Августыномъ Ротундомъ, и иншими приятелы, цриехавши до тебе, до Ковля, о вси заштѣя и розницы, которые ся межи твоими и ее подданными, в боехъ, грабежахъ, и в бортехъ, и иншихъ речах и шкодах деств, мел с тобою, водле намовы, у Городне учененое, конечное застановене приятельскимъ способомъ уделати на певный рокъ, тамъ же в Городне зложоный, на который дей она кгда того приятеля своего, Макгнушевского, для хоробы его ку той справе мети не могла, тогды, чинечи досыть тому постановеню своему, служебника своего, Яна Некгошевского, до тебе присылала; нижли дей ты иного никого ку той справе припустити не хотел, одного того самого Макгнушевского, с которымъ ся тое постановене стало, на которого дей Макгнушевского бытность власным еси листомъ своимъ, до нее писанымъ, отзываль; а теперъ-де ее о то ку праву потегаеши: надто, безвинно у подданныхъ ее двесте овецъ взяти казалъ; и просила насъ пани Судомирская, абыхъмо о томъ до тебе листь нашъ писати, а тую речъ тебе зъ нею, водле постановеня Макгнушевского съ тобою, кончити велели, и ку становеню, або посланю Магнушевского на тую справу по той хоробе его, для лепшого, способнейшого выздоровеня его, часу ему узычили, и тые овцы, у подданныхъ ее побранные, вернути ей велели; ино, кгда жъ она того приятеля своего, Макгнушевского, не для чего иного, — одно для хоробы его, на онъ часъ до тебе посылати не могла, также и теперъ, для неспособного здоровья его, пани послати, и онъ самъ ехати не можетъ, твоя бы милость съ тою справою на застановене тыхъ заштей и розниць межи нею и тобою, черезъ Макгнушевского, до выздоровеня его, до светого Мартина, теперъ близко пришлого, римского свята, въ семъ року, шестдѣсять осмомъ, подождаль; а подданнымъ своимъ ку ее подданнымъ до того часу спокойне заховати и тые двесте овецъ, если будутъ у подданныхъ ее вляты, им вернути велель. Писанъ у Варшаве, лѣта Божего нароженя тысяча пятсотъ шестдѣсять осмого, месяца сентебра сегогонадцать дня. Базилиусъ Древинский, писарь«.

57.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ сборщикамъ податей: князю Дмитрію Козекъ и Ивану Гулевичу, предписывающая имъ принять подать изъ имѣній князя Андрея Михайловича Курбскаго, безъ взысканія штрафа за несвоевременную уплату оной. 1568 года, октября 5.

Лѣта Божого нароченя 1568, месеца ноябра двадцать второго дня.

Постановившия обличне на враде замку господарского, Володимирского, передо мною, Павломъ Григоровичомъ Ораньскимъ, на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ володимирскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судіею княжскимъ володимирскимъ, князь Дмитрей Анѣдреевичъ Козека, а панъ Иванъ Михайловичъ Гулевичъ, поборцы повету Володимирского, на року за позвы кгородскими припаломъ, жаловали, водле позваня своего, на князя Андрея Михайловича Курпского, старосту Кревского, тыми словами: што-жъ который платъ подымный его королевская милость съ паны радами ихъ милости князи, паны, владовниками земскими и дворнымн, и послами поветовыми, и всими станы, сойму належачими, на сойме великомъ валномъ Городенскомъ, въ року теперъ-идучомъ, шестьдесятъ осмомъ, съ подданныхъ своихъ господарскихъ, и тежъ князскихъ, панскихъ и землянскихъ, духовныхъ и светскихъ, уфалити и постановити, и роки отданю того податку зложити рачилъ, на которые еслибы хто не отдалъ, тогды совито заплатити повиненъ, — яко ширей а достаточней меновите на рецесе и листе его королевское милости описано есть, почому хто отъ чого и на которые роки до бирчихъ поветовыхъ отдавати маеть, и въ неотданю яко ся бирчие заховачи и поступовати въ томъ мають, то такъ рокъ первый, на который половину того податку каждый отдати былъ повиненъ, вже давно минулъ, а князь-де Курпский, не ведети для которое причины, половицы того податку, на сойме уфаленого, первшое и на рокъ первшый намъ, яко бирчимъ поветовымъ, зъ ыменей своихъ, въ повете володимирскомъ лежащихъ, не отдалъ. Мы, заховываючися въ томъ, ведле поставенья и рецесу сойму городенского, позвомъ кгородскимъ о неотданье того податку половицы первшое, на рокъ /142/ зложоный, его позвали и тотъ позовъ на праве передъ нами положили, который имъ читанъ былъ. По вычитанью позву, служебникъ князя Анѣдрея Михайловича Курпского, Миколай Богушевский, тутъ-же стоячи, очевисто за листомъ моцованымъ князя его милости пана своего, который передъ нами показалъ, на то поведилъ: панъ мой, князь Андрей его милость Михайловичъ Курпский, не безъ причины, але зъ причиною, то есть за небытностю его милости самого у Ковлѣ, и ктому иж-дей владникъ его милость Ковелский, пригодне есть пострелен, для того-дей на рокъ назначоный отданю тыхъ пенезей, отдати поомешкано, а ведже-дей после того року, по два кротъ, тые пенензи плату подымную до васъ, панове поборцы, князь его милость панъ мой посылалъ, ваша-дей милость пенензей безъ совитости брати не хотели, и показалъ выписъ съ книгъ замку Володимирского оповеданя на враде слугъ его милости князя Курпского пана своего: Грышки Клечковского а Шимона Меженского, иж-дей князь Козека тыхъ пенензей безъ

совитости брати не хотель и вызнания возного повету Володимерского, Хацка Чувала, ижь-дей при немъ тые слуги князя Курпского зъ ыменей князя своего его милости пана своего Ковелскихъ гроши подымные князю Козеце отдавали, а онъ дей тыхъ грошей подымныхъ въ нихъ взяти не хотель и не взялъ, поведаячи, ижь вже роки отданю того податку проминули, прото дей безъ совитости брати не буду, але-дей нехай князь вашъ прише зъ совитостью, тогды-дей я озму, а въ посланца пана Михайла Малинского на завтрее-дей после того въ середу, таковой же платъ подымный при мне, возномъ, взялъ; потомъ служебникъ князя Курпского, Миколай Богушевский, поведиль, кгдажъ дей, ваша милость, панове поборцы, того податку отъ князя его милости пана моего безъ совитости взяти не хотели, князь, его милость панъ мой, о то посылалъ до его королевское милости, а такъ его королевская милость листъ свой господарский до вашей милости писати казати рачиль, розказуючи, абы ваша милость тотъ податокъ съ причинъ перво-помененыхъ, и въ листе его милости господарскомъ описаныхъ, звлаща, ижь имене Ковелское есть властность его милости господарская, безъ совитости взяли и тотъ листъ его королевское милости отвороный, съ подписомъ руки его милости господарское, до поборцовъ повету Володимерского, — князя Дмитрия Козеки, до пана Ивана Гулевича, передъ нами показаль, писаный тыми словы:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий /143/ князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ. Поборцамъ повету Володимерского на выбиране податку земского, на сойме недавно минуломъ Городенскомъ уставленнымъ, князю Дмитру Козеце а Ивану Гулевичу. Писаль и присылалъ до насъ староста Кревский, князь Андрей Михайловичъ Курпский, о томъ, ижь-дей, за небытностью его самого у Ковлѣ, и къ тому-жъ, ижь врадникъ его Ковелский пригодне есть пострелень, для того-дей пенези серебщизные зъ ыменей Ковелскихъ, водле уфаты сойму Городенского выбранные, на рокъ, отданю тыхъ пенезей назначоный, до васъ отдати поомешкано, а вы-дей теперь безъ совитости тыхъ пенезей принять отъ него не хотите. и просиль насъ, абыхъмо листъ нашъ о томъ ему до васъ дати велели; а такъ, кгдажъ тые пенези серебщизные не за недбалостю его, але за тыми причинами поменеными на рокъ назначоный не отданы, звлаща, ижь имене Ковелское есть власность наша господарская, для того приказуемъ вамъ, ажъбы есте тые пенези серебщизные, зъ ыменей Ковелскихъ выбранные, у князя Курпского безъ совитости взяли и трудности некоторые въ томъ ему не чинили конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ осмого, месеца октобра пятого дня. Тутъ подпись руки господарское, а потомъ писарское, пана Михайла Гарабурды. Панове поборцы: князь Дмитрей Козека а панъ Иванъ Гулевичъ мовили, што ты, Богушевский, поведаетъ, жебы панъ твой, князь Курпский, тые пенези, плату подымную, двакротъ до васъ посылалъ, ино, — съ пенезми одень разъ, а не два, а другой первый разъ безъ пенезей, толко доведываючися, где бы до насъ съ тыми пенезми послати мель, присылалъ; и то не передъ рокомъ, а ни на рокъ назначоный, але после року, што на властныхъ листехъ князя, его милости, пана твоего, до насъ писаныхъ, покажемо; якже и тые листы князя Курпского, до нихъ писаные, два передъ нами показали, поведаячи, ижь за неотдане на рокъ назначоный безъ совитости брати не хотели, и мовили, же-дей то и самъ признаваешъ и на выписе врадовомъ, такъ тежъ и на листе его королевское милости поменено, а што-дей на выписе врадовомъ вызнание возного написано, яко быхъ я, Дмитръ Козека, на завтрее, после того, яко князя Курпского слуги съ тыми пенезми подымными до мене приежчали, въ посланца пана Михайла Малинского таковой-же платъ подымный взяти мель, ино-дей того не было, и ачъколвекъ-дей тотъ податокъ не на што иного, одно на оборону речи посполитое, на людъ служебный /144/ уфалень, и на таковыхъ, хто бы на рокъ, отданю того податку назначоный, не отдалъ, тотъ обовязокъ

учиненъ, абы совито заплатилъ, яко и князь Курпский за неотдане того податку на рокъ назначоный, водле уфалы соймовое въ совитость упалъ; але ижъ его королевская милость листъ свой господарский до насъ писати казати рачилъ, розказуючи, абыхъмо, съ причинъ, въ листе его милости господарскомъ помененыхъ, у князя Курпского тые пенези безъ совитости взяли. Мы, чинечи досыть воли и розказаню его милости господарскому, тые пенези, плату подымного, если же еси ихъ принесъ отъ пана твоего, князя Курпского, безъ совитости озмемъ. А такъ тотъ листъ его королевское милости при собе зоставимъ и часу чиненя личбы имъ ся въ томъ боронити будемъ. Служебникъ князя Курпского, Миколай Богушевский, противо тому поведилъ: же тыхъ пенезей, плату подымного, отъ пана своего до васъ, панове поборцы, не принесъ, бо якже есте перво безъ совитости брати не хотели, тогды князь его милсть, панъ мой, писалъ до его королевское милости и до папа гетмана его милости, даючи о томъ ведати, и за тымъ его королевская милость тотъ листъ свой господарский до васъ писати казати рачилъ, абы тые пенези безъ совитости взяли, а панъ гетманъ его милость до князя его милости, пана моего, листъ свой писати рачилъ, абы князь его милость, панъ мой, тые пенези и реестры выбирания того податку до его милости послалъ, хотечи казать личбы прослухати и тые пенези взять, а его милость своимъ квитомъ съ того квитовал и за писаньемъ листу его милости пана гетмана, яко тые пенези подымные первое раты, такъ тежъ и другое раты, зо всихъ именей Ковелскихъ, казавши выбрать, до его милости пана гетмана послалъ, и показалъ цедулу подъ печатю князя Курпского, пана своего, по полски писаную, поведаячи, иж-дей тую цедулу панъ мой, князь Курпский, зъ листу его милости пана гетмана, до его милости писаного, тотъ одень артикулъ, абы тые пенези и реестра до его милости послалъ, выписати казалъ, и для ведомости до васъ послалъ, которая цедула написана есть тыми словы: въ томъ же листе своемъ, ускажати се передо мною ваша милость на поборцовъ поветовыхъ рачишъ, вторые, розгневавшись на вашу милость, пенезей, на оборону постановленыхъ зъ ыменей прилеглыхъ, ани приймають, ани личбы вашей милости слухать хотять, и просишъ мене ваша милость о науку, штобы зъ тымъ ваша милость чинити мель, а такъ, милостивый пане, поневажъ ихъ милость, тамътые панове, противко /145/ вашей милости такъ зубато поступують, теда ваша милость за обе рате съ тамътыхъ именей своихъ пенези казавши выбрать и реестра справить, рачилъ тые пенези весполокъ и реестра до мене прислати, а оказавши, личбы прослухать, а водлугъ ней пенези одбирать буду, зъ того вашу милость квитовать, што ваша милость стане за квитъ поборцовъ тамътыхъ. Данъ зъ Брестовець первогонадцать октебра. Панове поборцы поведели: мы того не ведаемъ, если же князь Курпский тые пенези до пана гетмана его милости послалъ, або не послалъ, кгда-жъ листу его милости о то до себе не маемъ и квити не видимъ, прото мусимъ ся зъ братею своею, зъ шляхтою того повету Володимерского въ томъ намовить, звлаща ку ведомости князя воеводы его милости Волынского и иншихъ ихъ милости пановъ, передъ которыми, есмо личбу чинить повинни, и паномъ посломъ, на сеймъ до его королевское милости отправенымъ, донести, и до его королевское милости послать, даючи о томъ ведать и просечи о науку, што съ тымъ чинить; а што ся дотычетъ листу его королевское милости, до пановъ поборцовъ писаного, ино ижъ промежку обудву сторонъ, то есть пановъ поборцовъ и служебника князя Андрея Курпского, Миколая Богушевского, споръ сталъ; панове поборцы хотели тотъ листъ его королевское милости при собе зоставить, а служебникъ его милости князя Курпского, Миколай Богушевский, хотелъ, абы ему зася былъ верненъ, и для того обедве стороне, на то зволивши, тотъ листъ его милости господарский до sprawy skuteczne тих речи при враде зоставили, и просили зъ обудву сторонъ, абы тая справа въ книги замковые была записана. Мы то все достаточне для памети въ книги замковые записати казали.

58.

Грамота Сигизмунда-Августа, извѣщающая объ отдачѣ на годъ въ откупъ таможенныхъ пошлинъ евреямъ: Менделю Изаковичу и Липману Шмерлевичу, и приглашающая всѣхъ жителей великого княжества литовскаго оказывать откупщикамъ возможную помощь при сборѣ пошлинъ и не способствовать тайному провозу товаровъ. 1568 года, октября 30.

Року 1568, декабря 5 дня. /146/

Пришедши на врьдъ его королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене Яроша Палишевского, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будучого на месцу Петра Хомека, подстаростего Луцкого, писаря коморы Луцкое побору и мыта его королевское милости, Давыдъ-Марковичъ а Мойзышъ Юсковичъ, показовали мни листъ его кролевское милости подъ печатю и съ подписомъ власное руки его милости господарское, просечи, абы былъ вычитанъ и въ книги гродскіе уписанъ, который листъ такъ ся въ себе маеть:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божею милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ. Княземъ, паномъ, духовнымъ и светскимъ, воеводамъ, каштеляномъ, княгинямъ, панеямъ, маршалкамъ, врьдникамъ нашимъ земскимъ, и дворнымъ старостамъ, державцамъ, тивуномъ ихъ, и наместникомъ земляномъ и дворяномъ, нашимъ, и тежъ войтомъ, бурмистромъ, райцамъ, мещаномъ мествъ нашихъ: Луцкого, Кремянецкого, и Володимирского и иныхъ мествъ и сельъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, въ земли Волынской лежащихъ, а особливе людемъ купецкимъ такъ хрестияномъ яко и жидомъ, и иного стану людемъ, и всимъ тымъ, которые колвекъ именья и оселости свои земские и местские мають въ земли Волынской, што которые поборы отъ всякихъ товаровъ по всему панству нашому, великому князству Литовскому, такъ давней и повѣторе другий поборъ на соймехъ валныхъ на потребу речи посполитой, а меновите на оборону земли Флянское, уфаленые, арендованные суть отъ насъ господаря, старосте Жомоитскому, маршалку земскому великого князства Литовского, державци Плотелскому и Телшовскому, пану Яну Ерониму Ходкевичу и подканъцлерому нашему великого князства Литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскому и Добринскому, пану Остафью Воловичу, якобы за дозренемъ ихъ милости пилнымъ нихто, не отдавши побору на коморахъ пограничныхъ, потаемъне съ товары не могъ проезжати за границы панствъ нашихъ водле позволенья староствъ на сойме кождый зъ васъ, пановъ вышейпомененыхъ въ замцехъ, дворехъ, местехъ и селехъ, въ нашихъ господарскихъ и въ своихъ коморъ сторожу держаты допустили; нижли панъ староста Жомоитский и панъ подканцлерый, будучи быти забавны справаи нашими господарьскими и земьскими, а ведаючи на то людей беглыхъ и сведомыхъ справъ поборовыхъ подданныхъ нашихъ, жидовъ Берестейскихъ: Менъ-/147/деля Изаковича а Липмана Шмерлевича за ведомостю и позволенемъ нашимъ господарьскимъ, поручали имъ тыми поборами отъ себе справоваты, которыми ажъ по сей часъ и платечи въ скарбъ нашъ все сполна на

раты, за плате розложенные, а въ аренде нашей описанные, которые въ томъ уквивжонные справе поборовой намъ ознаймуютъ, же многие зъ васъ въ замцехъ, въ местехъ, и въ селехъ нашихъ господарскихъ, такъже и во всихъ коморахъ при границахъ на озбиранье побору отъ товаровъ и сторожи промыты стеречи не допустили, за чимъ великая шкода потребе земской дѣться такъ, ижъ зъ скарбу нашего на тое мѣстьцо великая сума выдана на людъ служебный, а зособна вытрученье за тое не допущено, коморъ места хочуть водле аренды нашей; а ижъ вжо въ аренде пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого на тые поборы день всихъ сватыхъ, въ року нинешнемъ, шестьдесять осмомъ, выходитъ, про то мы, хотечи пожитковъ и шкоды земское постеречи, абы ниhto уквиватися не смелъ занеханьемъ неякимъ того къ по колко годовъ, коморъ и прикоморковъ на выбране поборовъ и сторожи на то при границахъ панства нашего, великого князства Литовского, не поступлено, за чимъ собе такой пожитокъ отъ людей купецкихъ потаемне проежчающихъ съ товары за границу множила и скарбови нашему, который себе великий поноситъ шкоду ободва давнешний и на сойме Берестецкомъ прошлому ухваленый, отъ товаровъ всякихъ купецкихъ, которые сухимъ и воднымъ путемъ за границу и з за границъ провадыть ку вернымъ рукамъ поручили есмо отъ насъ тымъжо подданнымъ нашимъ, жидомъ Берестейскимъ, Менделю Исаковичу а Липману Шмерлевичу, по вышстью пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого аренды, на той рокъ пришлый, тысяча пятсотъ шесдесять девятый, и, маючи тежъ отъ нихъ упевнене, то есмо а передъ-же на тотъ рокъ, шесдесять девятый, колконадцать тысячей копъ грошей, да въ скарбъ нашъ на отправу посла татарского и на заплату людемъ служебнымъ на замки наши украиные и на иные земские потребности и тому и, тыхъ причинъ, абыхмо ведали отъ нихъ и правне дозысковати могли шкоды земские скарбу нашего, по которыхъ месцахъ коморъ на сторожу купцовъ, потаемне проежчающихъ, а то поступили, гдыжъ они причиненю личбы за то немалую суму за рокъ теперешній, шесдесять осмый, вытрученемъ чинити хочуть, чого они и теперъ правомъ /148/ нашимъ господарскимъ, яко въ речи земской, попирали будутъ повини, маючи на то доводы слушные; а такъ мы тые поборы вышейпомененные на коморахъ и прикоморахъ во всемъ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, подати имъ, послали дворенина нашего вы бы о томъ ведали о тые поборы помененные або старые и новии, на потребу речи посполитой, на соймахъ уфаленные, отъ всихъ купцовъ на коморахъ и прикоморахъ звыклыхъ, где передъ за аренды пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого сторожа бывала, поборъ выбирати допустили съ коморъ и прикоморковъ въсюды въ местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ и тежъ у своихъ, подле уфалъ соймовыхъ, на выбиране и перестерегане тыхъ поборовъ, поступовали и нисчимъ есте забороняли, и кождый отъ себе помочь вшелякую у промыте купцовъ своевольныхъ, которые, не хотечи поборовъ своихъ коморы и прикоморки поборовые потаемне або упорне, сухимъ и воденымъ путемъ проежчачи, Менделю и Липшану и справцамъ ихъ давали помочь, и завжды, яко въ речи нашей и земской, отъ всихъ кривдъ боронили, а сами въ справы ихъ поборовые уступоватыся, и имъ въ нихъ шкоды и перешкоды некоторые чинити, и ихъ кривдити и утыскати ничымъ не смели, але-ся ку тымъ поборцамъ нашимъ и справцамъ ихъ во всемъ спокойне а пристойне заховали конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя, тысеча пятсотъ шесдесять осмого, месяца октября двадцатого дня. Подпись руки господарское — Жикгимонтъ-Августъ, кроль; Подпись руки писарское — Матысь Савицкий, писарь». А такъ я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова, з конца ажъ до конца, до книгъ кгородскихъ записати казалъ.

59.

Грамота Сигизмунда-Августа, старостѣ луцкому, брацлавскому и винницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому, предписывающая ему выдашь бѣглыхъ крестьянъ и вознаградить убытки, причиненные Владимірскому подкоморію, Александру Семашку. 1569 года, февраля 1.

Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий /149/ князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Маковецкий, Лифлянский и иныхъ. Старосте Луцкому, Браславскому и Вѣницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому. Жаловаль намъ подкоморий Володимерский, панъ Александро Семашко, о томъ, штожъ дей людей его не мало, отчичовъ именія его Голышевского, зъ жонами, зъ дѣтми и зо всеми статками и маетностями своими от него втекли, до имения твоего зашли; а ты дей, не толко за напомниманіемъ его тыхъ подданныхъ его ему не выдаешъ и справедливости зъ нихъ не чинишъ, але дей ще тымъ людемъ его, которые за тебе зашли, земли и грунты того именія, Голышевского, черезъ границы забирати и в иныхъ поточныхъ речахъ многіе кривды, зважа въ бои и грабежахъ, ему и людемъ его, Голышевскимъ, чиниты кажешъ; въ чомъ онъ кривду и шкоду собе мелючи быти, а тыхъ людей своихъ позыскати хотечи, билъ намъ чоломъ, абыхмо листъ и дворанина нашего о томъ ему до тебе дали, и кгрунтовъ его властныхъ забирати и некоторыхъ кривдъ делати не допустили. А такъ мы придаемъ ему на то дворанина нашего жебы зъ тымъ листомъ и двораниномъ нашимъ людей своихъ въ именяхъ твоихъ знашолъ; а будутъ ли ея знати властными поддаными ихъ, — приказуемъ тебе, ажъ бы жесь тыхъ людей его, зо всѣми статками и маетностями ихъ, съ чимъ буде до тебе зашли, передъ тымъ двораниномъ нашимъ, ничимъ не чикуючи (sic), выдалъ. А пакъ ли бы ся людьми его быти не знали, ты бы ему зъ ними справедливость не отволочную, водле обычаю права посполитого и статуту земского, при томъ же дворанине нашемъ вчини лъ, а особливе жебы сесь грунтовъ и землю его властныхъ забирати и некоторыхъ кривдъ людемъ его делати не велель, же бы онъ въ томъ собе нешкодовалъ и намъ нежаловалъ. Писанъ у Люблине, лета Божого нароженя 1569 года, месеца февраля 1 дня. (LS.) Михайло Гарабурда.

Сообщено В. Антоновичемъ. /150/

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1.

Грамота Сигизмунда 1, подтверждающая дарственную запись на мызу въ пользу церкви Св Николая въ ВильнѢ, выданную подскарбіемъ земскимъ Богуславомъ Пилькевичемъ. 1523 года, іюля 7.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt czwartego, miesiąca septembra trzeciego dnia.

Przwd urzędem i aktami niniejszemi Kijowskiemi i przedemną, Grzegorzem Kaleńskim, archywidą przysięgłym ziemskim, stawając osobiście urodzony jegomość pan Michał Pilkiewicz, ten ekstrakt z ksiąg urzędowych Słuckich autentycznie wydany, z wpisaniem w nim prawa wraz z zatwierdzeniem od najjaśniejszego Zygmunta, króla polskiego, na folwark pana Bohusława Pilkiewicza, pod Wilnem sytuowany, cerkwi S-go Mikołaja, ratione intra-contentorum łaskawie danego i służącego, podpisem ręki wielmożnych podstarosty i pisarza, urzędników tamejszych przy pieczęci zatwierdzony, na papierze ordynaryjnym, w roku tysięcznym sześćsetnym trzydziestym pierwszym wydany, z przyszytym arkuszem papieru stęplowanego ceny grosza srebrnego jednego, do akt ziemskich Kijowskich w oblatę podał, w te słowa:

*) Настоящие акты открыты въ актовыхъ книгахъ центрального архива уже во время печатанія грамотъ великихъ князей Литовскихъ, и потому они помѣщаются въ приложеніи. Всего этихъ актовъ оказалось пять и по содержанию своему — одинъ, подъ № 1, относится къ исторіи церкви, подъ № 2 — къ исторіи дворянства, а три, подъ №№ 3, 4 и 5, къ поземельному владѣнію въ южной Руси.

Widymus z xiąg spraw urzędowych zamku xięztwa Słuckiego, roku tysiąc, sześćset trzydziestego pierwszego, miesiąca lunii dwónastego dnia. Na urzędzie zamkowym, od jaśnie oświeconego xięcia jegomości pana miłościwego ustanowionemi, przed nami: Mikołajem Witrolinem, podstarościm Słuckim, Andrzejem Pużakiewiczem, pisarzem, na miejscu sądowem będą-/151/cemi, stanąwszy oczewisto, pan Jan Kasperowicz Pilkiewicz opowiadał, pokładał i dowiódł, podał list swój na rzecz, w nim niżej wyrażoną, prosząc, aby ten list ze wszystką rzeczą był do xiąg przyjęty i wpisany; który, w księgi wpisując słowo do słowa, tak się w sobie ma:

»Zygmunt, z Bożoje miłosty korol Polski, wełykyj kniaź Łytowski, Ruski, kniaża Pruskoje, Żmudzkoje i inych. Pryszedszy pered nas podskarbyj zemskij, marszałok i pysar nasz, derżawca Kamianeckij, pan Bohusław Pilkiewicz, i powedył pered namy: sztoż dał na cerkow Bożiju Swiatoho Mykoły Perenesenja, w Wylni, folwark svoj pod Wylnom, kotoryj kupył u namisnyka Mohylewskoho, kniazia Wasyla Iwanowycza Sołomirećkoho, kuplu jeho, szto on kupył w kupca naszoho, Charytona Chadczucza, zo wsim, kak sia w sobie majet, i był nam czołom, iż byśmo tot folwarok potwedły cerkwi Bożoi naszym łystom na wieczność', yno my, na ustnoje zeznanyje jeho, z łaski naszoje hospodarskoje, na czołombytyje jeho to uczynyły, tot folwark potwerżajem cerkwy Bożoj tym naszym łystom wecznie i neporusznie; majut swiaszczenyky, kotoryi w toj cerkwi Bożoje budut służyt', tot folwark derżaty ku cerkwi Bożoje zo wsim, kak sia w sobie majet, według ustnoho jeho zoznanija, a na twerdost' toho i i peczat' naszu kazały jeśmo pryłožyt' k semu naszemu łystu. Pysan w Wylni, w lito semoje, tysiacza trydciatoho perwszoho hodu, miesiacia julia dnia siomoho, indykta .. U tego listu królewskiej mości, pana miłościwego, przy pieczęci wielkiego xięztwa Litewskiego, podpis ręki temi słowy: Ropot Waszkowycz, marszałok i pisar (L. S). Któren to ten list jego królewskiej mości, pana naszego miłościwego, za podpisem oczewistem pana Jana Kasperowicza Pilkiewicza, do akt, do xiąg urzędowych zamku księztwa Słuckiego jest przyjęty i wpisany. Z których i ten widimus, w roku tysiąc siedemset

pietnastym, miesiąca decembra dwudziestego dnia, za podstarostwa jegomości pana Andrzeja Sierzputowskiego, miecznego Mozyrskiego, a pisarza, mnie, Maximiliana Achemtowskiego, jegomościom panom Szymonowi i Theodorowi Pilkiewiczóm, ziemianom, pod pieczęcią urzędową, wydan. Pisan w Słucku, ut supra. U tego ekstraktu z xiąg urzędowych xięztwa Słuckiego, w obiatę wniesionego, korekta i lekta przy pieczęci urzędowej w te słowa: Andrzej Sierzputowski, mieczny Mozyrski, podstarości xięztwa Słuckiego (L. S.). Zgodny z xięgami«. Którén to ekstrakt, woblatę wniesiony, słowo w słowo ak się w sobie ma, do xiąg niniéjszych ziemskich, Kijowskich, jest zapisany.

Книга Кіевская, земская, записовая, № 141, 1777 — 1784 г., листъ 1117. /152/

2.

Грамота, пожалованная Сигизмундомъ I Николаю Буркату на дворянское званіе, съ присоединеніемъ его къ гербу »Лебедь«. 1531 года, февраля 10.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt piątego, miesiąca octobris pierwszego dnia.

Przed aktami ninieyszemi ziemskimi Kijowskimi y przedemną, Aloizym-Kaietanem Borowickim, namiesnikiem przysięgłym ziemskim Kijowskim, osobiscie stawający urodzony jego mość pan Jan Łukawiecki, ten przywiley od nayjaśnieyszego króla polskiego Żygmonta na szlachectwo urodzonemu jego mości panu Mikołajowi Burkatowi konferowany, podpisami rąk nayjaśnieyszego króla polskiego y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci koronnej, na wosku z lakiem czerwonym wycisnionej, przy tymże na sznurku iedwabnym zawieszonej, zatwierdzony, na pargaminie napisany, z przyszytym arkuszem papieru stęplowanego ceny grosza srebnego, do akt ziemskich Kijowskich w obiatę podał, w te słowa:

Sigismundus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Litvaniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Łanciciae, Cujaviae, Russiae totiusque Prusiae ac Masoviae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae et caetera dominus et haeres. Memoriae commendamus sempilernae, universis et singulis tenore praesentium significantes, quod cum nemo est, qui nesciat, ut homines, quae meliora honestioraque sunt, mirifice appetunt et sequuntur, et sicut in coelo alii aliis sunt praestantiores superioresque, ita et in hoc mundo, hi, qui virtute, innocentia, fide, integritate et humanitate praestant, maioris ponderis et aestimationis apud omnes habentur; cum autem reges et principes post Deum in orbe terrarum primum et praecipuum locum inter mortales obtinent, data est eis omnium consensu potestas, ut rerum humanarum sint moderatores et, pro singulorum hominum virtutibus, alios prae aliis proemiis condecorent et augeant; sane cum accepimus fideli narratione magnifici Nicolai de Schydlowicz, castellani Sandomiriensis, regni nostri Thesaurarii, Radomiensis, Osvecimiensis, Zatoriensis, Crepicensis, Olstinensis et Grodecensis capitanei, ex linea materna de familia Cignorum oriundi, et generosorum Joannis Łabucz, dapiferi curiae nostrae, Pauli de Volia, tribuhi Radomicensis et subdapiferi Sandomiriensis, nec non Joannis Krajowski, dapiferi /153/ Sermiensis, et Dominae Bonae, reginae Poloniae, conjugis nostrae charissimae, et Petri Krzczonowski, fratrum et patruorum de familia et gente Cignorum, ut egregius Nicolaus Burkath de Brzezynka, factor in Czerniachow, est homo ejus modi morum, virtutis, prudentiae, fortitudinis, constantiae, facultatum et in rebus gerendis dexteritatis, ut meritum illum, et ipsius liberos masculos et

femellas, ex lumbis ipsius legitime descendentes, pro fratribus clenodialibus domus, gentis et familiae Cignorum habere cuperent; prout jam ex nunc eundem Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, in dorum et familiam gentemque Cignorum coram nobis adoptarunt, asciverunt et susceperunt; suplicarunt igitur nobis dicti magnificus et generosi Nicolaus de Schydłowicz, Joannes Łabucz, Paulus de Volia, Joannes Krajowski et Petrus Krzczonowski, fratres clenodiales, ut hujus modi adoptionem et adscriptionem dicti Nicolai et ejus legitimae posteritatis in familia, domum et gentem Cignorum admittere approbare et confirmare, eundemque Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, nobilem creare dignaremur; nos, scientes adoptiones hujusmodi, ex vetustioribus moribus et sacris legibus constitutas, et regiae auctoritati, a qua omnis pendet proceditque nobilitas, perlinere et proprium esse; eos-scilicet, qui vel rebus strenue gestis, vel more, fidei ac virtutum ornamento pollent, honore debito prosecui et ad nobilitatis ordinem evehere et attollere supra nominatum Nicolaum, ipsiusque posteritatem sexus utriusque, juxta adeptionem superius factam, ex certa scientia et speciali gratia, auctoritate nostra regia, quae ad hoc maxima est, nobilem creamus, facimus eumque cum sua posteritate legitima familiae Cignorum adnuamus et connectimus perpetueque conglutinamus, ac eundem liberosque, et nascendos ipsius omnibus et singulis, ubicunque gentium et terrarum extiterint, nobilibus status utriusque spiritualibus et secularibus de nobili stirpe et claro genere ab eorum avis, proavis, atavis, per lineam rectam ex utroque parente procreatis, assimilamus et adaequamus; quorum insigne et commune proclamamus: est cignus alba in campo rubro cum plantis pedum nigris et rostro etiam nigro; supra galeam torneatilem cignus ipsa alba cum fasciis rubris et albis coloribus depictis, inferius demisse (sic), prout id manu et arte pictoris lucidius est depictum; decernentes et praesenti edicto statuentes, ut praedictus Nicolaus cum legitima posteritate praesenti et futura hoc insigni, tanquam proprio et naturali, in sigillis, anulis, catenis, signis, tentoriis, sentis, vexillis, velis, clipeis, ornamentis, ludis et actibus solennibus, seriis et reliquis ornamentis uti, potiri, et gaudere, depictaque et exculpta publice /154/ ac privatim portare et ferre possit et debeat, perpetuo et in aevuni admittamus; praeterea et dignum esse censemus praefatum Nicolaum et ipsius liberos ac liberorum posteros ad omnes et singulos magistratus, dignitates, honores et officia spiritualia et secularia, deponens ex nunc omnem plebei generis humilitatem, quocumque nomine per eos contractam, quo juri communi nobilium contrariae esse solet. Si quis aut praemissis omnibus ausu quovis contraire et hanc paginam nostram infringere volnerit, noverit, se gravissimam redignationem regiam et paenam, in statutis et legibus regni contentam, incursum. Volumus enim et docernimus hoc privilegium ad oranem probationem nobilitatis ipsi Nicolao et suis legitimis successoribus omnino sufficere. In ejus rei testimonium sigillum nostrum est apensum. Actum et datum Cracoviae, in conventu generali, feria secunda post dominicam septuagesimae proxima, anno domini millesimo quingentesimo, trigesimo secundo, regni vero nostri — vigesimo sexto; praesentibus Reverendissimo et reverendis in Christo patribus, donmis: Mathia de Drzewicza, archiepiscopo Gnesnensi, ac regni nostri primate; Petro de Themicze. Kracoviensi, regni nostri vicecancellario; Joanne Carnkowski Władisławiensi; Joanne de Latalicze, Poznaniensi; Andrea Cricio, Plocensi; Joanne Chojemski, Premisliensi; Petro de Gamratis, Camenecensi, — episcopis; nec non magnificis, generosis et venerabilibus: Christophoro de Schydłowicz, castellano et capitaneo Cracoviensi, ac regni Poloniae cancellario, Stanslao de Coszcielec, Poznaniensi et capitaneo Marienburgiensi; Otto de Chodecz, Sandomiriensi; Nicolao de Coszcielec, Calisiensi; Joanne comite de Tharnow, Russiae et exercituum regni nostri, ac Sandomiriensi capitaneo; Georgio de Bayzen, Marienburgiensi, — palatinis; Lucae de Gorka, Poznaniensi; praefato Nicolao de Schydłowicz, Sandomiriensi; Petro Cmita de Visnicze, Voycensi; Laurencio Myskowski, Bitomiensi; Joanne de Vieczynca, Plocensi, — castellanis; Nicolao Zamoszczki, praeposito Tarnowiensi, cantore Sandomiriensi et canonico Cracoviae; Stanisłao de Olesniki, praeposito Skarbimiriensi et canonico Cracoviensi; Paulo

Czuszowski, praeposito omnium Sanctorum et canonico Cracoviae, secretariis nostris — et aliisque plurimis dignitariis, officialibus ac aulicis nostris ad praemissa testibus, fide dignis, sincere et fideliter dilectis Datum per manus praefati magnifici Christophori de Szydłowicz, castellani et capitanei Cracoviensis, ac regni nostri cancellarii etc. sincere nobis dilecti. U tego przywileju, w oblate wniesionego, podpisy rąk tak nayiasniejszego Zygmonta, króla polskiego, jako y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci, w te słowa: Sigismundus rex Cristoforus de S., castelan /155/ etc. Cracoviensis W. R. P. com. Ejusdem magnifici Christophori de Schydłowicz castellani et capitanei Cracoviensis ac regni Poloniae supremi cancellarii locus sigili». Który to przywilej, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do ciąg niniejszych, ziemskich, Kijowskich, iest zapisany.

Книга Киевская, земская, записовая, 1785 — 1789 г., № 142, листъ 247 на оборотѢ.

3.

Декретъ Сигизмунда I, состоявшійся вслѣдствіе жалобы житомирскихъ мѣщанъ на дворянина Луку Лозовицкаго о томъ, что онъ присвоилъ принадлежащія имъ земли, находящіяся возлѣ рѣчки Гуйвы. Сигизмундъ, на основаніи грамоты Александра, данной дѣду Лозовицкаго, утверждаетъ право владѣнія Луки Лозовицкаго на эти земли. 1537 года, февраля 11 дня.

Roku tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego miesiąca septembris siedmnastego dnia.

W roku sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego augusti, roku wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie odprawowac się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim, kommissarzem sądów pogranicznych wojewodstwa Kijowskiego, i księgami niniéjszemi Kijowskiemi. Comparens personaliter urodzony jegomość pan Piotr Mianowski ten dekret najjaśniejszego Zygmunta króla polskiego, między Semenem Minczukiem, wójtem Żytomierskim i innemi z jednej, a Łukaszem Łozowickim z drugie strony, ratione intro contentorum ferowany, na pargaminie ruskim charakterem pisany, podpisem tegoż najjaśniejszego pana, przy pieczęci jaśnie wielmożnego marszałka, stwierdzony, ad acta praesentia terrestria Kijowiensia per oblatam podał, tenoris sequentis: Zygmont, Bożoju mylostiju korol Polski, wetykyj kniaź Łitowski, Ruski, kniaża Pruskoje, Żomojdzki i innych. Smotryły jeśmo toho diła, szto żałowały nam poddany naszymy, Semen Menczuk, wójt Żytomerski, sam od sebe i od usich meszczan naszych Żytomrskich, na dworanyna naszoho Łukasza Łozowyćkoho, sztoż zabrał on rudy i sełyszczu nasz Żytomerskyj, hde ony uchody swoi me-/156/wały, około roczki Hujwy, poczawszy od meży sełyszczu Halczynskoho, od rudki Neteczy, zaniał rudku Molawku i rudku Rujnuju, k tomu wetykyj i małyj Żerdelew i tyi rudy, zemli i sełyszczu do swoich sełyszczu Zwyniaczych pryworoczajet, a meszczan Żytomerskich odtol wyhaniajet; a Łozowyćki stał pered namy oczewysto i mowył z meszczany, cztoż tyi rudy, zemły i sełyszczu, to uże pytomnaja jeha dedyzna i otcyzna, i pokładał pered namy przywyłej brata naszoho szczasnoje pamety korola jeho mylosty Alexandra, sztoż szest sełyszczu jeha dedyznych i otcyznych: dwi Zwyniaczy, wetykij i małyj Żerdelew, dwi rudy Rujnuju i Molawku, aż po rudku Neteczu othranyczyl; potwerdył dedu jeha wecznostiu; yno my wsi tyi szest sełyszczu z rudamy i z zemlamy, szczo k nym prysłuszajet, podłuh toho prywyłu szčasnoj pamety korola jeho mylosty

Alexandra, kak w nem napysano i ohranyczeno, potola Łozowyćkomu, potomkom i szczadkom jeho, prysudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomnuju dedyznu i otcyznu jeho, a meszczanie Żytomerskyi samy, i strelcy, i kunycznyki naszymy nemajut tam nykoły nikakoho diła mity; i na to dały jeśmo Łukaszu sej nasz łyst z naszeju peczatju. Pysan w Wyłni, pod lito Bożoho narożenia tysiacza piatsot trydciat semoho, miesiacia fewrala odynadciatoho dnia, indykta semoho. U tego dekretu ruskim pismem na pargaminie pisanego, per oblatam podanego, podpisy rąk tak najjaśnićszpgo króla, jak też jasnie wielmożnego marszałka przy pieczęci w te słowa. Sigismundus rex NB. Prej. był wojewoda Wileński Au. Olbrycht Martyn nasz, a marszałek nasz dworny pan Hryn. Stan. Nam. Merci: (L. S.)«. Który że to dekret, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do ksiąg niniejszych kijowskich jest zapisany.

Книга Киевская, записовая, 1777 — 1784 г., № 141, листъ 147.

4.

Грамоты Сигизмунда-Августа, дворянину ЛукѢ Богдановичу Лозовицкому, подтверждающія привилегіи, данныя Александромъ его дѣду Нелюбу Гринкевичу Лозовицкому въ 1494 году и ему самому Сигизмундомъ въ 1537 г. на селища въ Житомирскомъ повѣтѣ: Звинячка, Звинячее, великій и малый Жерделы, руда Руйная и рудка Малявка. 1547 года, ноября 11.

Roku tysiąc siedmset siedemdziesiąt siódmego, miesiąca septembria siedmnastego dnia.

/157/

W roki sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego augusti, roku wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim, kommisarzem sądów pogranicznych wojewodstwa Kijowskiego, i księgami Kijowskimi, comparens personaliter urodzony jegomość pan Piotr Mianowski ten przywilėj od najjaśnićszego Zygmunta Augusta króla polskiego, ruskim pismem pisany, na dobra wsie Żerdele i inne, na pargaminie poprzecirany i nadwątłonym, a przez to w niektórych miéjscach i słów dostarczających niemający, z okoliczności, w manifeście, na dniu niniejszym do akt niniejszych wniesionym, wyrażonėj, bojarynowi Nelubowi Hrynkiewiczowi Łozowickiemu, ratione intro contentorum łaskawie dany, podpisem ręki tegoż najjaśnićszego króla i jasnie wielmożnego marszałka dwornego stwierdzony, ad acta praesentia terrestriae Kijowiiensiae per oblatam podał, w wyrazach takowych:

»Zygmónt-Auhust Bożegu myłostyju korol Polski, wełyki kniaź Łytowski, Ruski, Pruski, Żomojdski, Mazowecki i innych. Czynym znamenyto sym naszym łystom, chto na neho posmotryt, był nam czołom dworanyń nasz, Łukasz Bohdanowycz Łozowycky, i powedył pered namy, czoż kak posyłały eśmo jeho po potrzebach naszych na różnyje mestca, tohdy bez bytnosty jeho, gdy kniaź Fałczewski, biskup Łucki i Berestensky, a dyak nasz, pan Łew Patey, były od nas na rewyziju do Żytomera posłany wsich zemlan, kotoryi na on czas około Żytomera w domach swoich były, kak ktoroho z nych żowut, i iminya, i sełyszczu ich otcyznyje, i wysłużonye, menowyte popysały, a tyje sełyszczu, kotorych otcyzny ne otozwałysia, rozumiejuczy, czo ich tatarie pobylły, abo pomerły; i jeho Łozowyckoho szest sełyszcz dedycznyje i otcyznyje, około ryczki Hujwy u powite Żytomerskom leżaczysie, nazywajemyje

Zwyniaczku i Zwyniaczuju, welykij i małyj Żerdelew, rudu Rujnuju i rudku Malawku w odnom obrube, to vse bez bytnosly jeho do zamku Żytomerskoho za pustyi w rehestr wpysały, na kotoryje tyje sełyszczu swoje prywyłey prodka naszego swetobływoj pamety korola jeho myłosty Alexandra z peczatu didu jeho, neboszczyku Nelubu Hrynkiewiczu Łozowyckomu, dany, i łyst sudowy swetobływój pamety pana otca naszego, korola jeho myłosty Zygmonta, prysużenie czotyroch sełyszcz, pered namy, pokładał i był nam czołom, aby jeśmo toje prawo jeho do wedomosty naszoj pryniawszy, w sei łyst nasz upysaty kazały, tyje sełyszczu jeho dedyczny i otcyzny tym naszym łystom potwerdyły jemu na wiecznost; i my, wydeczy proźbu Łozowyckoho w tom słusznuju, tych łystów jeho ohledawszy, kazały /158/ jeśmo w sei łyst nasz wpysaty i tak se w sobi majet»: »Alexander Bożeju myłostyju korol Polskyi, wetyki kniaź Łylowskyj, Ruski, kniaza Pruskoje, Żomojdzki i innych. Czynym znamenyto sym naszym łystom, kto na neho posmotryt, był nam czołom bojaryn nasz Żylomierskoho powitu, Nelub Hrynkiewicz Łozowycki, i powedył pered namy: sztoż kak pohanstwo Tatare około Żytomera były, tak statky jeho pobrały, dom i w tom domu łysty wsi pożeły na szest sełyszcz dedizny i otcyzny jeho w żytomyrskom powite około reky Hujwy, meży zemlamy naszymy w odnom obrubo łęczacyje, narycajemyje Zwyniaczka i Zwyniaczaja, wetyky i małyj Żerdelew, ruda Rujnaja i ruda Malawka, i prosył aby jeśmo ohranyczyły i na to dały łyst nasz, i tyje szest sełyszcz, dodyznu i otcyznu jeho, potwerdyły jemu łystom naszym na wiecznost', i my na czołombytyje, i też dla upadu jeho, kotory jemu stałsia od pohanstwa, od tatar, w tom jeho pożałowały, tot obrub zemli i w nern usiu tuju, szest sełyszcz, dedyznu i otcyznu jeho, poczawszy od ryczki Hujwy rudkoju Neteczeju, mymo Łebedyny ozera, do dorobi staroj Kijewskoj z probytoj mohyły, a od toj mohyły tojejuż dorohoju Kijewskoju, mynajuczy werchy Łebedynych ozer i werchom rudy Rujnoje, a odtol dorohoju Kyjewskojuż ob meży Żerdelewa i Zwyniaczych do Borsuk, (hoc loco wytarto) kotoraja podle toż dorohi Kijewskoj jest, a od toj mohyły czercz połe i czerez dubrowu do reczki Hujwy, hde Hujewka w Hujwu uwoszła, a od toho miescia dubrowoju czerez rudku Bernawku do werchu rndki Kobyłej, i Kobyłeu na nyz do rudki Cheroszczy, a od Cheroszczy czerez dubrowu prosto do Hujwy, hde rudka Netecza w Hujwu upała, odkola poczałsia meży opysowaty, potola obrub tych szesty sełyszcz ohranyczyły i potwerdyły jeśmo jemu sym łystom naszym na wiecznost', i majet Nelub (hoc loco wytarto) i jeho żona i dety ich i napotom buduczij ich szcradki tyi wsi sełyszeza po tym meżam, kak w sem łyste naszym opysano derżały i wżywały, kak swoju potomniu dydiznu i otcyznu, obet (sic) wieczno i neporuszno, a na twerdost toho, peczat' naszu (hoc loco wytarto) prywesyty k semu naszomu łystu. Pysan w Wyłni, w lito sim tysiacz dwie, miesiaca julia czotyrynadcati deń, indykt dwanadciatyj. Pry tom był W. Wl. P. Min. Rad, a pan. Hryn. Stan. Marszałek dworny nasz. Merez (sic.) U toho łystu peczat' zawesistaja ciłaja. Druhy łyst sudowy tak se w sobe majet»:

»Zygmont (hoc loco wytarto) korol Polski, wetyki kniaź Łytowski, Ruski, kniaza Pruskoje, Żomoidzkoie i inych; smotryły jeśmo toho diła, sztoż żałowały nam poddany naszy Semen Mynczuk wójt Żytomerskyj nam /159/ od sebe i od wsich meszczan Żytomerskich na dworany na szoho (hoc loco wytarto) Łozowyckoho, sztoż zabrał on rudy i sełyszczu naszy Żytomerskyje, hde wony uchody swoi mewaly, około ryczki Hujwy, poczawszy od meży sełyszczu Halczynskoho, ot rudki Neteczy, zaniał rudku Malawku i rudku Rujnuju, i k tomu wetyky i mał (hoc loco wytarto) tyi rudy, zemli i sełyszczu do swoich sełyszcz Zwyniaczych pryworoczajet, a meszczan Żytomerskich odtol wyhonijet, a Łozowycki stał pered namy oczewysto, i mowył z meszczany: sztoż tyi rudy, zemli i sełyszczu to vse pytomaja (hoc loco wytarto) dydizna i otcyzna, i pokładał pered namy prywyłej brata naszo szczasnoje pamety korola jeho myłosti Alexandra, sztoż szest sełyszcz jeho didizny i otcyzny, dwi Zwyniaczyje, wetykyj i małyj Żerdelew, dwi rudy Ruinuju i (hoc loco wytarto) aż po rudku Neteczu ohranyczył i utwerdył didu jeho wiecznostiju; ino my usi tyi szest' sełyszcz z rudamy i z zemlamy, szto k nym prysłuszajet, podłuh toho prywiliu szczasnoje pamety korola jeho myłosty Alexandra, kak w

nem napysano i ohranyczono, potola łożowyckomu, potomkom i szczadkam jeha prysudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomuju didyznu i otcyznu jeha, a meszczane Żytomerskyi samy, i strelcy, i kunycznyki naszy ne majut tam nikoły nikakoho diła mity, i na to dały jeśmo Łukasz se j nasz łyst z naszeju peczatiu. Pysan w Wyłni, pod lito Bożoho narożenia tysiacza piatsot trydciat' semoho, miesiac fewrała odynadcatyj deń, indykt semy. Pry tom był W. Wt. pan Olbrycht Martyn, kasztelan a marszałek nasz dworny, pan Hryń Stan. nasz Merecki U toho łystu podpys pana otca naszoho, swetobływoje pamety, i peczat' ciła prytysnena. Ino chotiaż na tot czas łożowycki, na służbę naszój buduczy, sebe i sełyszcz swoich otczynnych pered rewyzormy ne opowidał, a ony bez bytnosty jeha w Żytomeru sełyszcz jeha za pustyje w registr do zamku wpisały, na kotoryi on prawo swoje teper pred namy pokładał i był nam czełom, aby jeśmo na to dały łyst nasz, i tyi wsi sełyszcz jeha, łystom naszym potwerdyły na wiecznost. My na czołombytyje jeha dały jeśmo jemu se j łyst nasz i potwerżajem łystom naszym na wiecznost, majet Łukasz łożowycky sam i jeha żona i ich dity i na potom buduczyi ich szczadki tyi wsi sełyszcz, Zwyniaczku i Zwyniaczuju, wetykij i małyi Żerdełew, rudu Rujnuju i rudku Malawku w tych meżach i w hranycach, kak w pomenenom szczasnoje pamety korola jeha myłosty Alexandra łysti napysano, derżaty i używały wieczno i neporuszno, i wolno im budet tyi sełyszcz komu choteczy prodaty, oddaty i darowaty i zapysaty, kak swoju własnuju didyznu (hoc loco wytarto) naszu kazałyśmo zawisyty k /160/ tomu naszomu łystu. Pysan w Wyłny, pod lit Bożoho narożenia tysiacza piatsot sorok semoho, miesiacia nojabria odynadciatyj den, indykt szostyj. U tego przywileju, ruskiem charakterem pisanego, per oblatam podanego, podpisy, tak najjaśniejszego króla polskiego, jako też jaśniewielmożnego marszałka dwornego w następujących wyrazach: Sigismundus-Augustus, rex Poloniae. Iwan Hornostaj, marszałek dworny, podskarbi ziemski i pisarz. Który to przywilej, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych ziemskich, Kijowskich, jest wpisany.

Книга Кіевская, земская, записовая, 1778 — 1784 г., № 141, листъ 141.

5.

Подтвердительная грамота Сигизмунда, слугѣ старосты Луцкаго, Брацлавскаго и Винницкаго, князя Богуща Оедоровича Корецкаго, Ермолѣ Мелешку, на селище Залисце, лежащее въ Винницкомъ повѣтѣ. 1564 года, іюля 5 дня.

Roku tysiąc siedmset dziewiędziesiąt siudmego, miesiąca iunii pierwszego dnia.

Na otwarcie xiąg ziemskich powiatu Winnickiego, kadencij Juzefa Troieckiej, prawem przypisanej zwykłym, stawiać się osobiście, urodzony Michał Bibik Korczynski, V. R. Z. B. i komendant proviantcki magazynu powiatu Winnickiego, ten ekstrakt przywieliu na polane z stawkiem Czerniszowskim, alias vroczyisko Zaliście, niegdy urodzonemu Jarmole Meleszkowi, prawem lennym za czasów panowania nayjaśniejszego króla jegomości Polskiego i wielkiego xięcia Litewskiego, Zygmunta-Augusta, roku tysiąc pięćset sześćdziesiąt czwartego, miesiąca julii piątego dnia nadanego, z akt kancelaryj metryk wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego wydany, z przyłączeniem papiru stęplowanego dwudziesto kopijkowego, dla zapisania do xiąg niniejszych w sposób obiady podał w tej istocie. »Stanisław-August z Bożej łaski król Polski, wielkiego xięstwa Litewskiego, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski,

Inflanski, Smolenski, Braclawski, Siewierski i Czernihowski. Oznajmujemy tym listem ekstraktem naszym, komu to wiedzieć należy, iż w xiegach metryki kancelaryj naszej /161/ wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego znajduje się przywilej Jermole Meleszku, nas liszcze w powiatu Winnickom, nazwanoie Zaliście, z polanoiu, z stawem Czornyszowskim na rzecze Czapli, z lesy, dubrowami i z pasiekamy, prawem lennym, za najjasniejszego predecessora naszego króla jegomości Polskiego i wielkiego xięcia Litewskiego Zygmunta-Augusta, w roku tysiąc pięćset sześćdziesiąt czwartym, miesiąca julii piątego dnia dany, i supplikowano nam iest przez panów rady urzędników, przy boku naszym rezydujących, abyśmy ten przywilej z tych że xiąg metryki kancelaryj naszej wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego per extractum authentycy wydać pozwolili, który słowo do słowa, z ruskiego wypisuiąc, tak się w sobie ma:

»Жикгмундъ-Августъ, Божою мылостію король Полскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Лифлянский и иныхъ. Билъ намъ чоломъ служебникъ старосты Луцкого, Брацлавского и Винницкого, князя Богуша Оедоровича Корецкого, Ермола Мелешко, и поведиль передъ нами, ижъ князь староста, панъ его, далъ ему зъ воли и ласки наше господарское селище въ повети Винницкомъ, на име Залисце, съ поляною, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежащими за лесомъ великимъ Винницкимъ, съ пасевами, и зо всемъ, якъ ся тое селище Залисце само въ себе и въ своихъ пожиткахъ маеть, и при томъ ставку Чорнышовскимъ дозволилъ ему дворъ будовати, лесы, дубровы розробливати и всякіе пожитки ку его доброму а пожиточному розширяти, на што ему князь Корецкій и листъ свой, подъ печатію своею и съ подписію руки своеи далъ, который листа Мелешко передъ нами покладалъ, биючи намъ челомъ, абихмо ласку нашу господарскую учинили и его при томъ селищу съ пожитки, къ тому належащими, водлугъ листу князя Корецкого zostавили и потвердили то ему нашимъ листомъ, якожъ и князь староста Луцкий, князь Корецкий, панъ его, листъ свой до насъ писалъ, просечи насъ въ томъ за нимъ и залицаючи его быть годнымъ и потребнымъ ку службамъ нашимъ господарскимъ и земскимъ тамъ на той украиinie; а такъ мы того листу князя Корецкого огледавши, казали его слово одъ слова до книгъ нашихъ и въ сей нашъ листъ вписати, который такъ ся въ себе маеть: Я Богушъ Оедоровичъ Корецкій, староста Брацлавскій и Винницкій, ознаймую и явно чиню тымъ моимъ листомъ, кому того потреба ведати будетъ, билъ мне чоломъ служебникъ мой, Ермола Мелешко, абы ему далъ на хлебокормленіе его селище пустовское, лежачое въ повети /162/ Винницкомъ, то есть, съ полями, ставкомъ Чорнышовскимъ, за лесомъ велькимъ Винницкимъ на реце Чапли, которое прозываютъ впрочемъ Залисце, на дорози велькой, которая дорога идетъ съ Винницы до Брацлава, на чомъ бы онъ будучи, собе поживеніе мети, а господару королю его милости служити мель; а такъ я, видечи, ижъ тое селище Залисце не есть на жадной перекази замку и месту его милости господарскому, Винницкому, а ни тежъ тымъ што пожиткомъ его милости господарскимъ уменьшилъ, даломъ ему и тымъ листомъ моимъ даю, до ласки его милости господарское, тое селище, на име Залисце, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежащими за тимъ же лесомъ великимъ Винницкимъ, съ пасеками и со всимъ на все якъ ся тое селище Залисце само въ себе и въ своихъ пожиткахъ маеть, и при томъ же ставку Чорнышовскимъ дозволилъ есми ему дворъ будовати, люди садити, млинъ на томъ же ставку више помененномъ збудовати, лесы, дубровы розробливати и всякие пожитки ку своему доброму пожиточному розширати, яко najlepей розумети будетъ, а господару королю его милости повинень будетъ съ того службу земскую служити, и на то есми Ермоле Мелешку далъ сей мой листъ подъ моею печатею. Писанъ въ Винницы, лета Божого нароженя тысяча пятсотъ шестидесятого, месеца іюня двадцать четвертого дня; подпись руки власное князя Корецкого. И съ ласки наше господарское, за прозьбою и залеценемъ таковымъ князя

Корецкого, же тотъ Мелешко есть годнымъ до службъ нашихъ земскихъ тамъ на той украине, на чоломъбигіе его, то есмо вделали, и при томъ селище вишеймененомъ Залесце, со всими пожитками къ немулежащими, и въ листе князя Корецкого выписаними, того Ермолу Мелешку составляемъ и то ему симъ нашимъ листомъ подтверждаемъ, маеть онъ самъ, жона, дети и власние потомки его мушизкого стану тое селище, со всими грунты и пожитки первореченоми, держати и вживати во всемъ, потому яко на томъ листи князя, старостиномъ, есть описано, а намъ господару будетъ повиненъ съ того службу земскую, шляхетскую, служити, потому яко и иншие бояре, шляхта тамошная, Винницкая, служить. Писанъ въ Белску, лета Божего нароженя тисеча пятсотъ шестдесятъ четвертого, месяца іюля пятого дня, подпись руки господарское». — *My tedy król, do pomienionej suppliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony przywilej z xiąg przerzeczonych metryki kancelaryj naszej wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego ekstraktem stronie potrze- /163/ buiącej wydać i dla lepszej wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w kancelaryi naszej wielkiego xięstwa Litewskiego, dnia siedmnastego miesiąca iunii, roku pańskiego tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego, panowania naszego trzynastego roku. — U tego ekstraktu świadectwa kancelaryi wielkiego xięstwa Litewskiego, do obiaty podanego, przy pieczęci wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego, na masie czerwonej wycisnionej, podpisy takowe: Alexander xiąże Sapieha, kanclerz W. W. X. L. mp. (L. S.). Dalszy ciąg świadectwa takowy: za sprawę JW. X. iego mości hrabi na Bychowach, Dombrownie, Drui, Szkudach, Dereczynie, Prożanej, A. Sapieha, kanclerz W. W. X. Lit. Felix Szuhert, metrykant Litewski, mp. Nadpis zaś na tym ekstrakcie takowy:*

Екстрактъ привилею Ермоле Мелешку на селище въ повети Винницкомъ, названое Залесье, съ поляною, съ ставомъ Чорнышовскимъ на реце Чапли, съ леси, дубровами и съ пасаками, правомъ леннимъ въ року тисячъ п'яцетъ шістьдзiesiąтъ чwartымъ даного». — *Który to eherakt co do słowa w xięgi niniejsze iest zapisany.*

Книга Винницкая, земская, записовая, 1797 г., № 4797, листъ 83.